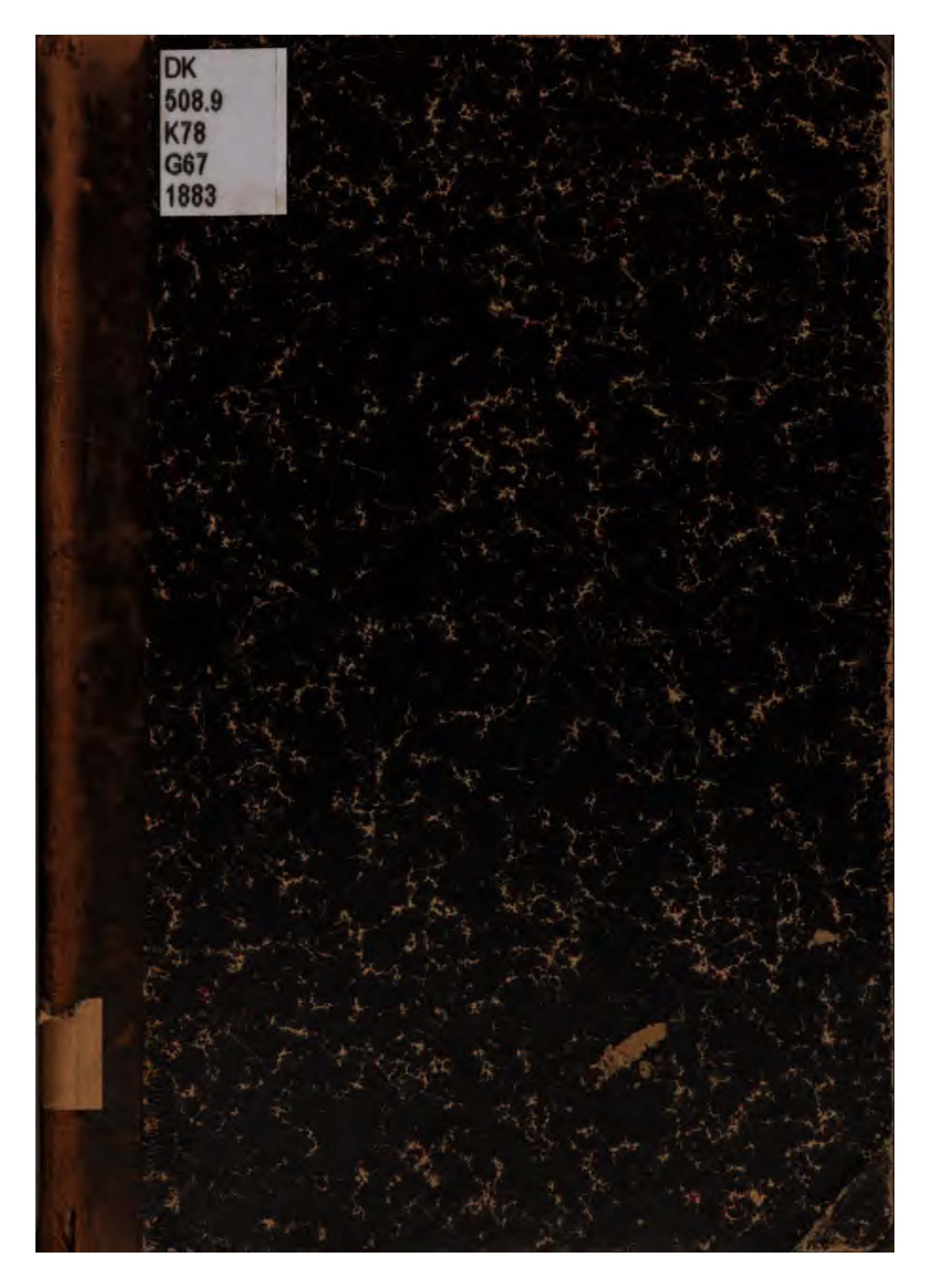

DK
508.9
K78
G67
1883

828.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

КРЫМѢ.

Кн. Е. Горчаковой.

Часть II.

МОСКВА.
Типографія Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ, Моховая, д. Торлецкой.
1884.

FZ.
1-9-04

Николай Тарбѣевъ.

ВОСПОМИНАНIЯ О КРЫМѢ.

Алушта и Кастель—гора.

Желанiе мое сбылось; я опять въ Крыму. Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣднiй разъ вглядывалась въ быстро изчезающiй берегъ Алушты. День былъ ненастный, рѣзкiй вѣтеръ несся намъ на встрѣчу съ сосѣднихъ горъ и бросалъ въ лицо крупныя капли холоднаго дождя. Но, не смотря на это послѣднее непрiятное впечатлѣнiе, дни проведенные въ Крыму оставили во мнѣ самое отрадное воспоминанiе и нерѣдко потомъ въ ненастные вечера, когда ливенъ надоѣдливо стучалъ въ окно моей комнаты, или зимняя вьюга печально завывала въ трубу потухающаго камина, въ моемъ воображенiи длинной лентой разстилались живописныя мѣстности Крыма. Грандiозныя очертанiя вершины Ай-Петри и Алупкинскаго дворца замѣняли тихую севастопольскую бухту и, въ свою очередь, уступали мѣсто цвѣтущимъ, ярко-зеленѣющимъ виноградникамъ Мисхора и Хореиза, снова смѣняемымъ бѣлыми домиками прелестной Ялты, кипарисовыми садами Никиты и Гурзу-

фа, сумрачными рощами Артека и наконецъ очаровательной долиной Алушты. Этой картиной всегда заканчивался рядъ моихъ видѣній и всѣ ея прелести необыкновенно живо сохранились въ моей памяти. Вотъ почему, когда, спустя три года, я опять очутилась въ Алуштѣ, на татарской галерейкѣ базарной гостинницы, все вокругъ показалось мнѣ давно знакомымъ, сердцу близкимъ,—милымъ, дорогимъ. Какъ старые друзья встрѣтили меня въ этотъ вечеръ и тихое, широкое море, и длинная аллея высокихъ тополей, посаженная еще, какъ говорятъ, во времена Юстиніана, и весело пестрѣющія среди виноградниковъ дачи, и гигантскіе уступы Кастели. На вершинахъ Чатыръ-Дага и Демерджи еще игралъ послѣдній лучъ заходящаго солнца, но долины у подножія этихъ великановъ, съ ихъ садами и виноградниками, уже тонули въ вечерней мглѣ, захватывающей постепенно и свѣтлыя крыши близь лежащихъ алуштинскихъ домиковъ и зеленыя верхушки тополей около моря. Передъ самой гостинницей, на татарскомъ базарѣ, еще кипѣла—жизнь. Въ татарскихъ, невзрачныхъ лавочкахъ зажглись свѣчи и фонарики и, своимъ красноватымъ отблескомъ то освящали типичныя фигуры продавцевъ и покупателей, то вмѣстѣ съ ними исчезали во мракѣ парусинныхъ навѣсовъ. Татары—погонщики, въ мохнатыхъ шапкахъ, съ длинными палками, вмѣсто бичей, расположились около своихъ тяжелыхъ мажаръ; они покуривали коротенькія трубки, а распряженные буйволы неподвижно лежали въ лужѣ, неуспѣвшей еще высохнуть послѣ вчерашняго дождя. Вдали слышался лай собакъ, блеяніе овецъ, мычанье запоздалой коровы, скрипъ приближающейся мажары, а здѣсь

около самой галерейки, раздавался сдержанный говоръ нѣсколькихъ голосовъ; до меня долетали непонятныя слова собесѣдниковъ, но не было слышно ни громкаго смѣха, ни сердитыхъ возгласовъ, ни визгливыхъ криковъ женщинъ, какъ это обыкновенно бываетъ на нашихъ торговыхъ рынкахъ, и проза жизни этого уголка поэтическаго Крыма не только не нарушала общей гармонiи, но придавала всей картинѣ мѣстный колоритъ, который мнѣ особенно нравился. Долго любовалась я этимъ прелестнымъ вечеромъ и несмотря на усталость не могла разстаться съ нимъ и дождалась на балкончикѣ восхода луны. Она появилась, наконецъ, во всей своей красѣ надъ темной твердыней Чатыръ-Дага и освѣтила мягкимъ, ласкающимъ свѣтомъ базарную площадь и красивую колокольню православной церкви. Эта церковь построена княземъ Воронцовымъ въ готическомъ вкусѣ и днемъ рѣзко выдѣляется отъ окружающихъ ее строенiй и лавокъ, составляющихъ продолженiе базара; но теперь, въ этомъ таинственномъ полусвѣтѣ луннаго освѣщенiя, она сливалась съ ними въ одно цѣлое и походила болѣе на средневѣковую крѣпость, окруженную бастiонами и стрѣльчатыми башенками, нежели на православный храмъ, одиноко стоящiй посреди татарской деревни. Остатки двухъ древнихъ башенъ и громада Кастели, чернѣющей за ними, довершали заблужденiе и переносили меня къ временамъ давно минувшимъ, къ тѣмъ временамъ, когда замокъ Алустонъ, считался весьма важнымъ береговымъ укрѣпленiемъ въ ряду тѣхъ крѣпостей, которыя ограждали южный берегъ Крыма, сперва отъ набѣговъ кочевниковъ, избравшихъ сѣверную часть Тавриды обычнымъ путемъ сво-

ихъ переходовъ изъ Азіи въ Европу, и позднѣе отъ степныхъ жителей этой части полуострова. Исполинская гряда крымскихъ горъ тянется непрерывной цѣпью отъ Балаклавы почти до самой Ѳеодосіи и надъ долинами Алушты достигаетъ своей апогеи. Бабуганъ, Корабай Яйла, Чатыръ-Дагъ имѣютъ до 5000 футовъ вышины и поражаютъ однако не столько своей громадностью и неприступностью своихъ скалъ, сколько разнообразіемъ своихъ гигантскихъ очертаній; каждая гора имѣетъ свою особую физіономію и, любуясь ими, незнаешь, которая изъ нихъ величественнѣе и красивѣе. Дѐмерджи и Чатыръ-Дагъ стоятъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ горъ; Дѐмерджи ближе къ морю, а Чатыръ-Дагъ подался назадъ по направленію къ Симферополю, за низовьемъ рѣчки Дѐмерджи-Узень, которая, съ другой рѣчкой Улу-Узенемъ, орошаетъ алуштинскія долины. Эти два горные потока, также какъ и самыя горы, между которыми постоянно прорывается степной вѣтеръ къ морю и морской вѣтеръ въ степь, дѣлаютъ температуру въ Алуштѣ гораздо свѣжѣе и пріятнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ южнаго берега, и даже въ знойные дни іюня и іюля, когда въ Ялтѣ и въ Алупкѣ изнемогаютъ отъ жары, здѣсь дышится свободно и легко, подъ мирной тѣнью тополей и роскошныхъ садовъ, захватывающихъ постепенно не только всѣ равнины, но и нижнія части горныхъ склоновъ.

О древней Алуштѣ, или вѣрнѣе о замкѣ Алустонъ упоминаетъ византійскій писатель VI вѣка Прокопій, говоря, что когда Юстиніанъ Великій, Императоръ Византійскій (527—565), узналъ, что стѣны Воспора (Керчи) и Херсона (у Севастополя), городовъ приморскихъ,

лежащихъ на предѣлахъ Византійской Имперіи, стали разрушаться, то онъ ихъ вновь возстановилъ въ болѣе красивомъ видѣ и кромѣ того сдѣлалъ еще крѣпче, нежели какими они были прежде. Въ это же время онъ построилъ замокъ Алустонъ и замокъ въ округѣ Горзувитской.

Палласъ *) же предполагаетъ, что остатки алуштинскаго укрѣпленія относятся къ древнѣйшей эпохѣ, именно къ греческой, что весьма правдоподобно въ виду тѣхъ удобствъ, которыя представлялъ этотъ важный пунктъ южнаго берега древнимъ колонистамъ, не только своей значительной бухтой, богатой растительностью своихъ долинъ, но и береговой дорогой на сѣверо-западъ въ Судакъ, на югъ въ Балаклаву и наконецъ единственнымъ тогда путемъ черезъ горы во внутрь полуострова.

Нѣтъ сомнѣнья, что и Готы, также какъ и Тавры, первобытные обитатели Крыма, оставили въ Алуштѣ слѣды своего пребыванія и, разсматривая планъ Алуштинскаго укрѣпленія, въ Крымскомъ сборникѣ Кеппена**) 1837 года, нельзя не пожалѣть, что изъ остатковъ стѣны и трехъ башень, которыя онъ еще засталъ, уцѣлѣли только нижнія части двухъ, и то въ состояніи полнаго разрушенія, грозящія своимъ паденіемъ раздавить тѣсную кучу татарскихъ саклей, такъ смѣло пріютившихся около каменныхъ остатковъ прежней силы и величія древняго Алустона.

---

*) Знаменитый путешественникъ и натуралистъ, призванный въ Россію Екатериной II.

**) Ученый изслѣдователь Крыма, авторъ Крымскаго сборника.

Въ эпоху Генуэзцевъ, въ XIII вѣкѣ, объ Алуштѣ опять упоминается довольно часто въ итальянскихъ актахъ, какъ о значительномъ мѣстѣ, управляемомъ особымъ генуэзскимъ консуломъ и военнымъ начальникомъ, а позднѣе, во время турецкаго владычества, Алушта составляетъ крайнюю къ западу деревню Судакскаго кадылыка и примѣчательна тѣмъ, что отсюда начинается рядъ крѣпостей въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Наконецъ въ 1774 году, когда уже состоялся Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, турки приплываютъ на галерахъ къ Алуштѣ, дѣлаютъ вылазку и въ 9 верстахъ отъ селенія вступаютъ въ бой съ русскими войсками. Въ этомъ сраженіи князь Голенищевъ-Кутузовъ, въ послѣдствіи фельдмаршалъ и князь Смоленскій, былъ раненъ пулею въ голову и лишился глаза. Объ этомъ событіи напоминаетъ надпись на фонтанѣ, изъ крымскаго порфира, устроенномъ на шоссейной дорогѣ изъ Алушты въ Симферополь.

Но не однѣ развалины укрѣпленій и быстро изчезающіе остатки древнихъ церквей свидѣтельствуютъ о долгомъ пребываніи христіанскихъ народовъ въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ. Готы, греки, итальянцы, жившіе здѣсь въ древности, оставили въ наслѣдство своимъ потомкамъ, нынѣшнимъ алуштинскимъ татарамъ, греческій типъ лица, стройный станъ, грацію и быстроту движеній. Языкъ ихъ рѣзко отличается отъ непріятнаго, отрывистаго нарѣчія степныхъ татаръ и множествомъ мягкихъ созвучій, напоминаетъ пѣвучую итальянскую рѣчь. Въ ихъ нравахъ и обычаяхъ сохранились до сихъ поръ нѣкоторыя черты жизни древнихъ грековъ; въ нашъ холодный вѣкъ эгоизма и расчета особенно по-

разительно ихъ гостепріимство, которое переноситъ насъ въ золотое время патріархальной, безъискусственной жизни. Алуштинскіе татары, какъ и всѣ татары Крыма, мусульмане, но вѣра ихъ предковъ христіанъ, безсознательно для нихъ самихъ, напоминаетъ имъ о прошломъ, вызывая ихъ уваженіе къ древнѣйшимъ христіанскимъ святынямъ Крыма и почитаніе нашихъ важнѣйшихъ праздниковъ. Въ эти дни они обыкновенно посѣщаютъ горные монастыри Крыма, присутствуютъ при молебнахъ около святыхъ колодезей, усердно молятся Аллаху и съ вѣрою погружаютъ своихъ больныхъ въ ихъ цѣлебныя воды. Источникъ Савлукъ Су (*здоровая или живая вода*) при Космодаміановской киновіи, расположенной въ 17 верстахъ отъ Алушты, среди высокихъ горъ и дѣвственнаго лѣса, пользуется особымъ уваженіемъ и 1-го іюля, когда празднуется память св. Космы и Даміана, татарское населеніе окружныхъ деревень стремится туда, наравнѣ съ христіанскими жителями. Въ послѣднее время Алушта очень разрослась и европейскіе домики стали загораживать татарскія хаты, съ ихъ плоскими, восточными крышами и глиняными трубами, въ видѣ узкихъ шалашей. Добраться до татарскихъ жилищъ очень трудно, вся деревня лѣпится около остатковъ стѣны и башень и заняла верхъ холмистой площадки между двумя рѣчками; къ этой площадкѣ ведутъ кривыя улицы, или лучше сказать горныя, скалистыя тропинки, пересѣченныя переулками и огороженными садочками; все это такъ узко, такъ круто, такъ заросло колючимъ шиповникомъ, терновникомъ, боярышникомъ и кой-гдѣ кустами *держи-дерева*, что человѣку, не посвященному въ тайны татарскихъ

нескончаемыхъ переулковъ и закоулковъ, не выйти изъ этого зеленаго лабиринта. Мнѣ пришлось испытать трудность подобной прогулки. На другой день нашего пріѣзда въ Алушту мы отправились къ фонтану, лежащему въ долинѣ, около рѣчки Улу-Узень. Онъ очень великъ, весь изъ сѣраго мрамора, съ мраморной площадкой, нѣсколькими мраморными ступенями и шестью отверстіями, изъ которыхъ постоянно бьетъ живымъ ключемъ прозрачная, вкусная вода. Кругомъ фонтана растутъ громадныя, орѣховыя деревья, за ними разстилаются большіе, фруктовые сады и виноградники; вода и зелень льютъ кругомъ тѣнь и прохладу и даже въ знойный полдень здѣсь не жарко. Но когда мы пришли къ фонтану, солнце послѣдними лучами озаряло вершину Чатыръ-Дага, у подножія котораго, какъ на темномъ фонѣ картины, выдѣлялась свѣтлая зелень садовъ. Изъ деревни, по крутымъ тропинкамъ, спускались къ фонтану татарскія женщины и дѣти, съ кувшинами на головахъ; на площадкѣ фонтана толпились татарскія дѣвушки, въ разноцвѣтныхъ бешметахъ, въ шапочкахъ, украшенныхъ монистами, съ мелко заплетенными косами; нѣкоторыя изъ нихъ полоскали бѣлье, другія наполняли водой металлическіе и глиняные кувшины; ребятишки рѣзвились кругомъ взбираясь на стѣнку, окружающую фонтанъ; на гору медленно поднималась мажара, нагруженная двумя тяжелыми, только что срубленными бревнами. По руслу быстрой, свѣтлой рѣчки верхомъ спускался къ морю нарядный татаринъ; сбруя его красивой лошади и раззолоченные позументы его куртки блестѣли на солнцѣ, а черные, какъ смоль, подстриженные усики рѣзкой чертой темнѣли на

его загорѣломъ лицѣ. Это былъ одинъ изъ проводниковъ Алушты, которая стала подражать Ялтѣ и имѣетъ также къ услугамъ пріѣзжихъ барынь спеціальныхъ провожатыхъ для поѣздокъ верхомъ, въ пустынныя, лѣсныя окрестныя мѣста. Издали онъ казался красивымъ, и гарцуя на лошади, своей посадкой напоминалъ кавказскихъ *абрековъ* *). Для довершенія патріархальности этой сельской картины восточной жизни, близь фонтана, на крутизнѣ, старикъ — татаринъ, въ полинялой, зеленой чалмѣ, допахивалъ на парѣ воловъ, еще не вспаханную полоску земли; высокій станъ, темнобронзовое лицо, сѣдая, какъ лунь, борода, все въ старикѣ дышало величіемъ и простотой библейскихъ временъ и напоминало о типахъ ветхозавѣтныхъ старцевъ, столь знакомыхъ намъ съ дѣтства, по картинкамъ и разсказамъ нашихъ матерей и старшихъ сестеръ. Напившись у фонтана студеной воды, мы пошли низомъ вдоль рѣчки и потомъ, чтобы вернуться домой другой дорогой, стали подыматься прямо къ татарскимъ домикамъ, надѣясь выйти на базарную площадь, пройдя между ними и ихъ садами; но тутъ мы попали въ непроходимую чащу плетней, заборчиковъ, каменныхъ стѣнокъ, обросшихъ всевозможными травами, вьющимися плющами и кусточками; колючки преобладали въ этой живой изгороди. Когда намъ удавалось, не безъ труда, перелѣзть черезъ заборъ, или перескочивъ по камешкамъ черезъ журчащій ручеекъ, перешагнуть черезъ глубокую канаву, мы попадали снова въ заколдованный кругъ плетня другаго огорода, или садика

*) Наѣздникъ.

гдѣ громадное орѣховое дерево, или старая черешня, кормилицы цѣлой семьи, уже бросали кругомъ густую тѣнь и скрывали въ полумракѣ ямки и канавки, ихъ окружающія. Боясь окончательно заблудиться, или сломать себѣ ноги, мы шли напрямикъ, все подымаясь выше и выше на гору; на пути намъ попадались плоскія крыши и замкнутые, татарскіе дворики, но все было пусто. Не находя нигдѣ выхода, мы уже рѣшились снова спуститься къ рѣчкѣ и возвратиться домой прежнимъ путемъ, какъ вдругъ въ одномъ изъ двориковъ что-то мелькнуло и ласковый, молодой голосъ робко проговорилъ: *„знай, русска, русска, суда, суда“*. Мы оглянулись: хорошенькое, улыбающееся личико молодой татарки глядѣло на насъ сквозь рѣшетчатую, низенькую дверь дворика, а маленькая ручка, съ окрашенными ногтями, манила насъ къ себѣ. Татаринъ пожилыхъ лѣтъ отворилъ намъ дверь и по русски пригласилъ насъ войти. Съ дворика, гдѣ они сидѣли, когда мы шли мимо, хозяинъ ввелъ насъ въ хату. За нами вошла и молодая жена его. Хорошенькія женщины нерѣдко встрѣчаются между южно-бережскими татарками, но привлекательнѣе и граціознѣе миловидной Ханифе (такъ звали молодую хозяйку) мнѣ видѣть не случалось. Ей было не болѣе двадцати лѣтъ, а мужу около пятидесяти, но она, казалось, очень любила его, такъ внимательно слѣдила она за всѣми его движеніями и за каждымъ его словомъ. Онъ говорилъ ломанымъ, русскимъ языкомъ, часто запинался и замѣнялъ русское слово татарскимъ или турецкимъ. Но непонятныя слова сопровождались живой мимикой, выразительнымъ жестомъ и мы поняли изъ разсказа Абдулъ-Азиса, что онъ турец-

кій подданный, изъ города Трапезунда, гдѣ имѣлъ домикъ, жену и дѣтей; лѣтъ двадцать тому назадъ онъ поселился въ Алуштѣ съ старшимъ сыномъ, потомъ жена его умерла и выдавъ дочерей своихъ замужъ въ Турціи, онъ самъ взялъ себѣ другую жену, молодую татарку изъ сосѣдней деревни Корбеклы. Она была бѣдна, росла сиротой въ чужой саклѣ, разсказывалъ Абдулъ, но Аллахъ наградилъ ее умомъ и красотой; она умѣетъ ткать полотна и шерстяныя ткани, умѣетъ вышивать дорогія полотенца, хорошія подушки, расшивать золотомъ богатыя шапочки и бешметы, мастерица бѣлить тонкія чадры и шерстяныя одѣяла. Онъ подозвалъ ее къ себѣ и сказалъ ей что-то по татарски: она радостно улыбнулась и начала раскладывать на коврѣ у нашихъ ногъ, всѣ свои богатства; тутъ были ея платья, бережно сложенныя, пестрые, стеганные бешметы, красивая курточка, обшитая соболемъ, богатыя шапочки, обложенныя червонцами и украшенныя филиграномъ съ бирюзой и другими каменьями; были и татарскія туфли, шитыя золотомъ и пояса изъ серебра съ чернью и филиграновые, тончайшей работы. Всѣ эти драгоцѣнности сохранялись на открытыхъ полкахъ, надъ низкими диванами съ подушками, на которыхъ мы сидѣли; Ханифе доставала ихъ поочередно и опять укладывала на мѣсто, любуясь ими сама, и нисколько не опасаясь за цѣлость своихъ сокровищъ. У татаръ повсемѣстный обычай раскладывать въ пріемной комнатѣ, безъ замка, на открытыхъ полкахъ, не только всю одежду хозяевъ, но и всю ярко-вычищенную оловянную и мѣдную посуду, а если есть, то и серебрянныя вещи; этотъ обычай объясняется честностью татаръ и

совершенно непонятенъ русскому простолюдину, привыкшему запирать свое имущество и прятать все свое добро, какъ можно дальше отъ гостей и посѣтителей. Когда осмотръ всѣхъ богатствъ кончился, Ханифе что-то шепнула мужу; онъ кивнулъ головой и она вспрыгнула къ самой высокой полкѣ и достала двѣ толстыя книги, въ темныхъ переплетахъ, похожія на наши канонники. Татаринъ сказалъ намъ, что это *Коранъ* и что жена его умѣетъ не только читать, но и писать; она училась три года у муллы въ школѣ, продолжалъ онъ, и хорошо знаетъ законъ Магомета. Ханифе между тѣмъ отыскала въ одной изъ книгъ маленькіе, четвероугольные листочки бумаги; на нихъ было начертано нѣсколько строчекъ восточныхъ знаковъ. „Вотъ какъ она пишетъ", сказалъ мужъ и посмотрѣлъ съ гордостью сначала на насъ, а потомъ на жену; она же глядѣла на него съ такой наивной радостью и съ такой любовью, что я невольно спросила: „а вы очень любите вашего мужа?" Она поняла мой вопросъ и, торопливо положивъ коранъ на полку, бросилась меня цѣловать. „Да, да, Абдулъ-Азисъ, гюзель, гюзель, *) повторяла она, хлопая въ ладоши и прыгая на одномъ мѣстѣ, какъ молодая коза. Вдругъ, на диванѣ около меня, она увидала мою шляпу; схвативъ ее и повертывая въ рукахъ, поглядѣла вопросительно сначала на меня, потомъ на мужа и засмѣялась. Онъ кивнулъ головой. Тогда въ одно мгновенье, бархатная шапочка слетѣла на полъ, заплетенныя, мелкія косы разсыпались темными змѣйками до плечъ и на миловидной головкѣ моло-

*) По татарски: красивый, хорошій.

дой дикарки очутилась моя шляпа, только задомъ на передъ; на лбу болталась докучливая лента, а Ханифе хохотала, прыгала, кружилась въ полномъ восторгѣ отъ удавшейся шалости. Ея звонкій смѣхъ заразилъ и насъ своей беззаботной веселостью и мы отъ души смѣялись, глядя на ея уморительные прыжки и гримасы. Вдругъ общій хохотъ былъ прерванъ строгимъ голосомъ Абдулъ-Азиса: „Ханифе!..“ сказалъ онъ и указалъ на валяющуюся у нашихъ ногъ шапочку. Для татарки быть при чужихъ съ непокрытой головой считается безчестіемъ. Ханифе вспыхнула, смутилась, молча положила шляпу на мои колѣна, подняла шапочку и торопливо надвинула ее на лобъ, конфузливо выправляя изъ подъ нея спутанныя косы. Мужъ сказалъ ей что-то и она вышла изъ сакли. Онъ предложилъ намъ кофе и папиросы, которыя самъ вертѣлъ и набивалъ, сидя напротивъ насъ на коврѣ у круглаго столика, не много выше нашихъ обыкновенныхъ скамеечекъ для ногъ. „Дитя!..“ сказалъ онъ, глядя вслѣдъ уходившей жены, «но доброе, послушное дитя! Вотъ ско-„ро будетъ двадцать лѣтъ, какъ я живу въ Алуштѣ, а „все не могу забыть Трапезунда. Тамъ у меня былъ „домъ, и садъ, и поле, тамъ все дешево и *юзюмъ*, и „*алма*, и *армутъ* *) и хлѣбъ тамъ дешевъ.

„Отъ чего же вы уѣхали изъ Трапезунда?“ спросила я.

„Такъ Аллахъ велѣлъ“, отвѣчалъ онъ мрачно и помолчавъ: „Сперва я жилъ здѣсь бѣдно, нанялся въ ра-„ботники, много работалъ, тяжело было на чужой зем-„лѣ. Потомъ купилъ я себѣ вотъ эту саклю; плоха бы-

*) Виноградъ, яблоки, груши—по татарски.

„ла, я ее исправилъ, а на базарѣ завелъ харчевню, по „вашему трактиръ, и сталъ торговать. Аллахъ далъ „счастье, я торговалъ хорошо и поѣхалъ въ Турцію, „за старшимъ сыномъ; привезъ его въ Алушту; онъ „былъ добрый сынъ, умный, почиталъ отца, мы жили „съ нимъ хорошо; потомъ въ Турціи умерла его мать, „моя первая жена; тогда я взялъ другую жену Хани-„фе. Вдругъ сынъ сталъ боленъ: кашель, голова бо-„литъ, жаръ, слабость, работать не можетъ. Я пока-„залъ его доктору въ Ялтѣ; изъ Симферополя приво-„зилъ другаго доктора и здѣсь въ Алуштѣ докторъ былъ: „ничего не понимаютъ; говорятъ: иди въ Турцію опять..... „давали лекарства и убили его. Да, Ханымъ,*) знаешь „что, лекарства у васъ очень хорошія есть, а доктора „дурные; наши цыганки лучше помогаютъ. Ужъ полови-„на года прошла, какъ мой сынъ умеръ"...

Голосъ разсказщика дрогнулъ, лицо омрачилось...

Въ эту минуту Ханифе возвратилась, неся на подносѣ три чашечки кофе и крошечный мѣдный кувшинчикъ съ крышечкой для молока, такой красивой, античной формы, что онъ бы свелъ съ ума археолога, или собирателя древностей. Услышавъ послѣднія слова мужа она поняла, по тону его голоса, что онъ говорилъ о своей горькой утратѣ, о той тяжелой потерѣ, которую и она не могла замѣнить ему, и быстро обернувшись въ его сторону, устремивъ на него свои большіе, теперь грустные глаза, она робко, какъ бы съ упрекомъ, произнесла два слова, которыя я не поняла и повторила два раза: „Аллахъ! Аллахъ!"

*) Госпожа.

„Да, Аллахъ взялъ, сказалъ Абдулъ и задумчиво опустивъ голову, сталъ свертывать новую папироску.

Мы пили кофе. Ханифе подавала намъ его поочереди, начавъ съ моей спутницы, которая ей показалась старше меня лѣтами (татары и въ этихъ мелочахъ выказываютъ свое почтенiе къ старшимъ), потомъ взглянувъ на мою дѣвочку Лёню, сидѣвшую около меня, она спросила по татарски:

„Твоя дочь?“

—„Нѣтъ, отвѣчала я, чужая дѣвочка, такъ живетъ со мной.

„А мужъ твой гдѣ?—продолжала она.

—„Мужа нѣтъ.

„Умеръ!.. Бѣдная, ты вдова! Я понимала ея слова по выраженiю лица.

—„Нѣтъ, я никогда не была замужемъ.

„Какъ?.. и татарка всплеснула руками, обратилась къ мужу и закидала его вопросами, восклицанiями. Онъ улыбнулся. „Не хочетъ вѣрить, Ханымъ что ты не за„мужемъ; спрашиваетъ, зачѣмъ ты не вышла замужъ. „Унасъ рѣдко случается, чтобъ татарскiя дѣвушки не „выходили замужъ.

—„Что это она все одно слово твердитъ, спросила я татарина.

„О тебѣ жалѣетъ. Она думала, что эта дѣвочка твоя „дочь. Говоритъ, отъ чего же ты въ монастырь не „ушла, когда замужъ не вышла. У насъ дѣвушки, „если нейдутъ замужъ, то въ монастырь уходятъ.

—„Развѣ есть у васъ монастыри?

„Есть. Въ Крыму одинъ только, не далеко отъ Бах-

„чисарая; но мало теперь тамъ осталось дѣвушекъ; бы-
„ла болѣзнь, много умерло.

Пóка я говорила съ Áбдуломъ, а Ханифе сидѣла около Лёни, лаская ее и приговаривая что-то потатарски, на порогѣ появились двѣ татарскія женщины, съ маленькими дѣтьми на рукахъ. Это были подруги хозяйки; увидавъ ихъ, она кинулась къ той, которая была помоложе и выхвативъ изъ ея рукъ толстаго мальчугана, въ красной фескѣ, поднесла его къ намъ, потомъ сѣвъ на полу, по турецки, начала цѣловать его, играть съ нимъ, тормошила его всячески, и, подкидывая на верхъ, какъ мячикъ, ловко ловила снова, съ визгомъ, крикомъ и громкимъ смѣхомъ.—Ребенокъ также радостно вскрикивалъ и хохоталъ; видно было что онъ привыкъ къ порывистымъ ласкамъ молодой женщины, и только когда онъ взглядывалъ на насъ, его смѣхъ смолкалъ и большіе, круглые глаза удивленно глядѣли на незнакомыя ему лица. Мать его и другая татарка, съ дѣвочкой на рукахъ, сѣли на полу около Ханифе и молча слушали ея оживленную болтовню, прерываемую звонкими поцѣлуями и серебристомъ смѣхомъ ребенка.

Въ саклѣ становилось сыро, на дворѣ начало темнѣть; пора было распроститься съ гостепріимными хозяевами и разстаться съ татарской идилліей. Я встала; Ханифе вспрыгнула съ полу, держа на рукахъ мальчугана; она не отдавала его матери и крѣпко прижимала къ себѣ, какъ будто ей было жаль съ нимъ разстаться.

— А у васъ нѣтъ дѣтей? спросила я.

Мужъ перевелъ ей мой вопросъ. Мгновенно веселое лицо измѣнилось, затуманились каріе глаза, молча от-

дала она мальчика матери и, глубоко вздохнувъ, сказала: Нѣтъ, Аллахъ не даетъ....

— „Ханифе, приходите къ намъ въ гости,“ сказала я.

Она поняла и вопросительно взглянула на мужа.

— Нельзя, отвѣтилъ онъ за нее. Законъ не позволяетъ.

— А какъ-же алуштинскія татарки ходятъ же въ гости, и на свадьбы, и купаться; да и въ Ялтѣ я татарокъ видала у русскихъ.

— Купаться можно, на свадьбу можно идти одинъ разъ въ годъ, а въ гости нельзя. Алуштинскимъ татаркамъ можно, а ей нельзя; жена турецкаго подданнаго не можетъ идти въ гости; законъ запрещаетъ. А ты, Ханымъ, приходи къ намъ. Мы рады будемъ. А она можетъ гулять въ саду.

Бѣдная Ханифе нахмурила и безъ того густо насурмленныя брови, надула хорошенькія губки и проговорила въ полъ-голоса: *Сады, сады, все сады, скучно!* Мужъ засмѣялся и пошелъ за нами во дворикъ, гдѣ жена его, нѣсколько разъ поцѣловавшись съ нами, простилась, ласково кивая головой и говоря по русски: *до свиданья, до свиданья, приходи скорѣй!* а онъ насъ вывелъ на улицу, наполненную татарскими ребятишками, которые съ криками: *здравствуй! здравствуй*, встрѣтили насъ и проводили до самой базарной площади.

На порогѣ гостинницы стоялъ Николай, молодой болгаринъ, отличившійся на Шипкѣ и занимающій теперь скромную должность *кельнера* въ алуштинскомъ отелѣ. Рослый, здоровый малый видимо тяготился своимъ положеніемъ; при всякомъ удобномъ случаѣ вспоминалъ о своей милой Болгаріи, о турецкихъ набѣгахъ, о храб-

рости русскихъ солдатъ, спасшихъ его родное селеніе отъ партіи баши-бузуковъ; носилъ сверхъ рубашки золотой крестикъ, говоря, что онъ христіанинъ и православный, не жаловалъ татаръ и евреевъ и приводилъ въ отчаянье хозяйку гостинницы своей небрежностью и безцеремоннымъ обращеніемъ съ посудой и кипящимъ самоваромъ, который онъ не носилъ иначе, какъ подъ мышкой, шагая черезъ улицу своими длинными ногами, и держа въ одной рукѣ кринку съ молокомъ, а въ другой подносъ, установленный дребезжащими чайными стаканами. Чашекъ въ Крыму въ гостинницахъ не подаютъ и я наконецъ такъ привыкла пить чай въ стаканѣ, что перестала жечь себѣ пальцы. Днемъ большей частью Николай былъ въ меланхолическомъ расположеніи духа, особенно въ жаркіе дни его томилъ сонъ и онъ предавался сладкому кейфу въ корридорѣ гостинницы, не обращая вниманія на крикливый голосъ хозяйки, постоянно зовущій: *Николай, Николай гдѣ онъ?.. Опять спитъ!* Но вечеромъ онъ оживалъ, сбѣгалъ къ морю купаться и возвращался оттуда бодрымъ и веселымъ. Онъ объявилъ намъ, что наше новое помѣщеніе готово, полы и окна вымыты, мебель поставлена. Противъ самой гостинницы, я наняла, у нашей же хозяйки, за 60 рублей въ мѣсяцъ, двѣ свѣтлыя, чистыя, совершенно отдѣльныя комнатки, съ новыми кроватями, маленькимъ диванчикомъ и необходимою мебелью; убранство комнатъ было не затѣйливо, но за то съ востока тянулась длинная галерейка, гдѣ удобно было обѣдать и пить чай, а съ запада было крытое, каменное крылечко, такъ что во всякое время дня можно было сидѣть на воздухѣ, наслаждаясь, съ

одной стороны, видомъ Дѐмерджи и моря, а съ другой оригинальной вершиной Чатыръ-Дага, похожей издали на громадную крышу строенія-великана.

Въ этихъ двухъ комнаткахъ я провела ровно мѣсяцъ, не скучая одиночествомъ и встрѣчаясь съ обитателями алуштинскихъ дачъ только вечеромъ на берегу моря; гуляющихъ и тогда было довольно, но мѣстные жители Алушты говорили, что въ августѣ пріѣзжихъ будетъ больше и что тогда ихъ мирное мѣстечко оживится. А мнѣ именно и нравились этотъ миръ и безмятежное спокойствіе, не развлекающіе и не мѣшающіе насладиться вполнѣ всѣмъ, что дала намъ природа въ этомъ прелестномъ уголкѣ дорогаго, любимаго Крыма. Не понимаю я тѣхъ людей, которые въ своихъ путешествіяхъ желаютъ непремѣнно соединить всѣ удобства осѣдлой жизни и, восхищаясь *мимоходомъ* прелестями роскошной природы и восхитительнымъ вечеромъ, на берегу моря, тайно вздыхаютъ о своихъ карточныхъ партнерахъ, о вкусномъ обѣдѣ, о бутылкѣ любимаго вина. Такимъ путешественникамъ конечно лучше не ѣздить въ Крымъ; заграничныя Curort имъ доставятъ больше удовольствія; но для людей, неизбалованныхъ роскошью и удовлетвореніемъ всѣхъ своихъ прихотей, для людей труда и лишеній, южный берегъ Крыма, съ своими лѣсами и горами, виноградными садами, теплымъ, ласкающимъ моремъ, синимъ, прозрачнымъ небомъ и поражающей роскошью южной природы, долженъ казаться земнымъ раемъ, быть мѣстомъ отдыха и врачеванія для больныхъ, не только тѣломъ, но и духомъ; для людей же здоровыхъ, жаждущихъ хоть на короткое время оторваться отъ прозы обыденной жизни,

забыть тяготѣющія надъ ними, неизбѣжныя *злобы дня* и, окунувшись всѣмъ своимъ существомъ въ живительныя волны природы, замѣнить однообразіе степей, плоскость равнинъ и сѣрую пелену сѣвернаго неба яркими красками юга, изобиліемъ водъ и зелени, рельефностью формъ этого царства скалъ, кипарисовъ и цвѣтовъ, — для этихъ людей южный берегъ Крыма дастъ минуты высокаго, ими еще неизвѣданнаго наслажденія и, разставаясь съ нимъ, они непремѣнно вспомнятъ слова Евгенія Маркова въ его прелестныхъ очеркахъ Крыма: *Люди, пожившіе въ Крыму, никогда не забываютъ его и какъ евреи на рѣкахъ вавилонскихъ, „сидяху и плакаху, егда помянути имъ Сіона.“*

Что же касается до пресловутой крымской дороговизны, то разсказы о ней сильно преувеличены. Конечно, если провести весь сезонъ въ Ялтѣ и жить въ одной изъ трехъ главныхъ гостинницъ: *Россія, Эдинбургская* и *Ялта*, которыя съ нынѣшняго года находятся въ рукахъ одной компаніи и благодаря этой монополіи, не опасаясь конкуренціи, берутъ за номера какую имъ вздумается цѣну, то каждый лишній день, проведенный въ отелѣ, причинитъ большой ущербъ и туго набитому карману, но если довольствоваться болѣе скромной обстановкой, то и въ Ялтѣ можно имѣть (напримѣръ въ гостинницѣ *Крымъ*) чистую комнату съ окномъ на море и очень порядочный столъ въ четыре блюда, за 3 рубля въ сутки. Вообще всюду въ Крыму, начиная съ Симферополя,—въ *Петербургской* гостинницѣ, въ Ѳеодосіи,—въ *Крымской*, въ Керчи,—въ *Центральной*, я нигдѣ не платила, за просторный номеръ, съ двумя кроватями, болѣе *2 руб. 25 коп.* въ сутки

и 1 рубля за обѣдъ въ три и четыре блюда. Экипажи въ городахъ гораздо дешевле нашихъ московскихъ извощиковъ и вѣнскія, просторныя коляски несравненно удобнѣе и покойнѣе нашихъ несносныхъ пролетокъ. Загородная ѣзда по шоссейнымъ и даже грунтовымъ дорогамъ не только не утомляетъ, но составляетъ одну изъ прелестей крымской жизни и также обходится не особенно дорого. Изъ Симферополя до Алушты (49 верстъ) за тройку лошадей и большую, прекрасную, четырехъ-мѣстную коляску я заплатила 18 рублей, а изъ Алушты до Ялты (41 верста) 13 рублей. Въ Ялтѣ же коляски и корзинки (paniers de Nice) для прогулокъ въ горы, на Ауткинскій водопадъ Учанъ-Су, въ Ливадію и въ Эрикликъ стоятъ не болѣе 5 рублей, то есть около 1 рубля въ часъ; но за то эти поѣздки доставляютъ истинное наслажденіе и, не смотря на крутые, круговые повороты и спуски быстрыми спиралями, на краю страшныхъ пропастей, экипажи такъ покойны и крымскія лошади такъ привычны, что вы не чувствуете особеннаго страха, съѣзжая стремглавъ по бѣлой лентѣ, вьющагося около скалъ шоссе; только иногда захватываетъ духъ и кружится голова при видѣ громадныхъ утесовъ, загораживающихъ вамъ дорогу съ одной стороны и бездонной, необъятной бездны моря съ другой. Въ Алуштѣ было трудно достать экипажъ для ежедневныхъ прогулокъ, но можно было имѣть покойную верховую лошадь, съ проводникомъ за 4 рубля въ день, или маленькій татарскій кабріолетъ для дальнихъ экскурсій, а ближнія прогулки мы совершали пѣшкомъ. Рано утромъ, до жары, выходили на берегъ моря, или взбирались на сосѣднія горы. Нѣсколько разъ татары,

собиравшіе въ началѣ іюня уже спѣлыя черешни и еще совсѣмъ зеленые орѣхи, для варенья, зазывали насъ въ свои сады, подчивали черешнями, овечьимъ сыромъ и домашнимъ хлѣбомъ. Въ тѣнистыхъ садахъ было всегда прохладно, а когда приходилось возвращаться домой, южное солнце, конечно, жгло немилосердно, но вѣтеръ съ моря, или съ сосѣднихъ горъ нагонялъ тучку, другую, и подъ ихъ благодатной тѣнью мы достигали своей квартиры, безъ особеннаго утомленія, сравнивая этотъ жаръ, постоянно умѣряемый морской влагой, съ удушливыми, невыносимо жаркими днями нашей пыльной Москвы и окружающихъ ее дачъ. Иногда въ самый полдень мы отдыхали подъ тѣнью громаднаго орѣховаго дерева въ саду г. Сизова. Этотъ садъ раскинутъ на берегу моря и окаймленъ съ одной стороны богатымъ виноградникомъ, а съ другой упирается въ зеленую, высокую гору. Онъ очень обширенъ и изобилуетъ фруктовыми деревьями самыхъ разнообразныхъ породъ; вы найдете въ немъ аллеи миндалевыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ, рощицы грушъ, сливъ и яблокъ, цѣлыя кущи черешень, отдѣльные экземпляры чинаръ, каштановъ, высокихъ тутовыхъ деревьевъ. Но краса всего сада это великанъ-орѣхъ, подъ которымъ можно бы помѣстить нѣсколько русскихъ избушекъ; стволъ дерева имѣетъ, покрайней мѣрѣ, аршина *три* въ діаметрѣ, а длинные, нижніе сучья протягиваются надъ землей на 18 аршинъ кругомъ и толщиной въ порядочное дерево. Вѣтви густо покрыты большими, яркими листьями, продолговатой формы, между которыми висятъ свѣтло-зеленые орѣхи, большей частью попарно; въ іюнѣ они очень похожи на незрѣлыя яблоки и имѣ-

ютъ какой-то особенный, очень сильный и пріятный запахъ. Орѣхи поспѣваютъ только въ сентябрѣ и ихъ собираютъ на масло и для продажи, когда они начинаютъ сами трескаться и падать, но въ іюнѣ ихъ срываютъ очень много, какъ я сказала выше, для варенья. Туземцы очень любятъ его и варятъ сырые плоды, вымачивая ихъ нѣсколько разъ въ сутки въ водѣ и прибавляя туда корицы. То варенье, которое я пробовала мнѣ не понравилось, особенно цвѣтъ его противенъ, настоящія чернила. Обычай срывать орѣхи незрѣлыми очень полезенъ для деревьевъ, сохраняя въ нихъ силу, и очень выгоденъ для хозяина особенно съ тѣхъ поръ, какъ Абрикосовъ устроилъ, при въѣздѣ въ Симферополь, паровую фабрику конфектъ и скупаетъ въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ громадное количество всевозможныхъ плодовъ, для приготовленія водицъ, сироповъ, обливныхъ фруктовъ и знаменитой пастилы. Подъ орѣхомъ въ Сизовскомъ саду устроены четыре скамейки, служащія мѣстомъ отдыха для татаръ-работниковъ, назвавшихъ, на своемъ образномъ нарѣчіи, это величественное дерево: *божественнымъ* и взирающихъ на его роскошный шатеръ съ тѣмъ же чувствомъ благодарности и глубокаго благоговѣнія, которое внушаетъ имъ всякій разъ, всякое мѣстечко въ скалѣ, гдѣ таится подземный родникъ.

Живя постоянно среди горъ и камней, крымскіе татары вполнѣ понимаютъ, что значитъ вода и прохлада, и ихъ постоянную заботу составляетъ сбереженіе этой воды и орошеніе ею виноградниковъ, табачныхъ плантацій и садовъ. Они мастера угадывать ключь въ какой нибудь горной трещинѣ и, отыскавъ его, съ уди-

вительнымъ терпѣніемъ разрабатываютъ найденную тоненькую струйку въ быстро сбѣгающій ручей, или въ маленькій прудокъ, тщательно обложенный камнями, съ довольно грубо сдѣланными, но прочными шлюзами.

Эти водохранилища часто встрѣчаются на большой высотѣ и далеко орошаютъ окрестныя плантаціи, сбѣгая, по желанію хозяевъ въ сады и виноградники, по деревяннымъ и даже просто по землянымъ канавкамъ. Устройство на дорогѣ фонтана татаринъ считаетъ *высшей добродѣтелью*, все равно какъ у насъ построить церковь, и по этому на фонтанѣ устроитель всегда вырѣзываетъ свое имя и стихъ изъ корана.

Въ Алуштѣ и вообще въ этой части Крыма сады и огороды поражаютъ своей свѣжестью и тщательнымъ уходомъ за плодовыми деревьями, между тѣмъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ полуострова, поставленныхъ въ тѣ же счастливыя климатическія условія, замѣчается, при большомъ недостаткѣ орошенія плантацій, плачевное состояніе садовъ, пострадавшихъ, какъ говорятъ жители, не столько отъ морозовъ и злокачественныхъ росъ, какъ отъ нападенія червячковъ, мошекъ и разной тли, поѣдающей молодые побѣги, плоды при ихъ завязкѣ и даже большую часть листвы. Люди, хорошо знакомые съ Крымомъ, говорили мнѣ, что главная причина этого упадка садоводства, а также и весьма печальнаго факта постепеннаго обѣдненія, во всѣхъ отношеніяхъ, нѣкогда столь богатой природы Крыма — выселеніе татаръ въ Турцію въ огромномъ количествѣ. Два выселенія, первое въ 1784 году, послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, и второе въ началѣ 60-хъ годовъ, послѣ крымской войны, стоили Россіи около

300,000 трудолюбивыхъ, мирныхъ, богатыхъ подданныхъ, знакомыхъ съ каменистой почвой родной земли, которую они покидали съ раздирающими сердце воплями отчаянія, не изъ религіознаго фанатизма, какъ стараются доказать нѣкоторые, а по недобросовѣстности русскихъ чиновниковъ и неясности для этихъ дѣтей природы русскихъ законовъ. Удаляясь въ Азію, татары унесли съ собой тайну своего довольства и преуспѣянія; ни одинъ колонистъ, будь онъ русскій, болгаринъ, или нѣмецъ не создастъ на незнакомой почвѣ чуждой ему земли, тѣхъ садовъ и виноградниковъ, которые давали обильные плоды любимымъ сынамъ своимъ, потомкамъ первыхъ обитателей Тавриды, и путешественникъ, проѣзжая теперь по безконечнымъ пространствамъ сѣверо-западной части полуострова, взираетъ съ изумленіемъ на эти сожженныя горячимъ солнцемъ поля, дающія земледѣльцу скудную жатву, и не узнаетъ въ безлюдной, сухой, безжизненной степи ту страну, которая нѣкогда слыла житницей Греціи и славилась своимъ богатствомъ и плодородіемъ. Животная жизнь здѣсь также постепенно изчезаетъ; породы измельчали: верблюды и буйволы становятся рѣдки, рогатый скотъ, овцы и козы убавились на половину и маленькіе табуны лошадей, встрѣчающіеся теперь въ степи, не могутъ сравниться съ прежними татарскими конями, горячими, быстрыми, воспитанными для набѣговъ, красотой своихъ формъ не уступавшими арабской лошади. Описывая Крымъ, Мартинъ Броневскій *) отзывается о немъ, какъ о краѣ замѣ-

*) Писатель XVI вѣка, жившій долго въ Тавридѣ.

чательномъ по своему плодородію, гдѣ родится отличный виноградъ и другіе плоды. Говоря о крымской степи (нынѣшніе Симферопольскій и Перекопскій уѣзды), онъ прибавляетъ, что она обработана, плодородна и изобилуетъ травами. Около пустыннаго, въ настоящее время, Инкермана онъ видѣлъ сады и виноградники, а около нынѣшняго Севастополя, гдѣ повсюду теперь сожженная степь, Броневскій часто встрѣчалъ глубокіе, искуссно выкопанные прежними обитателями колодцы, довольно плодоносныя поля, холмы и пригорки, съ безконечными садами и виноградниками, мало городовъ, но много селеній, съ безчисленными стадами и лошадьми прекрасной породы. Въ 1737 году одинъ венгерскій резидентъ, французскій консулъ Эворка, исчислялъ въ 150 тысячъ человѣкъ ратныя силы Перекопской орды и сверхъ того, насчитывалъ 40 тысячъ семействъ ногайскихъ татаръ въ странѣ. *). Между тѣмъ какъ въ 1804 году по офиціальнымъ документамъ видно, что населеніе Крыма, превышавшее прежде цифру полумилліона тогда равнялось 140 тысячамъ человѣкъ. **). Знаменитый ученый Палласъ также говоритъ, что у татаръ, кромѣ прекрасной обработки садовъ, разводились всѣ сорта хлѣбовъ, овощей и растеній и прибавляетъ, упоминая о количествѣ ихъ скота, что когда въ 1769 году у крымскихъ татаръ было куплено для арміи, воевавшей въ Персіи, 1000 верблюдовъ, то уменьшеніе числа этихъ животныхъ не было замѣтно, хотя за верблюда платили тогда до 150 рублей. Въ степяхъ продолжаетъ онъ, воспитывалось мно-

*) Брунъ, Крымъ въ половинѣ XVIII столѣтія.

**) В. А. Дашковъ, Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи.

жество лошадей, цѣною отъ 30—60 рублей каждая. Всякая степная деревня владѣла многочисленными стадами рогатаго и мелкаго скота; овцы давали значительный доходъ, не только шерстью, но и смушками, которыхъ продавалось въ Польшѣ—сѣрыхъ свыше 30,000 и до 60,000 черныхъ; шкурка стоила отъ 3-хъ рублей и выше. Козы разводились въ горахъ, въ огромномъ количествѣ, и давали большой доходъ своими шкурками, изъ которыхъ выдѣлывался сафьянъ. Продавали также до 20,000 заячихъ шкурокъ. Соленой промыселъ также составлялъ одну изъ отраслей народнаго богатства Крыма и тогда были разрабатываемы не только тѣ озера изъ которыхъ добывается соль въ настоящее время, но и другія, теперь оставленныя, какъ засоренныя, или залитыя гнилой водой.

Изъ этихъ отзывовъ и изъ впечатлѣній другихъ путешественниковъ (преимущественно XVI ст.), а также и изъ разсказовъ древняго географа Страбона, *) мы убѣждаемся, что Таврида всегда была страной богатой и плодородной и что ея жители, первые цивилизаторы этихъ пустынь, съ рѣдкой стойкостью защищали, сперва отъ набѣговъ кочевыхъ ордъ, а потомъ отъ захвата итальянскихъ республикъ, свои сады и плантаціи, стоившіе имъ непомѣрнаго, вѣковаго труда, слѣды котораго и доселѣ не могъ разрушить турецкій фанатизмъ, овладѣвшій однако всѣми поселеніями Крыма, до присоединенія его къ Россіи. Въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ сохранилось много большихъ татарскихъ деревень, жители коихъ не выселились въ Турцію, не-

*) Знаменитый греческій географъ, жившій за 50 лѣтъ до Р. Х.

смотря на примѣръ своихъ сосѣдей; они сохранили свои сады около деревень и луга на верху большихъ горъ, которыя они называютъ нарицательнымъ именемъ *яйла*. Особенность Крымскаго хребта состоитъ въ томъ, что онъ не представляетъ остроконечной гряды, а вѣнчается на вершинѣ зелеными, травянистыми равнинами, въ которыхъ татары въ лѣтнее время года пасутъ свои стада и которыя они называютъ *яйлами*; отъ нихъ и весь хребетъ Таврическихъ горъ получилъ свое названіе. Скотъ пасется привольно на этихъ заоблачныхъ, прохладныхъ равнинахъ, въ теченіи лѣта и осени, а къ зимѣ спускается къ морю, гдѣ холодъ не такъ жестокъ. Пользуясь кромѣ того близостью лѣса и избыткомъ воды татары этой мѣстности, поселенные на собственной землѣ, могли не слѣдовать примѣру своихъ соотечественниковъ и, не увлекаясь султанскими фирманами и фанатизмомъ своего духовенства, не покидать своихъ родныхъ селеній для береговъ неизвѣстной имъ Турціи. Но та часть татарскаго населенія, которая обитала на чужихъ земляхъ, или нуждалась въ водѣ, для орошенія своихъ крошечныхъ садовъ, не имѣла пастбищъ для скота и бѣдствовала отъ непониманія русскихъ законовъ, притязаній помѣщиковъ и начальствующихъ лицъ,*) повѣрила обѣщаніямъ своихъ муллъ, сулившихъ имъ въ Турціи, гдѣ царствуетъ исламъ, одинаковыя права съ

*) Указъ отъ 13 января 1874 г., обязывающій татаръ къ военной службѣ, обученіе русскому языку въ школахъ, („*Недѣля 1874 г. № 16.*") частое вмѣшательство чиновниковъ, регламентація—всѣ эти причины способствуютъ ослабленію татарскаго элемента; въ то время какъ другія рассы, входящія въ составъ населенія Крыма увеличиваются въ числѣ, татары напротивъ уменьшаются. Теряя татаръ Крымъ лишается своихъ лучшихъ граждан̆ъ.

правовѣрными, господство надъ гяурами, привольную жизнь и главное, покровительство султана, представляющаго для послѣдователей корана, самого Магомета. Бросивъ на произволъ судьбы свои постройки и сельскія принадлежности, разставшись на вѣки съ прахомъ своихъ предковъ, эти татары громадными, нестройными массами, со всѣмъ своимъ движимымъ имуществомъ, со старцами, женами, дѣтьми, больными, двинулись изъ своихъ прадѣдовскихъ жилищъ къ Евпаторіи, Севастополю, Өеодосіи, Керчи, откуда на параходахъ и парусныхъ судахъ, переправились въ Турцію. Но сколько изъ нихъ погребено въ пучинахъ Чернаго моря, сколько ихъ погибло на берегахъ Крыма, отъ болѣзней и горя, объ этомъ знаютъ тѣ шкипера, которые перевозили этихъ несчастныхъ, да карантинные стражники и прибрежные жители Крыма, находившіе, во время эмиграціи, ежедневно по нѣсколько труповъ, выброшенныхъ моремъ и принадлежащихъ переселенцамъ. Извѣстно только, что изъ числа выходцевъ изъ Тавриды въ послѣднее переселеніе, въ Турцію прибыло не болѣе двухъ третей, и что въ 1863 году совершенно опустѣли 784 аула и татарскихъ деревень въ Таврической губерніи. Если прибавить къ этимъ опустѣвшимъ деревнямъ, тысячу деревень, которыя сжегъ графъ Минихъ въ 1736 году, а послѣ него графъ Ласси и князь Долгорукій и селенія, опустѣвшія въ 1788 и 1812 годахъ, по выходѣ нѣсколькихъ тысячъ татаръ, нечего удивляться тѣмъ громаднымъ пространствамъ, совершенно необитаемымъ, которыми проѣзжаешь отъ одного города до другаго, отъ одной почтовой станціи до другой. Селенія рѣдки, фонтаны развалились, или пере-

сохли. воды мало; жалкіе остатки опустѣлыхъ хатъ попадаются часто и свидѣтельствуютъ о бывшихъ поселкахъ, а груши, черешни, мушмула, одичалыя виноградныя лозы, въ пустынной балкѣ, или вдоль лѣсного ручья говорятъ вамъ, что здѣсь когда-то были сады и виноградники, луга, холмы, покрытые лѣсами, густо-населенныя, богатыя деревни, оставившія въ наслѣдство пустыннымъ мѣстностямъ и урочищамъ, свои татарскія названія, а нынѣшнимъ обитателямъ Крыма обширныя кладбища, расположенныя на придорожныхъ холмахъ, съ множествомъ надгробныхъ камней разныхъ цвѣтовъ и формъ, на которыхъ большей частью высѣчены изъ камня же чалмы и фески; нѣкоторые изъ этихъ камней стоятъ еще, какъ одинокіе стражи этой долины смерти, но многіе разсыпались, растрескались, лежатъ въ осколкахъ, какъ послѣ страшнаго землетрясенія. Грустныя мысли наводятъ подобныя картины на путешественника и каждый безпристрастный изслѣдователь теперешняго экономическаго состоянія Крыма пожалѣетъ, что Россія не съумѣла сберечь рабочія силы благодатнаго края, доставшагося ей не даромъ, но дорогой цѣной пролитой русской крови и потраченныхъ милліоновъ русскихъ рублей, отъ души желая, чтобы русское правительство обратило серьезное вниманіе на тѣ остатки татарскаго племени, которые, подобно жителямъ Алушты и другихъ селеній, проводятъ дни свои въ честномъ трудѣ и отличаются до нынѣ патріархальными добродѣтелями своихъ предковъ: честностью, справедливостью, чувствомъ собственнаго достоинства, примѣрнымъ гостепріимствомъ, уваженіемъ къ старшимъ, состраданіемъ къ

бѣднымъ и непоколебимой вѣрой въ Аллаха и пророка его Магомета. Южнобережскіе татары, хотя и ревностные послѣдователи корана, но отличаются отъ прочихъ мусульманъ своей вѣротерпимостью и уваженіемъ къ святынямъ и догматамъ прочихъ вѣроисповѣданій; эта нравственная черта и особенности ихъ физическаго типа, нисколько не напоминающаго монгольскаго, а похожаго на греческій и итальянскій, выдѣляютъ ихъ изъ среды степныхъ татаръ, которые издавна имъ отказывали въ своемъ имени и называли вмѣсто *„татаринъ“* презрительнымъ именемъ *татъ* (*муръ-татъ* по турецки отступникъ). До сихъ поръ прочіе мусульмане смотрятъ на крымскихъ, южнобережскихъ татаръ недружелюбно и мнѣ пришлось, въ то короткое время, которое я провела въ Алуштѣ, нѣсколько разъ подмѣтить презрительную улыбку на лицѣ полуодѣтаго азіятскаго турка, когда онъ обращался къ мѣстному татарину съ вопросомъ, или просьбою; видно было, что фанатикъ-магометанинъ, съ явнымъ пренебреженіемъ относился къ единовѣрцу, опозоренному въ его глазахъ, дружелюбными сношеніями съ гяурами. Въ алуштинскую бухту часто приходятъ турецкіе баркасы и остаются здѣсь въ теченіи цѣлаго лѣта, преимущественно для перевозки тяжестей и также береговыхъ жителей между Судакомъ и Ялтой, такъ какъ пароходы не пристаютъ къ Алуштѣ и срочно не заходятъ ни въ Алупку, ни въ Гурзуфъ, ни даже въ Судакъ, а совершаютъ свои рейсы изъ Севастополя и Ялты до Ѳеодосіи только два раза въ недѣлю. Въ нынѣшнемъ году баркасовъ въ Алуштѣ было очень много изъ Трапезунда, Синопа и другихъ

мѣстъ азіятской Турціи. Большей частью они были заняты перевозкой песка и камня, для строящагося шоссе, вдоль морскаго берега изъ Алушты въ Судакъ. Говорятъ, что полотно уже проложено и идетъ по прекрасной долинѣ Куру-Узень, у подножія горы Карабай-Яйлы, недалеко отъ живописнаго водопада, извѣстнаго въ Крыму подъ именемъ *Джуръ-Джуръ*. Проведеніе хорошей дороги между Алуштой и Судакомъ оживитъ всю эту мѣстность, заселенную почти исключительно татарами; но и татарскіе деревни здѣсь рѣдки и всѣ горы надъ моремъ необитаемы и невоздѣланы, хотя онѣ не высоки, довольно отлоги и могли бы богато вознаградить труды виноградаря и садовода, тѣмъ болѣе, что климатъ этихъ мѣстъ здоровъ и пріятенъ: въ нѣкоторыхъ урочищахъ еще существуютъ лѣса, а берегъ моря изрѣзанъ маленькими бухтами, гдѣ могли бы останавливаться пароходы и купеческія суда. Вспоминая объ алуштинской бухтѣ, нельзя не пожалѣть, что общество черноморскаго пароходства до сихъ поръ не устраиваетъ здѣсь пристани и обходитъ своими рейсами такой важный мѣстный центръ южнаго берега, привлекающій своей живописной мѣстностью и здоровыми, климатическими условіями множество туристовъ, которымъ конечно было бы пріятно имѣть дешевое и удобное сообщеніе съ прочими пунктами южнаго берега. Теперь же приходится довольствоваться для прогулокъ и морскихъ экскурсій довольно грязными баркасами, не приспособленными къ перевозкѣ пассажировъ, а имѣющими главной своей цѣлью, какъ я сказала выше, перевозку камня, известки и песка.

Въ пяти верстахъ отъ Алушты, у подножія Кастели,

поселились мои хорошіе знакомые У...ы; мнѣ хотѣлось побывать у нихъ и я рѣшилась ѣхать моремъ, опасаясь жары и усталости двухъ часовой прогулки береговой тропой, часто занесенной морскимъ пескомъ и раскаленными голышами и въ одно прекрасное утро мы отправились на берегъ моря выбирать баркасъ почище и по надежнѣе, такъ какъ я хотѣла ѣхать одна съ Лёней. Обязательный сосѣдъ нашъ г. Сп.....и (онъ нанималъ двѣ комнаты рядомъ съ нами) проводилъ насъ до моря и нанялъ намъ на весь день довольно просторную лодку съ четырьмя гребцами-турками. Хозяинъ баркаса былъ ему знакомъ и обѣщалъ насъ доставить въ назначенное мѣсто непремѣнно черезъ часъ. Г. Сп.....и говорилъ, что нечего опасаться, что старый Ибрагимъ извѣстенъ всей Алуштѣ и что онъ не рѣшится на грубость, или дерзость; „только, прибавилъ онъ, не пла„тите ему тамъ денегъ; я нанялъ баркасъ до 7-ми ча„совъ вечера за 3 р. 50 к.; вы ему отдадите деньги, когда благополучно вернетесь домой." Стали собираться; Ибрагимъ пошелъ будить своихъ людей, спящихъ въ баркасѣ и выбрасывать на песокъ всѣ ихъ лохмотья и домашнюю рухлядь; потомъ, когда съ крикомъ и гикомъ лодка была спущена въ воду, два дюжіе турка схватили меня подъ руки и бѣгомъ черезъ доску почти понесли въ баркасъ, Лёня побѣжала за мной и мы отчалили.

Признаюсь, что сначала мнѣ было какъ-то неловко одной, съ ребенкомъ, въ этой азіятской компаніи. Турки усиленно гребли, чтобъ отплыть отъ берега, который тутъ очень мелокъ, и безпрестанно болтали между собой; гортанные звуки сопровождались громкими возгла-

сами, чуть не криками; оживленный споръ шелъ между ними и я могла понять, что хозяинъ лодки въ чемъ-то упрекалъ молодаго турка, сидящаго напротивъ меня и ударяющаго веслами, съ ловкостью и силой настоящаго атлета. Вообще всѣ четверо были очень возбуждены: черные глаза блестѣли, какъ уголья; черные волосы густыми прядями выбивались изъ-подъ красныхъ, бумажныхъ платковъ, покрывавшихъ ихъ головы, вмѣсто фесокъ; крѣпкія, жилистыя руки, обнаженныя выше локтей, подымались къ верху, какъ для протеста, и быстро опускались къ весламъ.

Становилось жарко, солнечные лучи отражались моремъ и жгли вдвойнѣ загорѣлыя, мускулистыя шеи гребцовъ и ихъ бронзовыя лица; потъ градомъ струился по шершавымъ, пунцовымъ щекамъ, смачивая вороты ихъ рубашекъ и раскрытыя парусинныя куртки; но они ни на минуту не переставали грести, ни на минуту не умолкали. Это странное оживленіе меня удивляло, я думала, что мусульмане вообще, а турки въ особенности, отличаются молчаливостью, сдержанностью, флегматическимъ равнодушіемъ, а здѣсь, въ этой утлой ладьѣ, скользящей такъ беспечно надъ бездной зеленаго моря разыгрывалась жгучая, непонятная для меня драма. Мнѣ просто становилось жутко и я рѣшилась громко окликнуть Ибрагима, чтобъ отвлечь его вниманіе отъ товарищей. Онъ быстро обернулся ко мнѣ, глаза его все еще сверкали изъ подъ нависшихъ, густыхъ бровей, но широкій ротъ уже добродушно улыбался, выказывая рядъ острыхъ, бѣлыхъ зубовъ. Мы опять приблизились къ берегу и я указала на хорошенькую дачьку съ ви-

ноградникомъ, мимо которой мы плыли, и спросила, чья она и какъ эту мѣстность зовутъ; онъ сказалъ мнѣ какое-то мудреное татарское названіе и потомъ самъ называлъ хаты, хуторки и дачи, построенные на самомъ берегу моря и повыше по склону горы; ихъ было немного и мнѣ очень хотѣлось угадать, которая изъ нихъ пустынька Чолмекчи, описанная Марковымъ такъ поэтично и съ такимъ увлеченіемъ въ его очеркахъ. Но турокъ дурно говорилъ по русски, не понималъ моихъ вопросовъ и изрѣдка перебрасывался сердитымъ словомъ съ товарищами, которые теперь успокоились и быстро огибали мысъ окруженный большими подводными камнями. Проѣхавъ это мѣсто, мы были уже почти у подножія Кастели и хозяинъ лодки объявилъ мнѣ, что на возвратномъ пути мы поѣдемъ съ его братомъ Османомъ (молодой турокъ, съ которымъ онъ спорилъ), а что ему надо будетъ скорѣе *ѣхать пѣшкомъ* опять въ Алушту и на другомъ баркасѣ плыть въ Судакъ съ *генераломъ*, осматривающимъ береговую кордонную линію. У татаръ попасть въ генералы очень легко; они называютъ этимъ именемъ и полковниковъ, и маіоровъ, особенно военныхъ—немолодыхъ лѣтъ и имѣющихъ ордена; даже и знаменитый нашъ живописецъ Айвазовскій величается ѳеодосійцами *адмираломъ*, хотя въ его эскадрѣ числятся только корабли его прелестныхъ картинъ. Еще нѣсколько ударовъ веселъ и мы причаливаемъ, но не къ берегу, онъ еще довольно далекъ отъ насъ, а къ цѣлой грядѣ громадныхъ камней, сверженныхъ въ море съ хребта горы какими нибудь страшными переворотами и нагроможденныхъ здѣсь вѣками въ хаотичеческомъ безпорядкѣ. Ибрагимъ указываетъ на крутую

вьющуюся въ гору дорожку, по которой быстро спускаются два человѣка; это г. У... и его работникъ грекъ Панаіотъ; они услыхали плескъ веселъ и зная что мы должны пріѣхать, спѣшатъ помочь намъ высадиться. Баркасъ кое-какъ пристаетъ къ этой первобытной пристани, а мы перепрыгивая съ одного скользкаго камня на другой, благополучно достигаемъ берега и, поздоровавшись съ любезнымъ хозяиномъ, его милой женой и хорошенькой дочкой, сбѣжавшими также къ намъ на встрѣчу, подымаемся по каменистой дорожкѣ надъ морскимъ обрывомъ на порядочную гору. Подъемъ довольно крутъ, солнце жжетъ, но вѣтеръ съ моря освѣжаетъ насъ и мы безъ труда доходимъ до тѣнистаго балкона, гдѣ насъ ждетъ радушный пріемъ матушки г-жи У....., шумящій самоваръ и желанная прохлада. Уютный домикъ построенъ изъ мѣстнаго камня или какъ его здѣсь называютъ изъ крымскаго порфира; камни не обтесаны правильно, а положены другъ на друга не симетрично, безъ вниманія на ихъ величину и форму, такъ что стѣна кажется узорчатой и испещренной мраморными жилками. Такой родъ построекъ не всѣмъ нравится, но въ этой дикой мѣстности, среди этихъ грозныхъ скалъ, подъ каменной громадой сумрачной Кастели эта оригинальная кладка своей простотой напоминаетъ постройки древнихъ грековъ и римлянъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ строгой простотѣ и величественности окружающей природы. Съ одной стороны домъ почти прислонился къ горѣ, покрытой растительностью, присущей этимъ жаркимъ, каменистымъ, прибрежнымъ горамъ; дубы, ясени, грабы, вязы здѣсь большей частью мелкорослы и искривлены, листъ мелкій и

сухой, трава высохшая и жесткая и повсюду колючіе сучки терновника, шиповника, боярышника, *держи-дерева*. Все это растетъ, пробиваясь сквозь камни, перепутанное цѣпкими плетями плющей, дикаго винограда и ежевики, спаленное лучами южнаго солнца и мѣстами напоминаетъ аравійскую пустыню; но вдругъ, при крутомъ поворотѣ едва замѣтной горной тропинки, вы натыкаетесь на природную бесѣдку, это плющъ, лоза, дикій хмѣль украсили своими гирляндами трупъ засохшаго дерева и перекинулись на близь стоящую грушу, или группа теребинтовъ сверкаетъ зелеными, яркими листьями и льетъ на васъ свою душистую, ароматичную прохладу; вы садитесь на груду мхомъ обросшихъ камней и забываете, въ эти минуты полнѣйшаго отдыха, трудности, невзгоды, суету и мелочность жизни, вамъ кажется, что вы одни съ природой и что для васъ, именно для васъ, чтобъ васъ утѣшить, пригрѣть, приголубить, такъ ярко блеститъ солнце, такъ привѣтливо шумитъ широкое море, такъ заманчиво зеленѣютъ верхушки вѣчно безмолвной Кастели. Что-то подобное испытывала я въ этотъ жгучій полдень, отдыхая съ У..... подъ тѣнью густаго дерева на границѣ ихъ имѣнья и въ двухъ шагахъ отъ небольшаго подъема лѣсной дороги въ гору; это мѣсто завалено безпорядочно накинутыми другъ на друга, огромными каменьями и носитъ названіе *Темиръ-Хапу* (*желѣзныя ворота*). Преданіе говоритъ что здѣсь нѣкогда существовали желѣзныя ворота и подземный ходъ, ведущій къ морю и въ монастырь св. Прокла, на вершинѣ Кастели и что въ подземельѣ скрыты образа и драгоцѣнности сосѣднихъ монастырей и церквей. Но Кеп-

пенъ говоря объ остаткахъ стѣны, проведенной отъ Темиръ-Хапу къ морю, слѣды которой замѣтны и до сихъ поръ, утверждаетъ что на верху горы представляющей теперь плоскую равнину, усѣянную кучами камней, тогда еще были видны слѣды многочисленныхъ жилищъ и древняго укрѣпленія, стѣны котораго примыкали къ неприступнымъ стремнинамъ, спускающимся къ морю, а что развалины церкви, называемыя татарами *монастырь Ай-Брокуль* (св. Прокла), находились на западномъ склонѣ Кастели, близъ котораго, какъ видно, была проведена вода къ Кастель-горѣ отъ фонтана именуемаго Вриси.. Въ 1833 году, когда прокладывалась шоссейная дорога, тутъ были найдены остатки водопроводныхъ трубъ, которыя вѣроятно здѣсь приготовлялись изъ цемента, составленнаго изъ толченой черепицы (коросанъ, какъ его называютъ татары), и обжигались въ печахъ, остатки которыхъ нерѣдко попадаются и теперь вмѣстѣ съ углемъ и черепками битой посуды. О монастырѣ св. Прокла сохранилось въ народѣ много поэтическихъ легендъ, связанныхъ съ именемъ Сугдайской царицы Ѳеодоры, жившей въ XIV вѣкѣ и жизнь которой говорятъ описана въ нѣкоторыхъ греческихъ лѣтописяхъ. Она отличалась благочестіемъ, неустрашимостью и красотой и когда жители Кафы ея враги отняли у нея всѣ крѣпости южнаго берега, она удалилась на Кастель, гдѣ было много церквей, башень, жилищъ и монастырь, настоятель котораго былъ ея совѣтчикомъ. Окруженная врагами, она заперлась въ этой неприступной твердыни, надѣясь утомить непріятеля трудностями долгой осады, но злая измѣна вкралась въ семью дѣвственной царицы, ея пріемный братъ

отворилъ врагу ворота крѣпости Кастели и Ѳеодора, сражавшаяся всегда впереди войскъ, погибла въ кровавомъ бою съ другимъ названнымъ братомъ и множествомъ воиновъ. Татары ее почитаютъ святою и показываютъ на Кастели слѣды кровавыхъ ручьевъ, стекавшихъ по скаламъ. Издали сѣрыя скалы, по которымъ спускаются внизъ глубокія красныя жилы точно имѣютъ сходство съ потоками крови и могли дать поводъ народному повѣрью.

Все это мнѣ разсказывалъ г. У...., пока мы отдыхали и любовались прекрасными, молодыми липами, выросшими посреди камней, въ узкомъ ущельѣ при подъемѣ на гору; въ этой дикой мѣстности, окруженныя безжизненными скалами, эти полныя силы свѣжія деревья казались аномаліей и поражали особенно густой листвой своихъ макушекъ; но оказалось, что головной уборъ ихъ былъ искусственный, омела украсила своей свѣтлой зеленью ихъ верхушки, разстилаясь на нихъ кудрявой, изумрудной шапкой; мнѣ стало досадно на паразита, вѣроятно и онъ задушитъ красивыя липы, какъ коварный плющъ душитъ дерево попавшее въ его объятія. Жаръ не уменьшался и, боясь подвергнуться солнечному удару, мы рѣшили сообща не продолжать далѣе нашей прогулки и вернуться домой. Тогда только я поняла на какую кручь мы взобрались и какъ однако далеко еще до верхнихъ склоновъ Кастели; она стояла надъ нами все той-же незыблемой, гигантской твердыней, а море лежало у нашихъ ногъ громадной, сизой пеленой, чаруя глазъ своей безмѣрной глубью и необъятымъ просторомъ. Мы спускались лѣсной, скалистой тропой и не смотря на трость г. У..... и на

деревья, за которыя я безпрестанно цѣплялась, мои ноги ужасно скользили по крутымъ, гладкимъ утесамъ и срывались вслѣдъ за острыми камушками этой дорожки, недавно взрытой порохомъ въ дѣвственной непреступной скалѣ, а впереди насъ, цѣликомъ, съ камня на камень, съ уступа на уступъ бѣжала внизъ къ морю маленькая Ольга, дочь У....хъ. Ея крѣпкія дѣтскія ножки, какъ ноги горной серны, или быстрой газели, сроднились со скалами роднаго гнѣздышка и колючій кустъ, цѣпкая ліана не были ей преградой; граціозная восьмилѣтняя дѣвочка, въ свѣтломъ платьѣ, съ распущенными по плечамъ бѣлокурыми волосами, мелькала въ зеленой чащѣ спускающагося къ морю предгорья какъ горная фея — фея Кастели. Еслибъ ее увидалъ французъ, онъ бы навѣрное сказалъ о чудномъ цвѣтѣ ея волосъ: blonde comme les blés, но у меня, увы, нѣтъ такихъ поэтическихъ сравненій и я могу только сказать, что этотъ милый ребенокъ какъ разъ пришелся къ чарующей природѣ, въ которой онъ растетъ и развивается. Родители Ольги любятъ Крымъ и отдыхаютъ здѣсь лѣтомъ отъ зимнихъ трудовъ; они поняли прелесть этого пустыннаго уголка и подъ сѣнью Кастели, въ тѣни деревьевъ юга, надъ вѣчно-милымъ крымскимъ моремъ, создали себѣ мирный пріютъ и сами, своими трудами, развели фруктовыя деревья, виноградникъ и маленькій, но роскошный цвѣтникъ, которымъ особенно гордится Е. Л. У....а, какъ работой рукъ своихъ. Вокругъ домика въ изобиліи цвѣтутъ прелестныя розы, акаціи, мимозы, посажены кипарисы, араукаріи и другія рѣдкія деревья юга, на балконѣ вьются бѣлыя розы, глициніи, страстоцвѣтъ, плющи,

дикій виноградъ; этотъ балконъ такъ хорошо защищенъ зеленью отъ вѣтра и зноя, что на немъ можно проводить цѣлые дни, любуясь моремъ, брызги котораго въ непогоду, не смотря на высоту 10-ти саженъ надъ уровнемъ моря, до него достигаютъ. Но когда мы возвратились съ нашей прогулки море было спокойно, только легкая зыбь, которую моряки не знаю почему называютъ *мертвой зыбью*, слегка рябила поверхность голубыхъ волнъ.

Купивъ этотъ обрывъ Кастели У....ы, какъ нѣкогда піонеры Новаго Свѣта, взрывали скалы для проведенія необходимыхъ дорогъ и устройства площадокъ для строеній и цвѣтника, рубили деревья, очищали заглохшія чащи, но кругомъ дома и въ самомъ цвѣтникѣ они оставили нѣкоторыя, старыя деревья, въ томъ числѣ нѣсколько экземпляровъ весьма красивыхъ теребинтовъ и, окруживъ ихъ мощные стволы скамейками и дерномъ, придали имъ видъ природныхъ бесѣдокъ съ шатромъ свѣжей, блестящей на солнцѣ зелени и съ воздушными колонками дикаго винограднике и клематиса. Особенно красиво то мѣсто, гдѣ мы отдыхали послѣ обѣда, не замѣчая, что солнце уже скрывается за горами и что намъ пора думать о возвратномъ пути. Намъ напомнилъ это турокъ Османъ, внезапно выросшій передъ нами и повторявшій одно слово: *Алушта*. Оставивъ на берегу свой баркасъ, въ которомъ выспался на славу подъ тѣнью свернутаго паруса, онъ вошелъ въ цвѣтникъ со стороны моря никѣмъ не замѣченный; его неожиданное появленіе прервало нашу пріятную бесѣду и заставило насъ проститься съ любезными хозяевами и ихъ доброй матушкой, которые насъ проводили до бе-

рега и усадивъ въ баркасъ долго смотрѣли какъ мы медленно отчаливали отъ скалистыхъ береговъ ихъ гостепріимной пустыньки. Мы также не спускали глазъ съ маленькой группы, стоявшей на большемъ, выдающемся камнѣ, среди мѣрно плескавшихся волнъ, пока ее не скрылъ отъ нашего взора высокій утесъ и мысъ съ огромными подводными камнями, такими огромными, что они были похожи на скалы, обрушившіяся съ крайнихъ утесовъ Кастели во время какого нибудь страшнаго землетрясенія, или геологическаго катаклизма. Море было не такъ тихо какъ утромъ и маленькія синія волны, съ бѣлыми гребешками на хребтѣ, иногда порядочно колыхали лодку и заставляли невольно вздрагивать при мысли, что было бы съ нами еслибъ оно вдругъ забушевало, а это иногда случается даже и въ самые тихіе, безоблачные, лѣтніе дни. Мнѣ разсказывали, что въ прошломъ году веселая компанія собралась изъ Алушты на баркасѣ погулять въ Гурзуфъ; все время ихъ прогулки погода была прекрасная, но когда баркасъ сталъ приближаться къ Аю-Дагу, поднялся сильный вѣтеръ и ему невозможно было обогнуть мысъ; принуждены были бросить якорь и стоять, среди бушующихъ волнъ, въ теченіи шести часовъ, пока наконецъ вѣтеръ улегся и туристы могли высадиться въ Гурзуфѣ только въ двѣнадцать часовъ ночи, измученные голодомъ и несносной качкой въ баркасѣ. Къ счастью между Алуштой и Кастелью нѣтъ такихъ опасныхъ мѣстъ и мы благополучно вернулись домой еще засвѣтло. Къ концу нашего маленькаго путешествія море совершенно успокоилось и приняло прелестные радужные оттѣнки, свойственные южной природѣ

во время захожденія солнца, но всякій разъ приводящіе въ новый восторгъ жителя сѣвера, незнакомаго съ яркими красками и прозрачностью воздуха южнаго пейзажа. Въ этотъ вечеръ даль моря была особенно красива; она разстилалась перламутровой, зеленоватой равниной до самаго горизонта, сливаясь съ темнымъ облакомъ, изъ котораго каждый вечеръ, уже нѣсколько дней сряду, сверкала блѣдная молнія, признакъ сильной грозы на морѣ или на противоположномъ берегѣ азіятской Турціи. На югѣ горизонтальныя разстоянія, также какъ и горныя пространства, постоянно обманываютъ непривычный глазъ, рисуя отдаленные предметы особенно ясно; такъ было и теперь. Судакскія горы, окаймляющія море съ сѣверо-востока темно-лиловой грядой, рельефно отдѣлялись отъ свѣтло-голубаго неба и казались очень близки къ намъ, между тѣмъ какъ насъ раздѣляло пятьдесятъ верстъ по прямой линіи, а по берегу до семидесяти. Были дни и часы, когда онѣ совсѣмъ исчезали въ туманѣ, особенно въ полдень онѣ расплывались и при сильномъ, яркомъ освѣщеніи отъ нихъ оставалось одно лишь очертаніе прозрачнаго, свѣтлаго облака, висящаго надъ поверхностью моря; въ часъ же солнечнаго заката и иногда при восхожденіи солнца, онѣ теряли свою воздушную, призрачную форму, казались ближе и выше и окрашивались всевозможными тонами лазури, кармина и золота. Эти безпрестанныя измѣненія горъ и моря, эти неожиданные переливы цвѣтовъ и тѣней и въ свѣтлое утро, и въ знойный полдень, и въ тихую лунную ночь, очаровывали меня и каждый день, проведенный мной въ Алуштѣ, приносилъ мнѣ массу наслажденій, которыхъ

описать нельзя, но которыя будутъ понятны всякому, кто жилъ въ Крыму, дышалъ его воздухомъ, поднимался на его горы, любовался его долинами, его утесами, его моремъ. Каждая прогулка, утро, вечеръ на балконѣ, были наслажденіемъ, а вспоминать объ этомъ и теперь доставляетъ мнѣ большое удовольствіе.

Поѣздка въ Ялту.

На другой день нашей поѣздки къ У....мъ мы отправились дня на три въ Ялту; мнѣ хотѣлось увидать еще разъ этотъ единственный городъ южнаго берега, побывать въ Ливадіи, въ Эрикликѣ, посѣтить водопадъ Учанъ-Су, о которомъ такъ разнорѣчиво разсказываютъ туристы. Изъ Алушты до Ялты и далѣе по всему южному берегу ведетъ шоссейная дорога, окончательно устроенная въ 1837 году (во время управленія Крыма Княземъ Воронцовымъ), съ большимъ искуствомъ, полнымъ знаніемъ дѣла и умѣньемъ пользоваться красотами природы. Отлогіе подъемы на громадныя отвѣсныя скалы, прочные мосты съ каменными перилами черезъ страшныя пропасти, и быстрые горные потоки, крутые спуски съ безчисленными поворотами, огороженные низенькими стѣнками по краямъ обрывовъ, все въ этомъ сооруженіи — торжествѣ инженернаго искусства,— возбуждаетъ изумленіе проѣзжаго, заставляетъ его позабыть опасность пути и сознавать глубину пропастей, въ которыя онъ безпрестанно спускается съ быстротой захватывающей духъ, по исполинскимъ размѣрамъ скалъ и утесовъ его окружающихъ.

Спустившись по шоссе вдоль морскаго берега, мы выѣхали изъ Алушты по большому деревянному мосту, перекинутому черезъ рѣчку Улу-Узень или какъ ее называли Греки *Месарли*. Какъ всѣ горныя рѣчки, она лѣтомъ почти высыхаетъ, но когда въ горахъ бываетъ дождь или гроза, ничтожный ручей превращается въ горный пѣнящійся потокъ, шумящей лавиной стремится по крутымъ скатамъ Чатыръ-Дага къ морю и съ неудержимой силой уноситъ съ собой въ роковую бездну все что ему попадается на пути. Тому назадъ три года случилось на этомъ мосту страшное несчастіе. Мнѣ разсказывала объ этомъ дочь русской женщины, у которой мы брали молоко. Ихъ избушка построена на крутомъ обрывѣ около рѣчки; внизу на самомъ берегу стоятъ очень большія орѣховыя деревья и устроенъ маленькій плотъ для стирки бѣлья. „Разъ осенью, говорила дѣвочка, мы съ мамой полоскали бѣлье, въ Алуштѣ еще „дождя не было, но надъ Палатъ-горой *) стояла „большая, черная туча и утромъ татары говорили, что „Салгиръ придетъ".

Какъ Салгиръ? спросила я, зная что Салгиръ вытекаетъ изъ скалъ недалеко отъ Четыръ-Дага, но течетъ въ противоположную сторону къ Симферополю и впадаетъ въ Сивашъ, вѣдь эту рѣчку зовутъ Улу-Узень?

—„Нѣтъ, это Салгиръ, повторила дѣвочка; всѣ здѣсь „ее зовутъ Салгиръ. **) Мы кончили полоскать и стали „собирать бѣлье въ корзину. Вдругъ поднялся вѣтеръ, „зашумѣла вода и татары, стоявшіе на горѣ выше насъ,

---

*) Одно изъ названій Чатыръ-Дага.

**) Потомъ я узнала, что по татарски *салгиръ* значитъ рѣка.

„закричали: „Салгиръ идетъ, Салгиръ идетъ“!.. Мы бросили корзину и пустились бѣжать на гору къ хатѣ; „когда мы были на горѣ и посмотрѣли внизъ, рѣка уже „дошла до нижнихъ сучьевъ большаго орѣха и нашего „плотика и бѣлья не было видно; ихъ стащила вода. „Все бурливѣе и темнѣе становилаь рѣка и несла съ „собой въ море все что ей попадалось: бревна, доски, „кусты и деревья. Тутъ пошелъ дождь и мы побѣжали „къ морю посмотрѣть какъ Салгиръ бурлитъ, къ берегу „нельзя было подойти, мы взлѣзли на горку и оттуда „увидали, что большой мостъ до перилъ уже залитъ водой. Народу собралось много. Вдругъ закричали, что „по ялтинской дорогѣ ѣдетъ коляска тройкой, съ барынями. Кто говорилъ что она еще успѣетъ переѣхать „черезъ мостъ, другіе кричали, чтобъ не ѣхали — утонутъ. Коляска ѣхала очень скоро, но рѣка шла еще „скорѣе. Кричали ямщику, чтобъ онъ остановился на „томъ берегу, махали ему платками, но море и вѣтеръ „шумѣли—должно быть ничего не слыхалъ и не видалъ, „*сердечный,*—да какъ погналъ лошадей на мостъ во весь „опоръ, а волна стащила его съ козелъ, да понесла коляску и лошадей прямо по устью рѣки къ морю. Море „такъ высоко поднялось, что заливало весь берегъ и „смѣшалось съ рѣкой, такъ что ничего нельзя было разглядѣть, только черезъ недѣлю выкинуло на берегъ „одну лошадь; коляска, другія лошади и люди вѣрно „пошли ко дну, какъ не искали, нигдѣ ничего не нашли.

— А кто же были эти бѣдныя барыни? спросила я.

—„Незнаю. Говорятъ, что дальнія, ѣхали домой изъ „Ялты лѣчились тамъ, да вотъ и вылѣчились, прибавила дѣвочка. Съ ними былъ маленькій; одна барыня

„подняла его высоко надъ головой, когда ихъ понесло „въ море; вѣрно мать его.

— Неужели нельзя было ихъ спасти? Чтожъ дѣлалъ народъ?...

— „Народъ!... развѣ подѣлаешь что нибудь съ та-„кой силой. Когда Салгиръ идетъ, что можно дѣлать? „Всѣ молчали... Наши русскіе перекрестились, татары „повторяли: *Аллахъ*, *Аллахъ*, а мы съ мамой пошли „домой, посмотрѣть чье бѣлье у насъ уплыло; мы и „тогда стирали на пріѣзжихъ господъ и надо было по-„просить нашихъ барынь не вычитать съ насъ за то „что пропало“.

Проѣзжая черезъ мостъ, я вспомнила о несчастныхъ похороненныхъ на вѣки въ морской пучинѣ, вдали отъ родины, отъ близкихъ... Здѣсь даже и не знаютъ ихъ именъ, подумала я; дѣвочка равнодушно разсказываетъ страшную исторію, какъ доказательство непобѣдимой стихійной силы своего Салгира и только въ одномъ словѣ *сердечный*, зазвучала грустная нотка.... „Ям-„щикъ былъ русскій парень, сказала она мнѣ послѣ; а „татаринъ бы не поѣхалъ, прибавила она съ усмѣш-„кой; они знаютъ, что не проѣдешь по мосту, когда „Салгиръ идетъ“.

Мы поднимались въ гору; дождь, который шелъ довольно сильно, когда мы выѣзжали изъ Алушты, пересталъ и мы откинули верхъ коляски. Пыль прибило, воздухъ освѣжился и быстро убѣгающія тучи предвѣщали намъ ясный закатъ солнца и тихій, обаятельный вечеръ. Хотя до Ялты, было почти 40 верстъ, но въ Крыму, по крымскимъ прелестнымъ дорогамъ, сорокъ вер. не считается путешествіемъ, а очаровательной прогул-

кой. Проѣхавъ по шоссе семь верстъ, мы увидали ворота и спускъ къ усадьбѣ г. Голубева, но самой усадьбы на берегу моря намъ конечно нельзя было видѣть и я очень пожалѣла, что наканунѣ, бывши у У....хъ, мы не дошли до нея и не спустились къ Камышъ-Буруну *). Это имя горнаго источника, хорошо извѣстнаго своимъ живописнымъ положенiемъ и прекрасной, всегда холодной водой, всѣмъ поселенцамъ этой каменистой, безводной мѣстности; вода ледяной струей просачивается изъ нѣдръ горы и въ самомъ низу, немного выше морскаго берега, спадаетъ въ натуральный каменный бассейнъ, окруженный вьющимися растенiями и полевыми цвѣтами. Мнѣ случилось видѣть въ альбомѣ моей знакомой видъ этого мѣста, снятый съ натуры ея матерью лѣтъ тридцать тому назадъ, если не болѣе, и я думаю, что огражденный моремъ и скалами, родникъ Камышъ-Буруна до сихъ поръ не утратилъ своей дикой красоты и долженъ быть въ натурѣ тысячу разъ прелестнѣе того рисунка, надъ которымъ, не зная еще Крыма, я однако всегда останавливалась съ большимъ удовольствiемъ. Первая почтовая станцiя отъ Алушты Буюкъ **) Ламбатъ, при татарской деревнѣ того же имени, раскинутой амфитеатромъ среди громадныхъ камней, разбросанныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ, близь рѣки Кара-Узень и у подножiя большой обрывистой скалы Парагильменъ. Здѣсь нѣкогда находился большой монастырь св. Илiи и крѣпость, со сторожевой башней, развалины которой замѣтны и теперь, также и слѣды дороги, ведшей когда-то къ древ-

*) Бурунъ—по татарски обвалъ морскаго берега.

** Буюкъ—по татарски большой.

нему городу Лампасу, нынѣшнему Кучукъ-Ламбату, *) построенному у подножія отдѣльной скалы, извѣстной подъ именемъ *Плака*. Эта скала выдается далеко въ море и образуетъ красивый заливъ, замыкаемый съ южной стороны мысомъ Аю-Дага; на ней построена часовня, гдѣ похоронены прежніе владѣтели Кучукъ-Ламбата; она бѣлѣется издалека на своемъ обнаженномъ утесѣ и нѣтъ сомнѣнія, что именно на этой скалистой вершинѣ и былъ устроенъ старинный маякъ, давшій названіе городу; „*Лампасъ*" т. е. *факелъ, свѣтильникъ*. О древнемъ Лампасѣ упоминаютъ Скіомнъ Хіосскій **), другіе авторы древнихъ периплов ***) и нубійскій географъ XII столѣтія Эдризи ****). Въ настоящее время отъ богатаго и хорошо устроеннаго имѣнія въ Кучукъ-Ламбатѣ остался запущенный паркъ, нѣсколько грустныхъ кипарисовъ и ближе къ Кастели, на мысу Карабаха, дача того-же имени, принадлежавшая покойному академику Петру Петровичу Кеппену, извѣстному географу, археологу и изслѣдователю древностей таврическихъ горъ и южнаго берега Крыма. Онъ здѣсь трудился до послѣдней минуты своей жизни и похороненъ въ кипарисовой рощѣ повыше моря около дороги. Тутъ же невдалекѣ виднѣется крестъ другой могилы доктора Шлейдена, умершаго 80-ти лѣтнимъ

*) Кучукъ - малый.

**) Греческій географъ, жившій за 80 л. до Р. Х.

***) По гречески *пери плуѣ* значитъ плаваніе во кругъ. Это заглавіе географическихъ сочиненій, посвященныхъ описанію береговыхъ областей и приморскихъ странъ.

****) Эдризи, изгнанный изъ Африки, удалился въ Сицилію ко двору Рожера II и подарилъ ему въ 1153 году серебряный глобусъ, вѣсомъ въ 400 фунтовъ на которомъ было начертано все, что тогда было извѣстно на земномъ шарѣ.

старцемъ, и оставившаго по себѣ въ средѣ татарскаго населенія окрестныхъ деревень прекрасную память своимъ состраданіемъ къ больнымъ и бѣднымъ. Между Кучукъ-Ламбатомъ и Аю-Дагомъ расположены на берегу моря, около защищенной, превосходной бухты два богатыя имѣнія Раевскихъ: Карасанъ и Партенитъ; они орошаются двумя горными ручьями, хорошо обрабатываются и изобилуютъ садами, парками, цвѣтниками, оранжереями, школами рѣдкихъ растеній, виноградниками и табачными плантаціями; табакъ Партенита славится, какъ лучшій на южномъ берегу, и ни въ чемъ не уступаетъ турецкому. У подошвы Аю-Дага часто называемаго туземцами Біюкъ-Кастель, въ отличіе отъ Кучукъ-Кастели, гдѣ находилось укрѣпленіе и монастырь св. Прокла, о которыхъ я говорила выше, лежитъ татарская деревушка Партенитъ, сохранившая свое древнее греческое названіе, означающее *храмъ дѣвы*. Оно напоминаетъ о древнемъ миѳѣ Ифигеніи, приносящей въ жертву жестокой богинѣ Тавровъ иноземныхъ мореходцевъ, выбрасываемыхъ бурею на скалистый берегъ Аю-Дага, извѣстный древнимъ землеописателямъ подъ именемъ Кріуметопонъ (Бараній лобъ). На вершинѣ Аю-Дага (274 сажени надъ уровнемъ моря по измѣреніямъ французскаго инженера Шатильёна), Кеппенъ нашелъ еще слѣды древняго укрѣпленія и остатки стѣны надъ скалистой, неприступной кручью. Но съ тѣхъ поръ слѣды древности съ каждымъ годомъ исчезаютъ, оставивъ по себѣ въ долинахъ Аю-Дага обломки черепицъ, кирпичей и глиняныхъ сосудовъ, а на самой горѣ страшныя пропасти, непроходимыя трущобы, крутые обрывы и скаты къ морю. Особенно опасной и недо-

ступной считается, даже мѣстными татарами, та сторона Аю-Дага, которая обращена къ Артеку; со стороны Партенита, говорятъ, проложены кой-гдѣ лѣсныя тропы, по которымъ татары взбираются на буйволахъ, или волахъ за дровами и лѣсомъ и сползаютъ оттуда, подвергаясь на каждомъ шагу опасности. Во время выселенія татаръ татарская деревня Партенитъ совершенно опустѣла; Раевскій скупилъ у выходцевъ почти всѣ земли и развелъ здѣсь свои сады и плантаціи, оставивъ бѣдной деревушкѣ нѣсколько орѣховыхъ деревьевъ, между которыми сохранилось одно дерево старѣе и толще всѣхъ орѣховыхъ деревьевъ Крыма, увѣрялъ насъ ямщикъ-татаринъ, указывая кнутомъ на верхушки кипарисовъ, чуть чуть замѣтныхъ съ того мѣста шоссе, по которому мы проѣзжали. Слѣдующая станція за Буюкъ Ламбатомъ — Ай-Даниль не представляетъ ничего замѣчательнаго; здѣсь также нѣкогда находилось греческое поселеніе, съ церковью во имя святаго Даніила, но теперь нѣтъ слѣдовъ древности, виднѣются всюду богатые виноградники, разведенные покойнымъ княземъ Воронцовымъ и дающіе вина прекрасныхъ сортовъ; между ними извѣстно шипучее вино подъ названіемъ *Айданиль*, приготовляемое на манеръ шампанскаго. Изъ Ай-Даниля почтовая дорога идетъ на деревню Никита а изъ Никиты налѣво спускъ въ казенный Никитскій садъ и въ Магарачское казенное училище винодѣлія, а прямо по шоссе на большое имѣніе князя Воронцова-Массандра. Эти послѣднія версты вмѣщаютъ въ себѣ живописнѣйшія мѣстности между Алуштой и Ялтой. Яйла своимъ тѣнистымъ покровомъ даетъ особенную силу и свѣжесть растительности юга; я нигдѣ не видала

такихъ громадныхъ старыхъ орѣховъ, такихъ темныхъ кипарисовъ, такихъ мощныхъ дубовъ и буковъ, какъ въ этой части ялтинскаго уѣзда, и когда проѣзжаешь по лѣсамъ Массандры, таинственный мракъ царствующій повсюду напоминаетъ о священныхъ рощахъ древней Галліи, о друидическихъ камняхъ, о долменахъ Бретани; съ послѣдними имѣютъ разительное сходство природные, большіе, сѣрые камни съ плоскими верхушками, разбросанные около дороги и лежащіе въ самой чащѣ лѣса группами и одиноко. Мы быстро спускались къ Ялтѣ, проѣзжая мимо роскошныхъ садовъ и строеній нижней Массандры, и только издали могли любоваться красивымъ лѣтнимъ домикомъ князя Воронцова, построеннымъ на полугорѣ въ лѣсахъ верхней Массандры; онъ окруженъ густой зеленью и освѣжается горными ручьями, сбѣгающими внизъ вдоль шоссе, по искуственнымъ канавкамъ, съ шумомъ настоящаго горнаго потока. Дорога безпрестанно дѣлаетъ повороты и на каждомъ изъ нихъ открывается новая картина, одна прелестнѣе другой. Кругомъ шумитъ густой боръ, стволы гигантскихъ сосенъ обросли вѣковымъ мхомъ, на сучья всползаютъ цвѣтущіе грозды бѣлаго какъ снѣгъ клематиса, пунцовыя и зеленыя кисти какого-то ползучаго растенія, крѣпкіе какъ желѣзо темнокоричневые путы стараго плюща и винограда, а внизу по корнямъ лѣсныхъ великановъ разстилаются изумрудной сѣтью безъимянныя ліаны юга, испещренныя полевыми цвѣтами, слоемъ высохшихъ листьевъ и разноцвѣтными бархатными мхами. Забываешь, что тутъ вблизи море и вдругъ, какъ въ фантастической панорамѣ оно выплываетъ у ногъ вашихъ, выглядываетъ изъ лѣсной просѣки, то

нескончаемой синей пеленой, то улыбающейся свѣтлой бухтой, обрамленной красивыми, веселыми домиками пестрой Ялты. Издали прелестныя виллы и богатыя строенія смотрятъ миніатюрными, изящными, дѣтскими игрушками и, когда въѣзжаешь въ Ялту, удивляешься размѣрамъ такихъ гостинницъ, какъ Россія и Эдинбургская и отыскиваешь среди красивыхъ домовъ набережной, видѣнныя сверху разноцвѣтныя крошечныя постройки, разбросанныя вдоль берега и по склону горы, какъ дорогія бездѣлушки на полкахъ модной этажерки.

Въ Ялту мы пріѣхали довольно поздно вечеромъ и заручившись номеромъ въ гостинницѣ Крымъ отправились на набережную, гдѣ просидѣли очень долго на платформѣ около новой часовни, воздвигнутой въ память мученической кончины Императора Александра II. Она построена въ русскомъ вкусѣ противъ красивой дачи барона Врангеля, на самомъ оживленномъ мѣстѣ ялтинской набережной. Мимо насъ безпрестанно сновали щегольскіе экипажи, галопомъ и рысью перегоняли другъдруга амазонки, на татарскихъ лошадяхъ, съ татарами—проводниками, копошилась на бульварѣ толпа нарядныхъ дамъ и разряженныхъ дѣтей. Съ освѣщенныхъ верандъ и балконовъ долетали говоръ и смѣхъ, изъ сосѣднихъ садовъ тянуло свѣжестью и запахомъ намъ незнакомыхъ, южныхъ цвѣтовъ высокая стѣна Яйлы сливалась въ одну массу съ темносинимъ небомъ, панорама горъ исчезла въ вечернемъ туманѣ, вся Ялта была покрыта мракомъ и только фонари улицъ и лампы магазиновъ, какъ свѣтящіеся точки, прорѣзывали тьму, вдали скрещивались огненными нитями и опоясывали блестящей лентой террасы и галереи гостинницы

Россіи, бросая кругомъ зданія широкія полосы яркаго свѣта. На морѣ была тишина, прерываемая изрѣдка плескомъ пристающей къ берегу лодочки, или шумомъ веселъ баркасовъ причаливающихъ къ пароходу. На немъ, то свѣтились, то потухали огни синіе, зеленые, красные, кругомъ его и далеко на морѣ вспыхивали, гасли и загорались снова, какъ блуждающіе огни на болотѣ, мерцающіе огоньки; это были лодки рыбаковъ, ялики, баркасы, бросившіе якорь на ночь и готовящіе себѣ ужинъ. По берегу къ самому морю, сползали красныя, огненныя точки, на холмахъ у подножія горъ другія слабо искрились какъ звѣзды, а настоящія звѣзды безчисленными миріадами усѣяли темное небо, проливая на насъ, на горы, окутанныя непроницаемой тьмой, на неподвижное, ко всему равнодушное безстрастное море, свой тихій ласкающій, успокаивающій свѣтъ—и было хорошо, тихо на душѣ. Улеглись душевныя волненія, отлетѣли далеко грустныя думы, нервы успокоились и мысль, окрыленная общеніемъ съ природой, радостно забывая суетность и пустоту обыденной жизни, вызывала картины прошлаго, того давно минувшаго времени, когда здѣсь цвѣла богатая Джалита.*) Окруженная высокой стѣной, защищенная съ сѣвера грознымъ укрѣпленіемъ, она славилась своими церквами, своими зданіями; корабли ютились въ ея бухтѣ, на пристани; на улицахъ кипѣла жизнь и торговля; греки, генуэзцы, татары владѣли ею поочередно; наконецъ она подпала подъ власть турокъ и мечъ янычаръ не пощадилъ Ялиты, церкви ея были преданы пламени, дома и

*) Въ XII вѣкѣ о ней упоминаетъ нубійскій географъ Эдризи.

улицы запустѣнію, жители разбѣжались въ горы и уцѣлѣвшіе остатки бывшаго величія превратились въ бѣдную деревушку, въ русскій уѣздный городъ, въ ничтожную Ялту. Но утративъ свою роскошь и богатство опустѣлая Ялта сохранила свою синюю бухту, вѣчно зеленые лѣса, цвѣтущія долины, серебристыя рѣчки, быстрые потоки и хребетъ Яйлы, защищающій ее, незыблемой стѣной отъ сѣверныхъ вьюгъ и степнаго зноя; она сохранила свое чудное небо, прелестныя ночи, свѣтлые живительные дни, свѣжесть горъ, влажное дыханіе моря и теплые лучи южнаго солнца и какъ очарованная красавица, послѣ долгаго сна и забвенія, снова была призвана къ жизни мановеніемъ благодѣтельнаго чародѣя. Для Ялты минутой возрожденія былъ 1861 г., тотъ годъ, когда царская семья начала посѣщать Ливадію и проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ окрестностяхъ города; съ тѣхъ поръ, съ каждымъ годомъ, Ялта все болѣе оживлялась и украшалась, пестрыя дачи, удобныя и роскошныя виллы быстро выростали и одѣвались зеленью плющей и ползучими розами, гостинницы, отели открывали сотни номеровъ, въ своихъ огромныхъ зданіяхъ, богатые магазины украшали набережную и другія улицы, татарское населеніе стушевывалось въ пестрой толпѣ пришельцовъ всѣхъ странъ и народовъ. Ялта ликовала и благословляла того, кому она была всѣмъ обязана. Она сохранила до сихъ поръ живую благодарность къ своему благодѣтелю и хотя число пріѣзжихъ на южный берегъ съ каждымъ годомъ увеличивается, но память о присутствіи Императора Александра II и Императрицы Маріи Александровны въ окрестностяхъ Ялты глубоко врѣзалась въ

сердце каждаго ея обитателя и разсказы о ихъ добротѣ и милосердіи служатъ неизсякаемой и любимой темой разговора всѣхъ жителей южнаго берега, неисключая и татаръ, которые, видя въ Царѣ олицетвореніе Бога на землѣ, желаютъ, чтобъ государь русскій жилъ ближе къ нимъ. Мнѣ сказывали, что когда алуштинскій старшина возвратился домой послѣ священнаго коронованія Ихъ Величествъ, онъ болѣе мѣсяца долженъ былъ разсказывать всѣмъ татарамъ, не только Алушты, но и другихъ деревень все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Москвѣ, конечно все то что касалось царственныхъ особъ, такъ-какъ до разсказовъ о европейской жизни татары не большіе охотники и вообще мало интересуются нашими нравами и обычаями. О Царѣ же и царской семьи каждый татаринъ готовъ говорить съ увлеченіемъ и общее желаніе всѣхъ коренныхъ жителей полуострова увидать Его снова и какъ можно скорѣе на южномъ берегу Крыма. Хотя въ Ливадіи все содержится въ отличномъ порядкѣ, несмотря на отсутствіе Высочайшихъ хозяевъ пустота и уныніе чувствуются повсюду и обозрѣвая тѣнистый паркъ, замѣчательные цвѣтники, клумбы рѣдкихъ тропическихъ растеній, останавливаясь въ восхищеніи передъ оранжереями, фонтанами, статуями, павильонами и сельскими домиками, разсѣянными по виноградникамъ, парникамъ и огородамъ, въ душу невольно закрадывается грусть и сожалѣніе, при видѣ этого опустѣлаго Эдема, этого оставленнаго земнаго рая.

Во время обзора ливадійскаго парка изъ всѣхъ его диковинъ меня особенно поразилъ пестролистый дубъ очень красивой формы; это дерево стоитъ отдѣльно на

краю клумбы, засаженной экзотическими растеніями и его причудливая, довольно мелко изрѣзанная листва, переливаетъ на солнцѣ то серебромъ, то золотомъ, то яркимъ изумрудомъ. Тутъ же въ громадной, зеленой, рѣшетчатой бесѣдкѣ выставляются на лѣто оранжерейныя сокровища Ливадіи, всевозможныя пальмы, латаніи, араукаріи, юки, пандянусы, мимозы роскошными группами расположены въ этомъ воздушномъ дворцѣ и живописно отдѣлены другъ отъ друга аллеями лимонныхъ, апельсинныхъ и лавровыхъ деревьевъ; огромныя кадки ихъ зарыты въ землю и обложены мхомъ и дерномъ. Надъ входами вьются гирляндами орхидеи Индіи и Новаго Свѣта, спускаясь по рѣшетчатымъ стѣнкамъ и взбѣгая опять на самый верхъ строенія своими яркожелтыми, пунцовыми, бѣлыми, лиловыми, розовыми кистями. Эта воздушная теплица переноситъ зрителя въ сказочный міръ тропическаго юга, въ страну величавыхъ пальмъ и священнаго лотоса, между тѣмъ, какъ близь лежащій *розовый садъ* и спускающаяся къ самому морю *) *пергола*, также увитая разноцвѣтными розами, возсоздаютъ для него цвѣтущія долины Фарсистана, роскошные сады Дели и Кашемира. Безлюдіе и тишина, царствующія повсюду усиливаютъ заблужденіе и еслибъ легкія формы дворцевъ Императрицы и Наслѣдника и маленькая, изящная церковь, построенная въ русско-византійскомъ стилѣ, не заявляли о настоящемъ и современномъ, разыгравшаяся фантазія туриста стала бы искать въ лавровыхъ и миртовыхъ кущахъ Ливадіи туманные образы героевъ и героинь индійскихъ

---

*) Воздушная галерея, или крытая аллея изъ цвѣтовъ.

сказаній, но вмѣсто оборожительной *) Дамаянти, по темной аллеѣ кипарисовъ пробѣгаетъ невзрачная русская дѣва, съ большой ковригой печенаго хлѣба, а храбрый Наль **) замѣненъ старичкомъ садовникомъ, смиренно подчищающимъ отцвѣтшій розовый кустъ. За этимъ кустомъ, около граціозной, наружной лѣсенки дворца Наслѣдника, какъ громадный букетъ, красуется роскошное дерево, покрытое до самой верхушки кистями бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ; каждая кисть представляетъ огромный букетъ и составлена изъ красивыхъ отдѣльныхъ, мотыльковыхъ, бѣлыхъ цвѣтковъ, съ пунцовой серединой. Не знаю ботаническаго названія этого дерева, весьма обыкновеннаго въ Крыму и извѣстнаго подъ именемъ *дикой ванили*. Въ Ялтѣ въ Мордвинскомъ саду около гостинницы Россіи насажена цѣлая аллея этихъ деревьевъ, но нигдѣ я не видала такого великолѣпнаго экземпляра какъ въ Ливадіи. Офицеръ провожавшій насъ сорвалъ мнѣ на память одну изъ его цвѣтущихъ кистей, съ доволно сильнымъ запахомъ ванили и, бросивъ прощальный взглядъ на всѣ прелести этой царственной дачи, мы сѣли съ нимъ вмѣстѣ въ ожидающій насъ экипажъ и, проѣхавъ шагомъ по тѣнистымъ аллеямъ парка, выѣхали на почтовую дорогу. Тутъ, повернувъ направо, мы стали подыматься вверхъ на Яйлу, сначала на зеленые холмы, гдѣ раскинуты богатые, фруктовые сады Ливадіи, а потомъ въ густой сосновый боръ, покрывающій Яйлу до самой ея вершины. На половинѣ пути устроена ферма Императри-

*) Героиня индійской поэмы Магабараты.

**) Герой той же поэмы.

цы, здѣсь воспитывается болѣе тридцати швейцарскихъ коровъ прекрасной, дорогой породы.

Мы тихо подымались по вьющемуся безчисленными извилинами шоссе, любуясь на каждомъ поворотѣ новой картиной. Внизу то пестрѣли нарядные домики Ялты съ голубымъ заливомъ и рамкой темныхъ горъ, то зеркальной гладью разстилалось безпредѣльное море, то чернѣли подъ нависшими камнями грозныя пропасти, ужасающіе обрывы. На днѣ одного изъ нихъ виднѣлась Оріанда *), съ зеленѣющими парками, съ сѣдыми утесами и скалами, спускающимися къ самому морю.

Кругомъ насъ картины также безпрестанно мѣнялись; за зелеными садами потянулись сочные, горные луга, перерѣзанные тѣнистыми рощами. Вдругъ въ одной изъ этихъ густыхъ чащъ раздались непонятные звуки; они долетали до насъ, то серебристыми переливами флейты, то заунывнымъ колокольнымъ звономъ, то тихимъ аккордомъ эоловой арфы.

— Что это за музыка? спросила я. Или пастушеская свирѣль древней Эллады встрѣчаетъ насъ на этихъ высотахъ“.

Офицеръ улыбнулся. „Сами сейчасъ увидите“, сказалъ онъ. Новый поворотъ дороги и передъ нами открылась большая поляна, окруженная со всѣхъ сторонъ лѣсами; на ней паслось стадо красивыхъ коровъ, на шеѣ каждой, на широкомъ ремнѣ, висѣлъ большой валдайскій колоколъ и эти подобранные въ тонъ колокола издавали тѣ чудные звуки, которые меня такъ уди-

*) Мраморный дворецъ, издали бѣлѣющій среди парковъ, отличался своей громадностью и строгостью стиля; онъ сгорѣлъ до основанія въ 1881 году.

вили. Коровы, какъ я уже сказала выше, были замѣчательной породы и отличались не только красотою формъ и величиной, но и оригинальнымъ цвѣтомъ своей масти, всѣ, безъ исключенія, были телѣснаго цвѣта и одна изъ нихъ даже ударяла въ блѣдно розовый. Сопровождавшій насъ офицеръ г-нъ И..... сказалъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ она была совершенно *розовая* и что посѣщающіе ферму не могли ею налюбоваться; теперь съ каждымъ годомъ розовый цвѣтъ ея шерсти блѣднѣетъ. Не смотря на окружающихъ ее молодыхъ соперницъ, она озиралась на насъ такъ осмысленно и величаво, что глядя на ея прекрасные темные глаза я вспомнила греческій миѳъ о Юпитерѣ и Іо *).

Вблизи звукъ колоколовъ не имѣлъ уже прежней прелести и, наглядѣвшись на красивое стадо, мы стали подыматься въ гору и вскорѣ увидали на право отъ дороги въ самой чащѣ лѣса большой резервуаръ воды, выложенный цементомъ и помѣщеніе для фазановъ, въ видѣ громадной клѣтки; но воды въ резервуарѣ не было и клѣтка была пуста и безмолвна; исчезли ея пернатые обитатели. Мы поднялись еще выше, насъ охватила пріятная свѣжесть, свѣжесть горныхъ высотъ; кругомъ насъ шумѣлъ и колыхался настоящій дѣвственный лѣсъ. Вдругъ въ этой дикой пустынѣ, 1200 футовъ надъ уровнемъ моря, передъ нами открылся небольшой, но красивый дворецъ покойной Государыни Императрицы, *Эрикликъ*. Вокругъ дворца разбитъ небольшой цвѣтникъ, исчезающій въ массѣ клумбъ разнородныхъ деревьевъ, большей частью разсаженныхъ среди мѣстныхъ

*) Іо—греческая принцесса превращенная Юпитеромъ въ корову.

дико растущихъ породъ. Передъ дворцемъ устроенъ фонтанъ, увитый плющемъ и розами, по стѣнамъ, по балконамъ, на самую крышу ползутъ розы и растилаются повсюду густой разноцвѣтной сѣтью; дорожки цвѣтника и парка гладки какъ паркетъ и взбираясь по нимъ къ бесѣдкѣ забываешь о вершинахъ Яйлы, о морѣ, о Крымѣ. Кажется, что кругомъ васъ газоны и клумбы Петергофа, или Царскаго, но взойдите по ступенькамъ крутой лѣстницы во внутренность павильона и передъ вами снова Крымъ, со всѣми его прелестями; у ногъ вашихъ лежитъ недвижной пеленой сѣдое море, бѣлѣютъ въ темной зелени миніатюрныя постройки Ливадіи и Ялты, безконечной змѣей извивается надъ пропастью узкое шоссе; надъ вами нависли каменныя твердыни Яйлы, какъ незыблемыя бойницы до—потопной крѣпости, окруженныя громадными стволами вѣковыхъ сосенъ, этихъ безмолвныхъ стражей пустынныхъ дебрей.

Долго глѣдѣла я на туманную даль, до того долго, что наконецъ въ моихъ потѣмнѣвшихъ глазахъ все слилось въ одну неопредѣленную, колеблющуюся массу и я едва могла сойти по ступенямъ лѣстницы павильона, голова кружилась духъ захватывало ноги подкашивались, я чувствовала себя очень дурно и боялась упасть. Съ особеннымъ удовольствіемъ усѣлась я въ нашъ покойный panier de Nice и тогда только обратила вниманіе на букетъ чайныхъ розъ, лежащій на моихъ колѣнахъ; мнѣ его далъ садовникъ, когда мы выходили изъ парка, я его приняла безсознательно и кажется даже и не поблагодарила за любезность. Мы стали спускаться. По мѣрѣ того какъ

мы съѣзжали съ горы непріятное ощущеніе дурноты и слабости исчезало и мало по малу я стала приходить въ нормальное состояніе. Не знаю, что на меня подѣйствовало такъ сильно; знойное-ли утро и усталость послѣ нашей прогулки въ Ливадіи, или разрѣженность воздуха на этихъ альпійскихъ высотахъ, но никогда еще я не испытывала подобнаго состоянія и все боялась, что это непріятное чувство опять повторится. Мы съѣзжали внизъ довольно быстро, солнце скрывалось за большую тучу, которая медленно подвигалась впередъ и заволакивала своими темными покровами верхніе склоны горъ—великановъ; вдали раздавались глухіе раскаты грома, повторяемые поочередно каждой пещерой, каждымъ утесомъ, каждымъ поворотомъ скалы, но надъ нами сверкало безоблачное небо и своей темной синевой обѣщало, не только на этотъ вечеръ, но и на слѣдующіе дни жаркую, хорошую погоду. Когда мы выѣхали на почтовую дорогу, г. И.. простился съ нами и черезъ паркъ пошелъ пѣшкомъ въ Ливадію, а мы вернулись въ Ялту.

На другой день мы отправились на водопадъ Учанъ-Су (летучая вода), отстоящій отъ Ялты на 8 верстъ; но такъ какъ мы поѣхали мимо Ливадіи, по новой дорогѣ, то будетъ всего верстъ 10 до Императорской бесѣдки, отъ которой проведена тропа на первый уступъ водопада. Хотя время нашего посѣщенія было неблагопріятное (въ сухое лѣто въ іюнѣ и іюлѣ водопадъ бываетъ не такъ значителенъ) однако, когда я приближалась къ нему пѣшкомъ, всползая по скользкому скату, цѣпляясь за валежникъ, колючіе кусты и гладкіе огромные камни, обросшіе дикимъ плющемъ, мной

овладѣло какое-то безсознательное, непреодолимое чувство страха. Небо скрылось и надъ головой видна обросшая лѣсами сплошная стѣна Яйлы, она загораживаетъ горизонтъ со всѣхъ сторонъ, давитъ васъ своими крутизнами, своими скатами заросшими нескончаемыми ярусами вѣковыхъ деревьевъ, несмѣтными полчищами сосенъ—гигантовъ. Они тутъ, около васъ, эти ветераны дѣвственнаго бора; они окутываютъ васъ своей темной, чудовищной тѣнью, ихъ красные стволы все ближе подвигаются другъ къ другу; они сплетаются вокругъ васъ непроницаемымъ, волшебнымъ частоколомъ, обдаютъ васъ густымъ, сырымъ дыханьемъ; вы чувствуете себя во власти лѣсной пустыни, надъ вами, у ногъ вашихъ, куда вы не взглянете, все лѣсъ и скалы, скалы и лѣсъ. Мнѣ казалось, что я стою на днѣ какой-то громадной воронки, гулъ падающихъ водъ одинъ нарушалъ мертвую тишину и по мѣрѣ моего приближенія къ водопаду превращался въ неумолкаемый ревъ, въ непрерывное, грозное рокотаніе. Я подняла голову. Откуда-то, съ высоты, прямо надо мною неслись темные потоки водъ; покрытые сѣдой пѣной, тяжелой массой, они мчались съ одного уступа на другой и страшнымъ, оглушающимъ напоромъ низвергались въ незримую пропасть. Кругомъ все дрожало, и земля, и лѣсъ, и воздухъ; однѣ скалы стояли, неподвижныя, безучастныя къ тому, что творилось кругомъ ихъ. Я сѣла, въ ушахъ звенѣло, ноги дрожали. Величіе природы, въ ея дикомъ могуществѣ подавляло меня что-то помимо моей воли приковывало меня къ этому клокочущему водовороту, къ этому оглушающему и одуряющему водопаду. Я сидѣла на краю канавки, пок-

рытой, какъ и вся почва этого вѣковаго лѣса, упругимъ ковромъ сосновыхъ иглъ и шишекъ, за мной возвышалась большая гранитная глыба, на которой были начертаны красной и черной краской много именъ и чиселъ, память туристовъ. Я попробовала нацарапать и мое имя, но со мной былъ только карандашъ да ножичекъ; я должна была оставить свое намѣренiе и довольствоваться вѣткой плюща, сорванной мной на память объ этой прогулкѣ. Водопадъ Учанъ-Су, или Акаръ-Су (текучая вода), какъ его называютъ въ описанiи „Путешествiя Екатерины II въ Крымъ,“ образуется изъ рѣчки того-же имени; она вырывается изъ узкаго пространства, между двумя скалами, и съ высоты крутаго утеса, съ необычайнымъ шумомъ и неудержимой силой, совершенно отвѣсно ниспадаетъ каскадами въ глубокiй оврагъ по описанiю профессора и геолога С. С. Куторги съ высоты въ 300 футовъ, по Монтандону—въ 40 саженъ, а по „Путешествiю Екатерины II“—въ 150 саженъ. Это разнорѣчiе въ измѣренiи отвѣснаго паденiя воды Учанъ-Су понятно, такъ-какъ вышеупомянутые авторы въ своихъ описанiяхъ опредѣляли его по глазомѣру; но въ позднѣйшее время высота паденiя Учанъ-Су была измѣрена и говорятъ равняется отъ подошвы утеса до вершины водопада 350 футамъ, или 50-ти саженямъ. *) Я не видала водопадовъ Швейцарiи и Иматры въ Финляндiи, говорятъ, что они прелестны, но я увѣрена, что нашъ крымскiй Учанъ-Су не имѣетъ себѣ подобнаго, по той недоступной мѣстности, въ которой онъ находится. На меня онъ произвелъ сильное

---

*) Путеводитель по Крыму Сосногоровой, стр. 107; сообщено Э. Е. Булатовымъ.

впечатлѣніе и бѣшеный ревъ потока, шумъ скачущихъ, оторванныхъ камней и клокочущей массы водъ, стремящейся къ морю, черезъ скалистыя бездны, долго еще звучалъ въ моихъ ушахъ и раздражалъ мои возбужденные нервы. На возвратномъ пути въ Ялту, проѣхавъ гигантскимъ хвойнымъ лѣсомъ версты три, мы круто повернули на лѣво и все тѣмъ же густымъ лѣсомъ спустились къ громадной, отдѣльной скалѣ, на которой видны остатки древняго укрѣпленія, греко-византійской эпохи Крыма. Эти развалины носятъ громкое названіе Учанъ-Су-Исаръ *) и съ каждымъ днемъ все болѣе разрушаются; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уцѣлѣвшія большія ворота, образовавшія арку въ три сажени вышины, совершенно распались и теперь остаются только оглоданные временемъ и бурями жалкіе остовы стѣнъ и поросшіе бурьяномъ и сорными растеніями огромные камни, остатки той титанической лѣстницы, которая нѣкогда вела во внутренность укрѣпленія. Намъ стоило не малаго труда взобраться по нимъ на гребень развалинъ; онѣ лѣпятся на самомъ краю отдѣльнаго утеса, окруженнаго со всѣхъ сторонъ, отвѣсными обрывами, покрытыми сплошнымъ лѣсомъ прямыхъ, красивыхъ сосенъ. Стоя на этой высотѣ, какъ на громадномъ пьедесталѣ, взоръ не могъ окинуть вдругъ неизмѣримую даль горизонта; онъ терялся въ зеленомъ морѣ нескончаемыхъ склоновъ, покрытыхъ лѣсомъ, и останавливаясь на мгновеніе на открывающійся уголокъ Ялты, утопалъ въ лазоревой глади настоящаго моря и слившагося съ нимъ неба. Высокія сосны, эти строй-

*) Исаръ — по татарски крѣпость.

ныя пальмы сѣвера, достигали своими верхушками до подножія скалы, а на лѣво, повыше укрѣпленія, далеко, въ одномъ изъ углубленій Яйлы, тонкой серебристой нитью вился, только что видѣнный нами громадный водопадъ. Я съ трудомъ отыскала его во множествѣ щелей и трещинъ бороздящихъ, по всѣмъ направленіямъ, каменную грудь Яйлы и замѣтила то мѣсто, гдѣ онъ виднѣется, чтобъ еще разъ взглянуть на него изъ Ялты, гдѣ онъ бываетъ виденъ въ ясные дни, когда облака не заволакиваютъ горнаго хребта, что впрочемъ случается довольно рѣдко. Усанчукскія развалины имѣютъ форму длиннаго четырехъугольника; толстыя стѣны были кладены на извести и схожи со стѣнами всѣхъ построекъ того времени въ Инкерманѣ, въ Черкесъ-Керменѣ и другихъ мѣстностяхъ Крыма. Слѣды подобныхъ укрѣпленій видны почти при всякомъ горномъ проходѣ и ставились для защиты долинъ отъ набѣговъ съ сѣвера. Нѣтъ сомнѣнія что и эта крѣпость въ старое время оберегала перевалъ черезъ Яйлу и защищала населенную долину и приморскій городъ Ялиту. Теперь же дикая, пустынная мѣстность, всѣми оставленныя, никому ненужныя развалины наводятъ на зрителя уныніе и грусть и страшное сознаніе нашего ничтожества и суетности дѣлъ рукъ человѣческихъ, въ сравненіи съ вѣчно живущими, неизмѣнными законами могучей природы. На возвратномъ пути эти мысли преслѣдовали меня, хотя дорога, по которой мы ѣхали, должна была разсѣять ихъ. Она вилась сначала по крутизнамъ громаднаго обрыва, пересѣкала быстрый потокъ, немного поднималась въ гору и потомъ до самой

Аутки *), по другому берегу того же обрыва, едва замѣтной лентой, лѣпилась на краю страшной, безконечно-длинной пропасти; на днѣ этой пропасти бѣлѣли домики, пестрѣли хорошенькія дачки, зеленѣли роскошные сады, копошились люди, паслись стада, цвѣла кипучая веселая жизнь, но все таки это была пропасть и мы мчались вдоль ея, съ захватывающей духъ быстротой; добрыя лошади, не спотыкаясь огибали на поворотахъ самый край оврага; казалось одинъ невѣрный шагъ и мы полетимъ въ цвѣтущую бездну. Перилъ нѣтъ на этой страшной дорогѣ и, когда на встрѣчу намъ попадалась мажара, я закрывала глаза, боясь взглянуть на ту узенькую полоску, по которой мы должны были проѣхать. Вблизи Аутки дорога становится шире и спускаясь мимо прелестныхъ дачъ верхней Аутки, красивыхъ виллъ разныхъ владѣльцевъ и хорошенькой греческой церкви, выходитъ въ одну изъ ялтинскихъ улицъ и на берегъ моря.

День нашъ былъ конченъ. Жаль было разстаться съ нимъ и проститься, можетъ быть навсегда, съ Ялтой и ея окрестностями, но я спѣшила вернуться въ Алушту, чтобы поспѣть къ 1-му іюля въ Козмодаміановскій монастырь, а до перваго числа оставалось только два дня. Утромъ, въ день отъѣзда, мы осмотрѣли Ялтинскую православную церковь. Она построена на высокомъ холмѣ, осѣненномъ кипарисами надъ берегомъ моря; видъ съ верхней площадки восхитителенъ и отлогая; каменная лѣстница, съ частыми поворотами, очень

*) Аутка, греческая деревня около Ялты, она теперь считается въ центрѣ города.

густо засажена кипарисами и другими хвойными деревьями; повсюду царствуетъ сумрачная тѣнь и не смотря на жаркое утро, мы достигли церковной паперти безъ особеннаго утомленія. Для экипажей устроенъ широкій, удобный, шоссированный подъемъ, ведущій мимо церкви въ горы къ красивому, обширному кладбищу, разбитому на полу-горѣ и также засаженному преимущественно кипарисами. Это дерево не даромъ носитъ у южныхъ народовъ названіе *дерева смерти* *), его темныя, густыя снаружи, почти пустыя внутри, стремящіяся вверхъ, неподвижныя, непроницаемыя вѣтви, какъ траурные, угасшіе факелы осѣняютъ мусульманскія кладбища и христіанскія могилы. Ихъ прямыя, безжизненныя тѣни ложатся длинными пирамидами вдоль каменныхъ плитъ и, изливая кругомъ запахъ ладона и могильный сумракъ, вѣчнымъ своимъ безмолвіемъ, напоминаютъ о суетѣ человѣческой жизни, о ничтожествѣ человѣческихъ думъ и желаній. Ялтинская церковь, въ прошломъ году была увеличена, но она все таки въ праздничные, лѣтніе дни не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ помолиться, особенно въ то время лѣта, когда здѣсь собирается много рабочаго люда со всѣхъ концовъ Россіи. Внѣшняя архитектура церкви очень характерна; въ серединѣ возвышается довольно большой куполъ, съ четырьмя куполами по меньше по бокамъ, а колокольня, черезъ которую главный входъ въ церковь, очень высока и имѣетъ видъ готической башни. Эти куполы и башня, окруженные кипарисами и другими вѣчно-зелеными деревьями издали напоминаютъ

*) У древнихъ это дерево было посвящено Плутону.

мечеть и соотвѣтствуютъ вполнѣ восточному характеру общей картины. Чтоже касается до внутренняго убранства храма, то оно не отличается, ни изяществомъ, ни особеннымъ благолѣпіемъ, о чемъ конечно нельзя не пожалѣть, тѣмъ болѣе, что малочисленный ялтинскій, протестанскій приходъ построилъ себѣ красивую церковь съ башней и что у евреевъ также есть своя синагога. Станемъ надѣется, что, не въ далекомъ будущемъ, въ Ялтѣ воздвигнется вторая, православная церковь и что мѣсто для ея постройки будетъ также удачно выбрано, какъ тотъ холмъ, на которомъ красуется теперешній храмъ, вѣнчая городъ своей кипарисовой рощей и стройной, высокой башней.

Космодаміановская киновія.

Я проснулась очень рано. Солнце только что выдиралось изъ за горы, обливая золотомъ прибережную часть моря. Горы, долины, деревья въ сладкомъ полуснѣ еще нѣжились въ тѣни и прохладѣ ранняго утра: напротивъ насъ, на галерейкѣ алуштинской гостинницы блестѣли яркой зеленью большіе листья хмѣля и бигоній, пестрѣли, купаясь въ росѣ, разноцвѣтные колокольчики ипомеи; кругомъ царствовала удивительная тишина, въ гостинницѣ все спало, на базарѣ также, лавки были еще закрыты и даже усталые буйволы, привязанные около постоялаго двора, прекратили свою однообразную жвачку, лежа неподвижной массой подъ тѣнью нагруженной повозки. Среди общаго безмолвія сталъ раздаваться очень далеко знакомый звукъ; сна-

чала слабый, какъ мѣрное движеніе далекой пилы онъ, приближаясь, дѣлался яснѣе. Я узнала, раздирающій ухо, скрипъ немазанныхъ колесъ татарской мажары. Кто не слыхалъ этихъ звуковъ, тотъ не можетъ составить себѣ настоящаго понятія о ихъ ужасающей дисгармоніи; они могутъ разстроить самые крѣпкіе нервы, особенно если мажаръ соберется нѣсколько и если ихъ хозяева, первобытные татары горныхъ ауловъ, не утратили дѣдовскихъ нравовъ и привычекъ. Они увѣряютъ, что только недобрый человѣкъ въѣзжаетъ въ деревню потихоньку, съ смазанными колесами, а истый татаринъ, если онъ честный человѣкъ, издалека заявляетъ о своемъ приближеніи. Съ особеннымъ визгомъ и скрипомъ въѣзжаютъ въ Алушту мажары, нагруженныя лѣсомъ изъ сосѣднихъ деревень Шума и Корбеклы и я всякій разъ затыкала уши и убѣгала какъ можно дальше отъ этой адской музыки; но въ это утро однообразное, приближающееся дребезжаніе мнѣ было пріятно; я знала, что это ѣдетъ нанятая нами наканунѣ мажара для поѣздки въ Савлукъ-Су *), а мнѣ уже такъ давно хотѣлось посѣтить эту горную обитель. Я не ошиблась. Изъ за угла появилась длиннѣйшая телѣга, на четырехъ высокихъ колесахъ, запряженная парой маленькихъ, поджарыхъ, татарскихъ лошадокъ, на передкѣ сидѣлъ возница—татаринъ, за нимъ возвышалась сквозная будочка, покрытая толстой, черной кожой, единственное наше убѣжище въ случаѣ дождя и въ палящій зной полудня; на днѣ телѣги лежало немного сѣна и мѣшокъ съ овсомъ, для лошадей. Мы положили на

*) По татарски Космодаміановская киновія.

сѣно подушку, дорожные мѣшки, корзинку съ жестянымъ чайникомъ, чай, сахаръ, кой-какую провизію и взгромоздились, какъ умѣли, на нашемъ неуклюжемъ дилижанѣ *). Пока мы ѣхали торной дорогой, мимо алуптинскихъ дачъ и садовъ, насъ немилосердно трясло, но когда стали спускаться къ рѣчки Месарли, которую мы переѣхали въ бродъ, путь сталъ такъ неудобенъ, что намъ пришлось ѣхать не иначе, какъ шагомъ и длинная мажара, довольно плавно, то опускалась, то поднималась по глубокимъ рытвинамъ и набросаннымъ кучамъ камня, напоминая движеніе лодки во время не—погоды. Сады тѣснились по обѣимъ сторонамъ и мы съ трудомъ могли проѣхать подъ вѣтвями громадныхъ орѣховыхъ деревьевъ; надо было безпрестанно нагибаться, то на ту, то на другую сторону, искусно лавируя въ этомъ зеленомъ ущельѣ, чтобъ не получить на память ушиба, или царапины. Всѣ изгороди садовъ были увиты виноградомъ, шиповникомъ, ежевикой, клематисомъ; бѣлые цвѣты кистями спускались на самую дорогу, изливая чудный запахъ, смѣшанный съ ароматомъ грецкихъ, еще не спѣлыхъ орѣховъ. Я заглядѣлась на особенно красивый кустъ ежевики и вдругъ что-то страшно больно ударило меня въ глазъ; я невольно вскрикнула; татаринъ остановилъ лошадей и обернулся, но видя что на этотъ разъ глазъ уцѣлѣлъ, флегматично продолжалъ свой путь, подавъ мнѣ мою шляпу, которая очутилась на передкѣ. Это меня задѣлъ огромный орѣховый сукъ, съ цѣлымъ букетомъ орѣховъ на концѣ; глазъ очень болѣлъ, но я была счастлива, что отдѣлалась синякомъ;

*) Въ Крыму такъ называютъ мажары съ крытой будкой.

въ другой разъ у меня вырвалъ изъ рукъ зонтикъ колючій кустъ *держи-дерева*. Но, не смотря на всѣ эти неудобства дороги, нельзя было оставаться равнодушной къ прелестнымъ картинамъ горъ, къ которымъ мы приближались, къ роскошной растительности насъ окружающей и къ чудному воздуху этого восхитительнаго утра. Солнце уже сильно пригрѣвало, но мы ѣхали такими тѣнистыми аллеями, что палящіе лучи достигали до насъ только изрѣдка, когда мы на минуту выбирались изъ этой зеленой чащи. Такъ мы доѣхали до равнины, или, вѣрнѣй сказать, до узкаго подъема въ гору; направо виднѣлась деревня *Корбеклы*, какъ говорятъ, довольно богатое татарское селеніе; оно ютится у подножія Чатыръ-Дага и мнѣ показалось собраніемъ землянокъ очень низкихъ и невзрачныхъ; съ дороги не видать было даже и трубъ, этой типичной особенности татарскихъ построекъ; плоскія крыши также сливались съ горой и казались скалами, а воздвигнутыя на скалахъ маленькія хаты—шалашами. Но нашъ татаринъ Меметъ съ гордостью указалъ намъ на нихъ, говоря, что это *Корбеклы* и что весь лѣсъ кругомъ принадлежитъ этой деревнѣ, а быстрый ручей, бѣжавшій къ намъ на встрѣчу, течетъ въ самой серединѣ аула, обильно орошая его сады и плантаціи. Не правъ-ли былъ алуштинскій татаринъ, находя своихъ сосѣдей и счастливыми и богатыми?... Для этихъ дѣтей природы, еще не тронутыхъ нашей цивилизаціей, счастье и довольство именно состоятъ въ тѣхъ благахъ, которые имъ дала природа; въ богатыхъ пастбищахъ родной Яйлы, въ обиліи лѣса, въ горномъ ручьѣ, замѣняющимъ фонтаны и искуственное орошеніе, такъ трудно добываемое въ тѣхъ

мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ природнаго ручья. Этотъ ручей, благодѣтельный для цѣлаго татарскаго селенія, долженъ былъ служить и намъ единственной дорогой, въ теченіи нѣсколькихъ верстъ, такъ какъ самый путь шелъ по его руслу, а берега крутые, изрытые, окаймленные острыми, иногда очень большими камнями, заросли кустарникомъ и колючимъ терномъ. Надо было всю выносливость татарскихъ лошадей, чтобы взобраться на эту крутизну, по такому невозможному пути. Меметъ шелъ пѣшкомъ около своихъ коней, ободряя ихъ всевозможными, ласковыми словами, между которыми чаще всего слышалось: *„ей вы котята!“* Выраженіе, заимствованное имъ, конечно, у нашихъ русскихъ ямщиковъ и очень кстати имъ употребляемое, такъ-какъ его лошади карабкались на эту скалистую гору, какъ настоящія кошки.

Мы взбирались за мажарой по шумящему ручью, какъ могли перескакивая съ одного берега на другой, прыгая съ гладкаго, мокраго камня на глыбу песка, часто скользя и изнемогая отъ жара и усталости. Наконецъ появилось подобіе дороги, ручей остался въ лѣвѣ, мы въѣхали на какой-то гладкій камень. Лошади остановились. „Садись..... сказалъ Мемедъ, теперь дорога „будетъ лучше и не будетъ жарко, скоро будетъ боль- „шой лѣсъ, тамъ никогда солнца нѣтъ“. Сѣли, поѣхали шагомъ; дорога убійственная; камни торчатъ по всѣмъ направленіямъ и всюду глубокія рытвины, слѣды горныхъ, дождевыхъ потоковъ. Кустарники и деревья становились все выше, все гуще и наконецъ мы въѣхали въ огромный, буковый лѣсъ. „Этотъ лѣсъ при- „надлежитъ Корбеклы; татары здѣсь рубятъ балки на

„постройку и продаютъ ихъ въ Алуштѣ“, сообщаетъ намъ нашъ возница.

— Тутъ надо отдохнуть! Лошади устали, продолжаетъ онъ и, безъ дальнихъ объясненій, беретъ ихъ подъ уздцы, подводитъ къ большимъ, темнымъ скаламъ, осѣненнымъ вѣковыми буками и кидаетъ имъ охабку сѣна; но усталыя лошадки не ѣдятъ, онѣ вздрагиваютъ всѣмъ тѣломъ, мотаютъ головой и видимо наслаждаются неожиданнымъ отдыхомъ и прохладой. Надъ нами разстилается непроницаемый, лиственный шатеръ, зеленая полутьма окружаетъ насъ; здѣсь не только не жарко, но обдаетъ сыростью и необычайной свѣжестью; чувствуешь, что въ эту сумрачную, пустынную чащу никогда не заглядываетъ солнечный лучъ. Меметъ набираетъ хворостъ, сухой мохъ, разводитъ огонь и приноситъ свѣжей воды изъ источника, съ шумомъ сбѣгающаго внизъ по скаламъ; мы завариваемъ чай и наконецъ отдыхаемъ. За нами, напротивъ насъ, кругомъ насъ возвышаются горы, онѣ глядятъ на насъ со всѣхъ сторонъ; ихъ сѣро-желтыя, красныя, исполинскія скалы сквозятъ повсюду, гдѣ чаща лѣса рѣдѣетъ и уступаетъ мѣсто буковымъ и грабовымъ деревьямъ. Мнѣ не въ первый разъ случалось быть въ буковомъ лѣсу; на Кавказѣ, въ Желѣзноводскомъ паркѣ и въ окружающихъ его рощахъ, это дерево часто встрѣчается и я не разъ разсматривала съ удивленіемъ его свѣтло-сѣрые, гладкіе, словно отполированные стволы и пни. Но тамъ буки, которые часто мѣстными жителями называются *чинарами*, мнѣ казались не такъ стары, какъ буки ростущіе на Чатыръ-Дагѣ, Бабуганѣ и другихъ горахъ Крыма. По крайнѣй мѣрѣ тѣ деревья подъ

которыми мы отдыхали навѣрное существовали во времена, не только генуэзцевъ, но и тавровъ и носили на своихъ испещренныхъ стволахъ, перевитыхъ множествомъ изогнутыхъ, гладкихъ вѣтвей, суковъ и корней, какъ неизгладимые слѣды своей вѣковой жизни, мохнатые лишаи и самые причудливые рисунки древесины. Длинными рядами сѣрыхъ колоннъ высились они надъ нами, увѣнчанные густыми, зелеными кронами, кидающими на насъ свою дрожащую, мерцающую, мигающую тѣнь; отдѣльные стволы стояли довольно рѣдко другъ отъ друга, чаще всего около скалъ сѣраго гранита, обвивая ее желѣзными корнями и, сливаясь въ одно нераздѣльное цѣлое, камень и дерево одного цвѣта, иногда почти одинаковой формы, росли вѣками въ этой лѣсной пустынѣ, какъ два родные брата, какъ два нераздѣльные друга. Листъ бука соотвѣтствуетъ величавой красотѣ его ствола; темный и твердый, какъ листъ дуба, онъ простой формы, гладкій по краямъ и густыми массами ростетъ высоко на верху дерева, оставляя прямыя стволы совершенно голыми, что придаетъ буковому лѣсу особенную прелесть; въ немъ и очень тѣнисто и все видно далеко кругомъ. Пока мы отдыхали, тишина лѣса была прервана скрипомъ мажары, запряженной двумя буйволами; татаринъ сказалъ что-то нашему ямщику, распрегъ своихъ буйволовъ и, поощряя ихъ длинной палкой, сталъ подыматься за ними на самую кручь, въ глубь лѣса. Терпѣливые животные и ихъ хозяинъ шагали цѣликомъ, то по гладкимъ утесамъ, то по лощинамъ, наполненнымъ сухими листьями, подымаясь все выше и выше. Я долго слѣдила за черными

буйволами и татариномъ и спросила Мемета, куда они отправились.

— За балками, отвѣчалъ онъ; это татаринъ изъ Корбеклы, у него тамъ приготовлены балки, онъ ихъ привяжетъ къ буйволамъ и спуститъ сюда на нихъ, а потомъ на мажарѣ отвезетъ ихъ въ Алушту.

— Да вѣдь тамъ страшная кручь; буйволы не вылѣзутъ.

— Буйволъ пройдетъ всюду, сказалъ Меметъ и, подойдя къ своимъ лошадкамъ, прибавилъ:—Пойдемъ, барина, садись!...

Онъ сѣлъ на облучекъ и мы опять вскарабкались на нашу колесницу. Лошадей онъ даже не взнуздалъ (ямщики—татары на горахъ никогда не взнуздываютъ своихъ коней, надѣясь вѣроятно на ихъ умъ и желѣзныя ноги, болѣе чѣмъ на свою ловкость и умѣніе править) и погрузился снова въ свое равнодушное созерцаніе убійственной дороги, по которой мы стали опять подыматься на гору. Во время нашего отдыха онъ также выпилъ стакана три чая, съ большимъ кускомъ хлѣба и яицами, говоря, что Магометъ разрѣшаетъ путешественникамъ употреблять пищу до захожденія солнца и во время поста, (по татарски *ураҙа*), который продолжается въ мѣсяцѣ *Рамазанѣ* *) 28 дней и строго соблюдается крымскими татарами, не смотря на мученье, которое они испытываютъ отъ жажды въ длинные, жаркіе лѣтніе дни. Курить табакъ и нюхать также строго воспрещается и только съ вечера до утренней молитвы правовѣрный воленъ предаваться всевозможнымъ

*) Девятый лунный мѣсяцъ.

удовольствіямъ. Достаточные татары пируютъ въ продолженіи цѣлой ночи, а потомъ спятъ весь день; но бѣдняки, добывающіе трудомъ кусокъ хлѣба, утомленные къ вечеру, ночью предаются сну, не возстановивъ силъ своихъ обиліемъ пищи и для нихъ *ураза* настоящій изнурительный постъ, тогда какъ для богатой части мусульманскаго населенія Крыма это самый веселый мѣсяцъ въ году. По вечерамъ кофейни ярко освѣщены, слышатся повсюду звуки скрыпки, волынки, зурны и другихъ инструментовъ, раздаются крики продавцевъ шербета, пирожковъ и бузы, *) оригинальные напѣвы татарскихъ пѣсенъ, при представленіи *карагеза*, **) громкій смѣхъ зрителей и однообразное, мѣрное выкрикиванье номеровъ лото, этой любимой игры пожилыхъ татаръ, большихъ охотниковъ также до игры въ шашки и въ карты. О наступленіи *уразы* и о благополучномъ его окончаніи, или *байрамѣ* татары узнавали прежде отъ своего верховнаго *имима*, но теперь имъ возвѣщаютъ о рожденіи 9-й и 10-й луны по селамъ ихъ муэзины, а въ городахъ муллы и муфти, выкрикивая на балконахъ минаретовъ объ этомъ важномъ событіи и призывая правовѣрныхъ на молитву какими-то странными, сверхъ естественными криками. Въ первый разъ я усыхала эти дикіе, потрясающіе душу, но между тѣмъ величественные возгласы въ Бахчисараѣ и помню, до сихъ поръ, то сильное впечатлѣніе, которое они на меня произвели.

Усталое, блѣдное лицо Мемета, немного оживилось

*) Татарскій напитокъ.

**) Татарскія кукольныя комедіи.

послѣ выпитаго имъ чая и онъ сталъ по разговорчивѣе. Вотъ Чучель-гора,*) указалъ онъ намъ на лѣво на высокую, бѣлѣющую массу известковыхъ обрывовъ и утесовъ; на право отъ дороги темнѣла неправильной, громадной пирамидой Черная гора. На этихъ горахъ, продолжалъ татаринъ, живутъ олени; тутъ была царская охота, много оленей убили тогда, да и теперь охотники убиваютъ ихъ часто и дикихъ козъ здѣсь очень много.

— Я думаю ихъ никогда не увидишь.

— Рѣдко случается. Но охотники знаютъ мѣста, гдѣ онѣ живутъ. Осенью и зимой олени ревутъ, тогда и въ монастырѣ слышно, какъ они кричатъ.

Вдругъ лошади остановились; на узкой, безобразной дорогѣ, по которой мы кое-какъ двигались, лежало поперекъ огромное, срубленное бревно. Татаринъ слѣзъ, выругался, велѣлъ намъ идти пѣшкомъ и взявъ лошадокъ подъ узцы, недолго думая, заставилъ ихъ вскарабкаться на бревно и спуститься съ него на дорогу; за послушными лошадками потянулась неуклюжая мажара, подымая вверхъ свои огромныя колеса; всѣ наши пожитки изъ нея посыпались, но экипажъ благополучно очутился за бревномъ и мы могли продолжать нашъ путь. Дорога шла все въ гору и проходила лощинами, устланными сухими листьями; въ этихъ безмолвныхъ лощинахъ росли прекрасные, столѣтніе буки; ихъ корни сплетались около дороги и разстилались по самому пути сѣрыми клубами, толстыми, переплетеными, желѣзными вервями. Легко

*) Гора Цуцель, Борилань-Комъ и Черная гора извѣстны подъ однимъ названіемъ *Синабдагъ*.

вообразить, какъ было пріятно путешествовать по этимъ горбамъ и кочкамъ, особенно когда съ одной стороны на цѣлыя версты тянулся бездонный оврагъ и зіяли страшныя пропасти; мы съ трудомъ могли усидѣть на мажарѣ, цѣпляясь за ея грядки, чтобъ не свалиться въ бездну и однако, не взирая на физическое мученье, которое мы испытывали, этотъ тихій, необозримый лѣсъ дѣйствовалъ на насъ чарующимъ образомъ; послѣ горячаго зноя и яркаго, свѣтлаго дня, мы въѣхали незамѣтно въ его тѣнистую, зеленую, непроницаемую глубь и жаль было разстаться съ этими таинственными прелестями горъ и лѣсовъ. Послѣднія четыре версты дорога стала сноснѣе и еще живописнѣе; мы приближались къ источникамъ Алмы, которая беретъ свое начало изъ той части хребта Яйлы, гдѣ стоитъ огромная гора Синабдагъ и переѣхали двѣнадцать разъ въ бродъ и четыре раза по животрепещущимъ мостамъ, одинъ изъ истоковъ Алмы, источникъ Савлукъ-су. Эта горная рѣчка быстро течетъ безчисленными извилинами, пересѣкая дорогу, какъ я уже сказала, шестнадцать разъ; она обросла прелестными деревьями, всевозможными кустарниками и цвѣтущими кустами, словно нарочно пущенный ручей, въ какомъ нибудь великолѣпномъ паркѣ. Вечеромъ и утромъ здѣсь должно быть очень сыро, но въ знойный полдень журчанье ручья, свѣтлыя струйки, разноцвѣтные камушки на днѣ, съ плескающимися рыбками, шелестъ дикихъ утокъ, въ окаймляющихъ рѣчку тростниковыхъ островкахъ представляло самую веселую, полную жизни картину и вознаградило насъ вполнѣ за всѣ трудности, въ высшей степени утомительнаго пути.

Мы взбирались все выше по капризному теченію Савлукъ-Су, высокія горы и дремучій лѣсъ до того окружили насъ, что дорога лѣпилась около самыхъ скалъ, прорѣзывала утесы и наконецъ привела насъ къ возвышенной мѣстности, гдѣ, среди тѣхъ же горъ и вѣковыхъ лѣсовъ, едва были замѣтны монастырскія постройки. Вмѣсто ограды насъ встрѣтили деревянные, рѣшетчатые ворота (на нихъ красовалась пара оленьихъ роговъ) и низенькій заборчикъ, изъ некрашеннаго балясника; напротивъ входа виднѣлась, на уступѣ скалы, небольшая, деревянная церковь; на право отъ воротъ, на другомъ утесѣ, стоялъ довольно большой деревянный храмъ, съ каменной лѣстницей, ведущей уступами къ источнику Св. Космы и Даміана, онъ же и Савлукъ-Су. Ключъ вытекаетъ прямо изъ скалы, въ красиво устроенный колодезь, надъ которымъ сооружена часовня, гдѣ для богомольцевъ освяцаютъ воду и служатъ молебны мѣстнымъ святымъ. Эту воду пьютъ больные и здоровые и, вѣря въ ея цѣлительную силу, разносятъ по разнымъ далекимъ концамъ Новороссійскаго края, Черноморья и Дона. Немного ниже колодезя устроена купальня, раздѣленная на двѣ половины, мужскую и женскую; въ довольно обширномъ бассейнѣ, подъ крышей, струится вода чистая и прозрачная, какъ хрусталь и весьма холодная. Когда мы тамъ были, 2-го іюля, въ ней по Реомюру было только 7°; Дюбуа пишетъ въ своемъ путешествіи по Крыму, что Кеппенъ 6-го сентября нашелъ температуру ключа Савлукъ-Сувъ 6°, а монахи говорили мнѣ, что осенью и особенно весной бываетъ только 4°. На вкусъ вода очень пріятна и легка, такъ что ее можно пить большое количество,

не ощущая ни малѣйшей тягости. Около верхней церкви построено нѣсколько домиковъ для братіи и двѣ гостинницы для богомольцевъ. Верхняя, въ которой мы остановились, стоитъ совершенно отдѣльно, на высокой горѣ; она тонетъ въ зелени и съ ея воздушнаго балкончика виденъ только большой, золотой крестъ надъ новымъ храмомъ; онъ ярко блеститъ на синемъ фонѣ неба, теряясь въ густой, темно-зеленой листвѣ.

Монастырь очень бѣденъ; братіи съ послушниками теперь человѣкъ 12, не болѣе; удобствъ въ гостинницѣ нѣтъ никакихъ, да и жизнь монашествующихъ много трудна и полна лишеній. Космодаміановская киновія занимаетъ чрезвычайно красивое, но дикое и пустынное мѣсто; окруженная неприступными горами, покрытыми густымъ, дѣвственнымъ лѣсомъ, она какъ будто вдавлена въ горное ущелье, носящее не даромъ татарское названіе Савлукъ-Су Богазъ *). Для постройки двухъ церквей и монастырскихъ службъ было необходимо, нетолько рубить вѣковыя деревья, но и сравнивать части горъ, разбивая киркой и заступомъ гранитныя скалы, а срубленные въ лѣсу деревья приходилось доставлять къ мѣсту построекъ, большей частью на своихъ плечахъ; тѣснота горныхъ ущелій и крутизна горъ, дѣлали эту работу невозможною даже и для буйволовъ. Кругомъ монастыря, на пространствѣ болѣе 10 верстъ, нѣтъ никакихъ селеній и жилищъ и дороги, ведущія въ киновію, не исключая и симферопольской, такъ неудобны, особенно послѣ проливныхъ дождей,

*) Богазъ—значитъ собственно *глотка*, а въ переносномъ смыслѣ означаетъ: *горло*, *горжа*, *тѣснина*, или углубленіе въ горахъ, по которому можно пройти, или проѣхать. Богазами называютъ также и морскіе проливы.

что въ лѣтнее время монахи почти постоянно заняты поправкою путей къ монастырю, очищеніемъ отъ большихъ камней, свалившихся съ горъ переѣздовъ черезъ Алму и Савлукъ-Су и устройствомъ гатей изъ хворосста и валежника на топкихъ мѣстахъ и выбоинахъ по берегамъ рѣчекъ и краямъ опасныхъ спусковъ. Еслибъ монахи не поправляли дороги то доступъ къ монастырю даже и въ мажарахъ былъ бы невозможенъ и имъ самимъ было бы нечѣмъ жить, такъ какъ все нужное для пропитанія—хлѣбъ, овощи и проч. покупается и привозится въ киновію за 45 верстъ изъ Симферополя. Почва подъ монастыремъ и вокругъ него шиферная, неспособная къ воздѣлыванію полевыхъ и огородныхъ растеній, густота лѣса мѣшаетъ росту травъ и вблизи монастыря нѣтъ пастбищъ, что лишаетъ братію возможности имѣть рогатый скотъ. Монастырь имѣетъ пару лошадей, для поѣздокъ въ городъ и другія насущныя потребности, но содержаніе ихъ обходится очень дорого; овесъ для нихъ покупается въ городѣ, а сѣно добывается на горныхъ полянахъ, принадлежащихъ казнѣ; онѣ арендуются монастыремъ ежегодно и сѣно, добываемое на этихъ поднебесныхъ луговинахъ скатывается съ горъ монахами собственноручно въ долины, тамъ собирается на арбу *) и тогда уже привозится въ монастырь. Постоянная тѣнь, бросаемая высокими горами, препятствуетъ разведенію винограда и фруктовыхъ деревьевъ; около гостинницы ростутъ однако двѣ, три старыя черешни, а около церкви и монашескихъ келлій, разсажены молодыя деревца грецкихъ орѣховъ, въ

*) Нѣмецкая продолговатая телѣга.

видѣ опыта; но монахи опасаются для своихъ питомцевъ, не только осеннихъ бурь и снѣжныхъ, зимнихъ богатырей, но и недостатка солнечныхъ лучей, такъ какъ и въ лѣтнее время солнце показывается только въ 7 часовъ утра и скрывается за горы въ 5 часовъ по полудни, вслѣдствіе чего въ іюнѣ и въ іюлѣ, по утрамъ и вечерамъ, въ монастырѣ бываетъ очень прохладно, а ночью не болѣе 5° тепла. Но эта свѣжесть необыкновенно живительна и пріятна; горный воздухъ и запахъ лѣса благотворно дѣйствуютъ на организмъ; ясность и прохлада всего окружающаго вливается въ душу и охватываетъ ее веселымъ, безмятежнымъ спокойствіемъ; зрѣніе, слухъ, всѣ органы чувствъ незамѣтно подчиняются красотамъ и величію пустынной, горной природы; сердцу кажется, что оно ближе къ небу, къ этому свѣтлому, прозрачному небу, за которымъ однако скрывается столько невѣдомыхъ, неразгаданныхъ тайнъ. Міръ исчезаетъ у подножія этого сонма горъ,—далекій, туманный, едва различаемый; стоязычный говоръ его городовъ и селеленій умолкаетъ и ночь, безмолвная ночь пустыни, съ своимъ высокимъ сводомъ переливающихся звѣздъ, съ тихимъ шопотомъ святаго ключа, съ набѣгающимъ вдругъ, Богъ знаетъ откуда, ароматомъ скошенаго сѣна, вступаетъ въ свои права и уноситъ далеко, далеко отъ міра дѣйствительности въ волшебный край фантазіи и сновидѣній.

Никогда мнѣ не спалось такъ хорошо, какъ въ Космодаміановской киновіи, хотя по лавкамъ, вмѣсто тюфяковъ, добрый нашъ монахъ—гостинникъ разсыпалъ нѣсколько горстей сѣна, да такого крупнаго и жесткаго, что лежать на немъ было очень неудобно. Лучша-

го сѣна въ монастырѣ не было и о. Ѳеодосій объявилъ намъ, что онъ собралъ что могъ, такъ какъ новаго сѣна еще съ горъ не привозили. Онъ намъ принесъ самоваръ и монастырскую кашицу, говоря, что ихъ кошеваръ, старецъ 80 лѣтъ, прекрасно готовитъ. Я не согласна съ нимъ. Кашица была очень невкусна, пахла лукомъ и постнымъ масломъ и я предпочла сыръ и холодную курицу, взятые нами на дорогу.

На другой день мы были у обѣдни въ большой церкви, во имя св. безсребренниковъ и чудотворцевъ Косьмы и Даміана. Богослуженіе продолжалось не долго и вообще монаховъ въ церкви было мало, въ томъ числѣ престарѣлый діаконъ и два старыхъ послушника. Настоятель былъ нездоровъ и вмѣсто его служилъ обѣдню священникъ богомолецъ, долго бывшій миссіонеромъ за Байкаломъ; онъ по нашей просьбѣ отслужилъ намъ молебенъ у святаго источника. Народу было немного и то остатки тѣхъ богомольцевъ, которые посѣтили киновію въ день храмоваго праздника, 1-го іюля; почти всѣ погружались въ святую купальню, но мы побоялись опуститься въ эту холодную воду и довольствовались тѣмъ, что пили ее и умывали ею руки и лицо.

Съ незапамятныхъ временъ источникъ св. Косьмы и Даміана почитался цѣлебнымъ, не только христіанами, но и магометанами. До 1854 г. близъ него не было никакихъ построекъ, ни для пріюта богомольцевъ, ни для богослуженія; но несмотря на это неудобство, къ 1-му іюля ежегодно, сюда стекалась масса паломниковъ, со всѣхъ концевъ Таврическаго полуострова. Къ этому времени пріѣзжали священники изъ Симферополя, Бахчисарая и другихъ мѣстъ и совершали у колод-

ца освященіе воды и молебны святымъ безсребренникамъ, по желанію богомольцевъ, которые располагались таборомъ около того мѣста, гдѣ Савлукъ-Су соединяется съ Алмой. Татары пріѣзжали къ источнику на своихъ мажарахъ цѣлыми семействами, привозили своихъ больныхъ и погружая ихъ въ святую воду, названную ими *водою здравія*, прославляли святыхъ чудотворцевъ и приносили имъ въ даръ свѣчи желтаго воска собственнаго издѣлія. Прежде другихъ зданій въ Космодаміановской киновіи были устроены помѣщенія для богомольцевъ, потомъ послѣдовало разрѣшеніе на открытіе иноческой обители и въ 1856 г., по окончаніи Крымской войны, построена малая деревянная церковь съ двумя купальнями и нѣсколько келлій для братіи, на средства И. П. Синюшина и другихъ жертвователей, получившихъ исцѣленіе у святаго источника. Въ 1857 г. въ Космодаміановскую киновію былъ назначенъ первый настоятель іеромонахъ Макарій (въ мірѣ Михаилъ Пруцкій), правившій обителью въ теченіи 19 лѣтъ и оставившій по себѣ добрую память—нетолько въ обители, но и во всемъ Крыму. Всѣ, знавшіе его вспоминаютъ съ благоговѣніемъ о монашескихъ подвигахъ и христіанской любви этого замѣчательнаго старца и приписываютъ его неусыпнымъ трудамъ и личнымъ *) пожертвованіямъ настоящее благоустройство киновіи.

Прошло уже восемь лѣтъ со дня его кончины, но въ Симферополѣ и другихъ городахъ полуострова имя

---

*) По смерти родителей, курскихъ уроженцевъ, онъ пожертвовалъ въ обитель 7000 руб., доставшіеся ему по наслѣдству, а самъ отказывалъ себѣ во всемъ.

его часто вспоминается и разсказывается много интересныхъ эпизодовъ его многотрудной, аскетической жизни. Нѣкоторые изъ нихъ уже приняли характеръ легенды и рисуютъ весьма рельефно благородную, симпатичную личность этого труженника—монаха, добывающаго хлѣбъ въ потѣ лица. „При о. Макаріѣ“ разсказывалъ мнѣ старый монахъ, продающій во время вечерни образки и книжки у входа въ новую церковь „у насъ „приказа, или наряда на работу не было. Братія узна„вала, что нужно дѣлать потому, чѣмъ занятъ насто„ятель. Если онъ взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. „значитъ нужно рубить лѣсъ для какой-нибудь построй„ки и братія вся беретъ топоры, идетъ за настояте„лемъ и дѣлаетъ то, что онъ дѣлаетъ. Если настоятель „взялъ лопату или кирку и пошелъ поправлять доро„гу, то и братія съ киркой и лопатой слѣдуетъ за „нимъ. Онъ былъ молчаливъ, но справедливъ и милос„тивъ. Отказа въ пріемѣ въ обитель не было никому, „лишь бы имѣлъ законный документъ на прожитіе; но „оставался только тотъ, кто могъ работать и трудить„ся съ настоятелемъ; лѣнивые, или неспособные къ „труду, сами оставляли монастырь, сознавая что здѣсь „жить безъ работы нельзя. Часто о. Макарій, по нуж„дамъ обители, ходилъ пѣшкомъ въ Симферополь и „обратно одинъ, или съ послушникомъ, неся на своихъ „плечахъ то провизію, то другіе необходимые предме„ты для братіи. Однажды онъ отправился по дѣламъ на „южный берегъ, въ сопровожденіи молодаго монаха и „недалеко отъ деревни Кучукъ-Ламбатъ былъ оста„новленъ нѣсколькими татарами. Они связали ихъ и ... мельницу, содержимую тоже татариномъ,

„тутъ раздѣли ихъ до нага, ругались надъ ними и хо-„тѣли умертвить, требуя денегъ. Къ счастью на мель-„ницу пріѣхалъ знакомый о. Макарію татаринъ, осво-„бодилъ его и послушника отъ разбойниковъ и привезъ „ихъ въ Кучукъ-Ламбатъ. О. Макарій узналъ кто бы-„ли виновные, но какъ настоящій христіанинъ, не пом-„ня зла, простилъ ихъ. Единственнымъ отдыхомъ и „утѣшеніемъ о. Макарія была молитва. Долгое время „въ обители не было другаго іеромонаха и онъ совер-„шалъ ежедневно божественную литургію, несмотря „на трудность и продолжительность работъ по устрой-„ству монастыря. Только въ праздничные и воскресные „дни онъ и братія до обѣда не работали и однако, „прибавилъ разскащикъ глубоко вздохнувъ, обители „не было ущерба отъ этихъ дней отдохновенія. Самъ „Богъ почилъ отъ трудовъ своихъ, говорилъ всегда о. „игуменъ, и мы должны слѣдовать Его примѣру. Онъ „любилъ самъ читать шестопсалміе, канонъ, акаѳисты „при молебнахъ и молился усердно съ богомольцами. „Онъ привлекалъ всѣхъ своей добротой и привѣтли-„востью, а къ намъ относился съ истинно-отеческою „любовью и кротостью. У насъ нѣтъ здѣсь ни обилія „средствъ, ни удобствъ жизни, но при о. Макаріѣ мы „не замѣчали этихъ лишеній; онъ былъ богатъ духов-„ной жизнью и слѣдуя его примѣру мы надѣялись, „что спасемъ наши грѣшныя души, а теперь“.... и стар-ческій голосъ прервался. Должно быть и въ монашеской жизни есть свои радости, свои надежды, свои разочарова-нія. „Хочу отправиться въ Кіевъ, можетъ быть тамъ „устроюсь, а жаль своей обители—привыкъ; болѣе двѣнад-

„цати лѣтъ, какъ я здѣсь живу“, окончилъ онъ и сталъ запирать витрину, наполненную образками и серебряными Exvoto *) всевозможныхъ формъ и размѣровъ.

— А нѣтъ-ли у васъ, батюшка, описанія жизни святыхъ безсребренниковъ, спросила я, и сказаній о цѣлебномъ источникѣ.

— „Житій святыхъ у насъ нѣтъ; но вы можете про-„честь о св. угодникахъ въ Четь-Минеи. Тамъ сказано, „что они подвизались въ Римѣ, были умерщвлены бывшимъ ихъ учителемъ врачеванія и погребены при во-„дотечи. Если вы не спѣшите, продолжалъ старичекъ, „я запру свой шкапчикъ и пойду съ вами къ источнику „и тамъ разскажу вамъ тѣ преданія. которыя ходятъ „въ народѣ о нашихъ святыхъ угодникахъ, не только „между христіанами, но и у татаръ. Они глубоко почи-„таютъ ихъ, пріѣзжаютъ сюда издалека, привозятъ „своихъ больныхъ, купаютъ ихъ и увозятъ съ собой „воду изъ источника, называя ее *здоровою водой*.

Служба кончилась; намъ нечего было дѣлать и я съ удовольствіемъ согласилась на предложеніе о Н..... Прежде всего онъ повелъ насъ къ роднику и сказалъ мнѣ приложить ухо къ самой скалѣ, откуда вытекала свѣтлая, какъ хрусталь, вода; шумъ былъ поразительный и чѣмъ больше я слушала его, тѣмъ ближе и громче онъ казался, точно шумитъ тутъ близко, близко клокочущая, сердитая рѣка; какъ только отымешь ухо отъ скалы, все мгновенно умолкаетъ; приложишь опять, словно стоишь на берегу Терека. Мое

---

*) Серебряныя изображенія человѣческихъ членовъ, которыя больные возлагаютъ на образъ св. Косьмы и Даміана, испрашивая исцѣленія.

удивленіе очень нравилось старичку и онъ видимо наслаждался этимъ страннымъ, акустическимъ явленіемъ, совѣтуя Лёнѣ еще разъ послушать что говоритъ скалѣ водяная струя. Потомъ онъ насъ повелъ къ колодцу, гдѣ мы напились студеной воды, а оттуда въ церковь на горѣ во имя Преображенія Господня. У западныхъ дверей въ этомъ маленькомъ, деревянномъ храмѣ похороненъ о. игуменъ Макарій; его бѣлая мраморная гробница лучшее украшеніе этой бѣдной церкви. „Поклонитесь праху достойнаго настоятеля нашего“, сказалъ о. Н.., „а потомъ я вамъ разскажу все, что вы „желаете знать о святыни нашей обители.“ Мы сѣли въ тѣни на скамейкѣ недалеко отъ церкви. Новый храмъ, купальни, колодезь выглядывали среди деревьевъ и скалъ, крутыя тропинки вились по утесу по направленію къ гостинницѣ, гдѣ мы остановились и которая совсѣмъ исчезала въ зеленой чащѣ лѣса, дряхлый инокъ взбирался на противоположную кручь, все было тихо, безмолвно какъ подобало быть въ пустынѣ, въ такой величавой, громадной пустынѣ, окруженной тремя исполинскими горами, покрытыми дремучимъ лѣсомъ, увѣнчанными сѣдыми, гранитными скалами. Ничто не нарушало тишины мирной обители, только свѣжій вѣтеръ пролеталъ надъ нами изъ горнаго ущелья и шумъ падающей воды мѣрно ударялъ о скалу. Вотъ, что разсказалъ намъ о. Н... „По древнему преданію два „брата св. Косьма и Даміанъ, врачи чудотворцы, посѣ„тили нѣкогда Крымъ. Они были сосланы сюда рим„скимъ кесаремъ Діоклетіаномъ и были убиты въ го„рахъ врачемъ язычникомъ изъ зависти къ ихъ искусству „врачевать больныхъ и къ ихъ нестяжательности, убійца

„похоронилъ ихъ около источника, изведеннаго изъ „горы ихъ молитвами, чудодѣйственная сила котораго „явилась слѣдующимъ образомъ: одинъ изъ жителей „горныхъ селеній Крыма возненавидилъ свою жену, „увелъ ее въ горы, выкололъ ей тамъ глаза и пустилъ „ее бродить по дебрямъ и скаламъ, поросшимъ лѣсомъ, „далеко отъ всякаго жилья. Несчастная женщина уже „умирала отъ голода, какъ явились къ ней два неиз„вѣстныхъ ей человѣка, сказали что они два брата— „врачи Косьма и Даміанъ, подвели ее къ источнику и „велѣли ей умыться въ его водахъ. Когда она это ис„полнила, то ей внезапно возвратилось зрѣніе. Она „вернулась въ свою деревню и разсказала тамъ о слу„чившемся. Съ тѣхъ поръ исцѣленія часто повторялись „около источника и даже вдали отъ него и до нынѣ „больные, притекающіе съ вѣрою, получаютъ облегче„ніе въ тяжкихъ недугахъ. О. Ѳеодосій, нашъ гостин„никъ и звонарь, служитъ живымъ примѣромъ неоску„дѣвающей милости къ намъ святыхъ угодниковъ. Онъ „пришелъ сюда молодымъ крестьяниномъ и былъ под„верженъ страшнымъ припадкамъ; бывшіе съ нимъ „родственники опустили его въ святой колодезь, во „время сильнѣйшаго пароксизма; какъ только онъ былъ „погруженъ въ воду, судороги мгновенно прекратились „и онъ вышелъ самъ изъ купальни, тогда какъ прежде „не могъ сдѣлать ни одного шага безъ посторонней „поддержки. Вотъ уже двадцать пять лѣтъ, какъ онъ „живетъ въ нашей обители и страшный недугъ къ нему „болѣе не возвращался. Это чудное исцѣленіе подѣй„ствовало и на его душу. Смиреннѣе и трудолюбивѣе „его нѣтъ во всей киновіи, нѣтъ послушанія, котораго

„бы онъ не перенесъ съ терпѣніемъ и любовью; всегда „довольный, всегда спокойный, онъ своею кротостью и „молчаливой сосредоточенностью служитъ примѣромъ „для всѣхъ насъ, грѣшныхъ недостойныхъ иноковъ.“

— Легенду, которую вы мнѣ разсказали, о несчаст„ной женщинѣ, я уже читала, батюшка, у Сосногоро„вой въ ея путеводителѣ по Крыму, замѣтила я; она „тамъ описываетъ еще случай бывшій также съ тата„риномъ. Желая испытать цѣлебность воды въ источ„никѣ, онъ бросилъ въ нее мертваго барана; баранъ „сейчасъ же ожилъ.

— „Этотъ разсказъ намъ извѣстенъ,“ отвѣчалъ о. Н... „Не могу ручаться за его справедливость, но скажу „вамъ только, что между простолюдинами русскихъ сѣ„верныхъ и среднихъ губерній (я самъ уроженецъ туль„скій) очень распространенъ обычай прибѣгать къ за„ступничеству святыхъ безсребренниковъ, когда забо„лѣваютъ овцы и 1-го іюля, въ день памяти этихъ „святыхъ обыкновенно закалываютъ ягненка и раздѣляютъ „его мясо неимущимъ жителямъ деревни, призывая надъ „остальнымъ стадомъ покровительство св. Косьмы и Да„міана. Можетъ быть сказаніе о воскресшемъ баранѣ „послужило основаніемъ этого обычая, а дѣтски-просто„душная вѣра сельскихъ жителей въ заступничество „святыхъ оправдывается, ибо Господь сказалъ: *по вѣрѣ вашей—будетъ вамъ*.“ О. Н... всталъ со скамейки, мы послѣдовали его примѣру; я поблагодарила его за бесѣду и простившись съ нимъ, пошла въ гостинницу укладывать свои вещи. На другой день рано утромъ, до восхода солнца, мы отправились въ обратный путь и вернулись въ Алушту, не останавливаясь дорогой,

часамъ къ десяти утра, утомленныя, но подъ хорошимъ впечатлѣніемъ проведенныхъ нами часовъ въ святой пустынной обители.

Отъ Алушты до Топловскаго монастыря.

Мѣсяцъ, проведенный мной въ Алуштѣ, близился къ концу. Въ первыхъ числахъ августа я обѣщала вернуться домой, а мнѣ еще хотѣлось покупаться въ морѣ въ Ѳеодосіи, побывать въ двухъ горныхъ монастыряхъ въ окрестностяхъ Судака и осмотрѣть Керчь, ея музей и курганы. На всѣ эти путешествія нужно было, по крайней мѣрѣ, недѣли три и я рѣшилась 7-го іюля проститься съ южнымъ берегомъ и отправиться въ Симферополь, гдѣ намѣревалась нанять коляску и лошадей до Ѳеодосіи, съ условіемъ заѣхать по пути въ Судакъ, Топловскій женскій монастырь и Кизильташскую киновію. Прощаясь съ Алуштой, я старалась утѣшить себя мыслію, что на будущее лѣто опять проведу здѣсь нѣсколько недѣль; мнѣ было жаль каждаго домика, каждаго знакомаго дерева, мимо которыхъ намъ пришлось проѣзжать; даже и садъ Петриченко, всегда наводившій на меня уныніе своей запущенностью и громадностью своихъ опустѣлыхъ построекъ, показался мнѣ величественнымъ паркомъ, а заброшенный господскій домъ въ 18 комнатъ, съ верандами, обросшими дикимъ виноградомъ, хмѣлемъ и плющемъ,—древнимъ сумрачнымъ аббатствомъ, окруженнымъ непроницаемой стѣной зелени. У входа стояли гиганты—кипарисы, темные, мрачные, закованные въ свою крѣпкую, сжа-

тую, черную броню, какъ безсмѣнные, безмолвные стражи этого необитаемаго замка; за ними длинной. нескончаемой грядой тянулась аллея тополей. Такихъ деревьевъ-великановъ, въ такомъ множествѣ и съ такой свѣжей и густой листвой встрѣтить трудно; они бросаютъ на дорогу сплошныя, широкія тѣни и какъ я ни старалась, закидывая назадъ голову, увидать ихъ макушки, я могла разглядѣть только нижнія части ихъ огромныхъ вѣтвей, сплетшихся громаднымъ, зеленымъ пологомъ. Эта аллея главная краса Алушты; она похожа на аллею въ Кисловодскѣ на Кавказѣ; только та не такъ высока, не такъ ровна и состоитъ, не изъ однихъ тополей, а изъ тополей и липъ въ перемѣжку, что вредитъ, особенно издали, общему впечатлѣнію.

Миновавъ аллею и проѣхавъ мостъ черезъ рѣчку Демерджи-Узень и красивую долину того же имени, мы стали подыматься на Шумскую гору и лѣсныя крутизны, ведущія на Чатыръ-Дагъ. Направо возвышалась великолѣпная гора Демерджи, съ ея фантастическими фигурами, башнями, отвѣсными обрывами, принимающими издали формы исполинскихъ статуй и гранитныхъ изваяній; у подножія горы чуть виднѣлась татарская деревня вблизи которой еще замѣтны, какъ говорятъ, слѣды крѣпости называемой татарами Исарчикъ*) и уцѣлѣвшіе остатки стѣны, *Ташъ-Хабакъ*, что значитъ— каменная стѣна. Ея построеніе приписываютъ Темиръ-Аксаку, также и устройство всей оборонительной стѣны на горѣ Караби-Яйла. Но именемъ Темиръ-Аксака называется въ русскихъ лѣтописяхъ знаменитый

---

*) Исарчикъ,—значитъ крѣпость.

Тимуръ, или Тамерланъ, а стѣна построена, какъ указываютъ византійскіе историки, не въ концѣ XIV, или началѣ XV столѣтія, а еще въ VI вѣкѣ *). Кеппенъ въ своемъ Крымскомъ Сборникѣ также упоминаетъ объ остаткахъ стѣны и о слѣдахъ бывшаго здѣсь Демерджинскаго укрѣпленія, съ развалинами древняго греческаго храма и предполагаетъ, что эта крѣпостца была нѣкогда построена для наблюденія за дорогою, которая пролегала черезъ Ангарское ущелье. Теперь, конечно, съ почтовой дороги намъ ничего не было видно, кромѣ густаго, бѣлаго тумана, въ зеленой долинѣ у подъема горы; но ямщикъ-татаринъ увѣрялъ насъ, что прежде тутъ былъ городъ и гавань и что въ этой долинѣ нѣкогда было море; до сихъ поръ на крайнихъ скалахъ Демерджи находятъ большія желѣзныя кольца, къ которымъ привязывались корабли и лодки, когда море доходило до вершины горы, увѣрялъ онъ насъ очень серьезно. Не знаю можно-ли этому вѣрить или это только легендарное, поэтическое сказаніе, досужій вымыселъ богатой фантазіи полу-дикаго народа. Нашъ ямщикъ, на этотъ разъ, былъ очень типиченъ. Татары, большой частью, стройны и ловки, но Ибрагимъ, или какъ его зовутъ ямщики-товарищи Кара-Ибрамъ (черный Ибрагимъ) былъ необыкновенно толстъ и неуклюжъ; костюмъ его также былъ очень оригиналенъ; вмѣсто обыкновенной татарской куртки, или архалука, онъ облекся въ свѣтло-зеленую, полинялую, широкую, кашемировую блузу; на шеѣ былъ повязанъ красный бумажный платокъ, на природной шапкѣ курчавыхъ, уже

*) Очерки Крыма Ев. Маркова, стр. 210.

посѣдѣвшихъ волосъ торчала старая, баранья шапка, а на коротенькихъ, болтающихся, толстыхъ ногахъ были надѣты татарскія, черныя *катыры,* нѣчто похожее на наши калоши.

Когда мы поровнялись съ фонтаномъ Кутузова, началъ накрапывать маленькій дождикъ и Чатыръ-Дагъ, на который мы стали подыматься былъ закрытъ густыми бѣлыми облаками, похожими на огромныя хлопья ваты; вѣтеръ дулъ внезапными порывами и сгонялъ на минуту млечныя, тяжелыя тучи съ плоской вершины Трапезуса *), тогда дождь становился сильнѣе на той высотѣ, гдѣ мы были и холодная сырость пронизывала насъ насквозь. Ибрагимъ надѣлъ овечью шубу на свою воздушную, истертую блузу и курилъ съ остервѣненіемъ свернутыя имъ папиросы. Пока онъ этимъ занимался, предоставивъ волю лошадямъ, его умная, привычная тройка жалась по узкимъ поворотамъ шоссе, избѣгая съ удивительнымъ искусствомъ нагроможденныя кучи приготовленныхъ мелкихъ камней и щебня съ одной стороны, и грозныхъ, чернѣющихъ пропастей—съ другой. Я ему замѣтила, что возжи свалились на одну сторону и что легко лошадямъ въ нихъ запутаться; но онъ презрительно улыбнулся и продолжалъ упорно зажигать спичку, повернувшись къ намъ лицомъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что дѣлалось съ лошадьми и экипажемъ. Наконецъ онъ закурилъ папиросу и взявъ возжи въ руки, махнулъ кнутомъ и мы быстро въѣхали въ самую чащу лѣса. Четыре года тому назадъ я проѣзжала здѣсь въ такой же дождли-

*) Древнее названіе Чатыръ-Дага.

вый день и описала довольно подробно эту поѣздку и мои впечатлѣнія въ первой части моихъ воспоминаній. Не стану повторять теперь сказанное мной тогда, а остановлюсь только на нѣкоторыхъ довольно интересныхъ историческихъ подробностяхъ. Миновавъ станцію Таушанъ Базаръ и деревню Чевки, мы быстро приближались къ послѣдней почтовой станціи, въ 14 верстахъ отъ Симферополя, Мамутъ-Султанъ. Это чисто татарское названіе указываетъ на прежнихъ владѣтелей татарскихъ мурзъ *Крымтаевыхъ*, предокъ которыхъ былъ извѣстенъ Палласу подъ именемъ *Батыръ-Ага* и принадлежалъ къ числу почтеннѣйшихъ и богатѣйшихъ лицъ изъ татарскаго дворянства *). Теперь это имѣніе принадлежитъ кн. Долгорукову и кажется содержится въ отличномъ порядкѣ. Проѣхавъ еще версты три, вправо отъ дороги, можно видѣть развалины древней мечети, бѣлый домикъ, окруженный полуразрушенной стѣной, сложенной на цементѣ, развалины древняго строенія и низенькія сакли татарской деревушки; все это у татаръ носитъ названіе *Эски-Сарай* (старый дворецъ) и кучеръ нашъ сказалъ намъ, что во время хановъ здѣсь начали строить большой ханскій дворецъ, но что ханъ умеръ внезапно, не достроивъ его и не оставивъ наслѣдниковъ. Вотъ что говоритъ объ этой мѣстности Кеппенъ въ своемъ Крымскомъ сборникѣ, приводя сначала слѣдующія слова Сумарокова въ его „Досугахъ“: „въ 1500 г. какой-то Ибрагамъ Бей, за „счастливый походъ противъ Россіянъ, получилъ отъ „хана по Салгиру мѣсто себѣ въ награду и отъ по-

*) Путеводитель по Крыму Сосногоровой.

„строенія имъ тутъ бѣлой мечети, селеніе то названо „*Акмечеть*“.

Этотъ самый Акмечеть, продолжаетъ Кеппенъ, по мнѣнію Сумарокова, существовалъ вверхъ по Салгиру, верстахъ въ 12-ти отъ Симферополя, близъ деревни Махмутъ-Султанъ, гдѣ понынѣ видны каменныя стѣны небольшой крѣпостцы и опустѣлая мечеть. Нѣтъ сомнѣнья, что г. Сумароковъ говоритъ объ Эски-Сарайской постройкѣ, а не объ древнемъ Симферополѣ, который назывался тогда и теперь еще у татаръ называется Акмечетью. Но мнѣ кажется, добавляетъ Кеппенъ, что это остатки находившагося тамъ Монетнаго двора, по упраздненіи котораго устроенъ новый въ Ѳеодосіи въ 1784 г. Можетъ быть мнѣніе Кеппена справедливо, но Ибрагимъ, нашъ кучеръ, въ полномъ невѣдѣніи этихъ ученыхъ препирательствъ, продолжалъ увѣрять насъ, что здѣсь нѣкогда была столица хановъ, богатые дворцы, прелестные сады и мечети, какъ теперь въ Бахчисараѣ, мѣстѣ его родины, и въ его глазахъ самомъ очаровательномъ городѣ міра.

Мы подъѣзжали къ Симферополю. На горѣ, къ которой примыкаетъ подгородное село *Петровское*, еще видны развалины и остатки очень древнихъ укрѣпленій, носящихъ теперь названіе *Керменчикъ*, т. е. малая крѣпость. Здѣсь въ 1827 г. были найдены барельефы и греческія надписи на камняхъ, заслуживающія особеннаго вниманія, и песчаный камень съ изображеніемъ всадника на конѣ и греческой надписью, упоминающей о скиѳскомъ царѣ Скилурѣ, о которомъ Страбонъ говоритъ слѣдующее: „Кромѣ упомянутыхъ мѣстъ сего по„луострова (Крыма), были тамъ и другія укрѣпленія, по-

„строенныя Скилуромъ и его дѣтьми и служившія имъ сбор-„ными мѣстами, при войнѣ съ полководцами Митридата“, Таковы: Палакіонъ *), Хавонъ **) и Неаполисъ, слѣды котораго, по мнѣнію археолога Бларамберга, и должно видѣть въ развалинахъ укрѣпленія подлѣ Симферополя. Этотъ памятникъ, впрочемъ весьма посредственной работы, говоритъ Кеппенъ ***), принадлежитъ къ произведеніямъ обронной работы (en relief) весьма рѣдкихъ въ горахъ и на южномъ берегу Крыма; онъ находится теперь въ одесскомъ Музеѣ и любители древности обязаны его спасеніемъ Султану Александру Ивановичу Крымъ-Гирею. Этотъ камень и другіе барельефы, изображающіе царя Скилура и сына его Палака, могутъ служить драгоцѣнными памятниками для исторіи Крыма, свидѣтельствуя о бытіи тутъ въ симферопольскомъ укрѣпленіи грековъ, подвластныхъ Скилуру. Найденная г. Бларамбергомъ плоская черепица съ именемъ какого-то Астинома (градоначальника) заставляетъ думать, что это мѣсто существовало на правахъ города. Самые жители, здѣсь обитавшіе по мнѣнію одесскаго антикварія, могли быть выходцы Родійскіе, потому что въ найденной тутъ же греческой надписи, изсѣченной на бѣломраморномъ пьедесталѣ, упоминается о Юпитерѣ Атавирскомъ, т. е. верховномъ божествѣ, которому сооруженъ былъ храмъ на высшей горѣ острова Родоса. Найденный внутри укрѣпленія глиняный сосудецъ съ древними монетами, содержалъ въ себѣ римскія медали временъ Нерона, царствовавшаго съ 54 г. по Р. Х.

*) Нынѣшняя Балаклава.

**) Близъ Ѳеодосіи.

***) Крымскій Сборникъ, стр. 36, 37 и 329-ая.

Въ 1834 г. Дюбуа де Монпере, ученый геологъ, исходившій не малую часть Крыма, сдѣлалъ случайно близъ симферопольскаго укрѣпленія любопытное открытіе, о которомъ онъ сообщилъ въ письмѣ г. Кеппену. Позволю себѣ привести здѣсь, какъ болѣе интересныя, нѣкоторыя выдержки изъ этого письма, писаннаго г. Дюбуа на французскомъ языкѣ и переведеннаго г. Кеппеномъ. „Прогуливаясь прошедшаго лѣта около раз-„валинъ древняго Скилурова укрѣпленія, я слѣдо-„валъ той дорогой, которая мимо могильныхъ пе-„щеръ ведетъ довольно круто внизъ въ Салгирскую „долину, противъ дома, принадлежащаго М. С. Ворон-„цову. Тутъ, на половинѣ дороги, я увидѣлъ могилу „(un tumulus) едва замѣтную, которая была разрыта. „На днѣ вырытой ямы, глубиною футовъ въ семь, я „нашелъ остатки четырехъ или пяти склеповъ, повреж-„денныхъ при разрытіи. Покойники лежали головами „къ востоку, имѣя тонкіе, мѣдные ошейники на подо-„біе тѣхъ, которые бываютъ находимы въ могилахъ „скиѳскихъ, литовскихъ и пр. На эти ошейники для „прикрасы, были нанизаны большія, стеклянныя бусы „разнаго рода, зеленыя, синія, бѣлыя, желтыя и сѣ-„рыя; онѣ большей частью всѣ потерпѣли отъ време-„ни и воздуха. Другія бусы сдѣланы изъ синей или „зеленой египетской массы, или тѣста (pâte); онѣ во „всю длину ребристы, или желобоваты и хорошо сох-„ранились. Это тотъ самый составъ, который служитъ „для дѣланія столь прекрасныхъ украшеній, находимыхъ „въ Сициліи и между прочимъ въ Агригентскихъ (нынѣ „Джирджентскихъ) гробницахъ. Третій родъ бусъ мо-„заическій. Наконецъ самыя красивыя изъ этихъ бусъ „походятъ на стеклянную мозаику новѣйшихъ временъ,

„будучи однако сдѣланы изъ натуральныхъ камешковъ.
„Въ числѣ украшенiй ошейниковъ я нашелъ также „круглую пластинку (un disque) желтаго янтаря, величиною въ серебряный рубль и толстыя бусы изъ гагата (черной смолы). У каждаго покойника на груди „находилось малое изображенiе лежащаго египетскаго „льва, или египетская жуковина (scarabée) изъ той же „массы, или тѣста, о которой говорено выше. Жуковины эти проткнуты, чтобы быть нанизанными на проволоку для ношенiя; на оборотѣ изображенъ египетскiй змѣй въ видѣ того священнаго змѣя, который „представляется на лбу египетскихъ божествъ. Руки „были украшены браслетами (обручами) и на ногахъ „находились такiе же мѣдные ободы легкой работы, „безъ всякихъ почти украшенiй. На головѣ и на груди я нашелъ малыя нити, или цѣпочки (chaînettes) „разнаго мелкаго бисера, большей частью стекляннаго „и превосходныхъ формъ; но были бусы и гагатовыя „въ видѣ малыхъ цилиндровъ, грушъ и пр.; еще, иныя „были агатовыя, янтарныя, халцедонныя. Настоящiя „жемчужины были очень повреждены (oxydées), а куски аквамарина (если не ошибаюсь), вовсе не обдѣланнаго, были только проткнуты. Съ боку, подлѣ покойниковъ, былъ положенъ мечъ, желѣзный ножъ и „нѣсколько стрѣлъ, желѣзныя оконечности которыхъ „сходны съ найденными въ могилахъ близь Керчи.
„Единственная вещь изъ глины, мной здѣсь найденная, „былъ грубый, немуравленный сосудецъ, вышиною въ „7 дюймовъ, очень толстый и нимало не похожiй на „прекрасныя, этрусскiя вазы, дѣлавшiяся въ самой Пантикапеѣ (Керчь). Все заставляетъ думать, что здѣсь

„погребены были воины. Надъ ними, разстояніемъ на „два или три фута, зарыта была женщина; на ней „находились мелкія бусы и мѣдные браслеты; под-„лѣ же нея положено было круглое зеркало. Вотъ „все что я тутъ нашелъ; не было ни перстней, „ни монетъ, ни какихъ либо вещей серебряныхъ или „золотыхъ. Думаю, что эти могилы должны принадле-„жать тѣмъ временамъ, когда римляне, по смерти Мит-„ридата (64 г. до Р. Х.), распространили власть свою „на Херсонисъ Таврическій и на Воспоръ. Около то-„го времени, сколько извѣстно, прогуливались по всей „римской имперіи, фанатическіе египетскіе жрецы, „которые распространяли повсюду свои таинства и ни „разъ навлекали на себя гнѣвъ императоровъ.—Какъ „бы то ни было, во всякомъ случаѣ достойно замѣчанія, „что тутъ въ одной и той же гробницѣ мы видимъ „вмѣстѣ римскую застежку (fibula), ключъ греческаго „ларчика, египетскую жуковину, янтарь съ береговъ „балтійскихъ, гагатъ колхійскій, ошейникъ и обручья „скиѳскіе и все это въ могилѣ, при укрѣпленіи Тавро-„скиѳскаго царя Скилура.“

Говорятъ, что теперь въ этихъ развалинахъ рѣдко попадается что нибудь интересное, но около Симферополя есть еще неразрытые курганы, въ которыхъ, какъ увѣряютъ татары, находятся могилы и драгоцѣнности. На другой день нашего пріѣзда въ Симферополь, мы ѣздили въ *Салгирку*, имѣніе князя Воронцова, съ хорошенькимъ домомъ, мельницей, прелестнымъ садомъ и огромнымъ питомникомъ всевозможныхъ деревъ; нашъ извощикъ-татаринъ говорилъ намъ, что и здѣсь зарыты клады по теченію Салгира. Въ это же утро мы отпра-

вились осматривать Акмечеть, или какъ его называютъ теперь, „татарскій городъ". До 1862 года онъ былъ довольно густо населенъ татарами, имѣлъ свои мечети, сады и лавки, гдѣ продавались восточные товары; но послѣ выселенія татаръ въ Турцію, эта „старая" часть Симферополя опустѣла и съ каждымъ днемъ бѣднѣетъ и теряетъ свой восточный характеръ. Теперь осталось только въ Акмечети нѣсколько невзрачныхъ мечетей и нѣсколько узкихъ, пыльныхъ улицъ, вдоль которыхъ тянутся каменныя стѣны съ калитками. За калитками, въ тѣни какого нибудь фруктоваго дерева, скрываются жилища мусульманъ, по грязнымъ улицамъ бѣгаютъ и купаются въ пыли нагіе цыганята, а на балкончикѣ полуразваленной лавчонки сидитъ старая, некрасивая татарка, торгуя всякой всячиной и рядомъ съ ней важно возсѣдаетъ по турецки продавецъ капусты и лука, татаренокъ въ красной фескѣ. Во время татарскаго владычества въ Крыму, Акмечеть служилъ резиденціей Калга-Султана, первой особы послѣ хана, въ его отсутствіи правившаго ордой; Калга-Султанъ, большей частью, былъ братомъ, или близкимъ родственникомъ хана и считался его наслѣдникомъ. Дворецъ Калга-Султана находился у подножія горы, на которой былъ расположенъ городъ Акмечеть на берегу Салгира и окруженъ садами. Противъ дворца былъ устроенъ фонтанъ, изъ котораго и до сихъ поръ весь Симферополь беретъ воду; около него ростутъ роскошныя вѣковыя деревья, единственные свидѣтели бывшаго величія и пышности послѣднихъ Гиреевъ. Вода въ фонтанѣ прозрачна и свѣжа и привлекаетъ массу народа; когда мы подъѣхали къ нему, онъ былъ окруженъ множествомъ

красивыхъ лошадей, которыхъ цыгане привели на водопой, отправляясь съ ними на базарную площадь. Крымскіе цыгане носятъ почти такой же костюмъ, какъ и татары, и въ ихъ рукахъ сосредоточена большая часть торговли лошадьми и скотомъ, на городскихъ и деревенскихъ торжищахъ; они очень типичны и почти всѣ красивы, нельзя сказать того же о ихъ женахъ, онѣ похожи на нашихъ, сельскихъ цыганокъ, одѣваются въ грязныя лохмотья, таскаютъ за собой полу-одѣтыхъ, черномазыхъ ребятишекъ, также крикливо и назойливо выпрашиваютъ милостыню, или предлагаютъ свои услуги, какъ гадальщицы, лѣкарки и предсказательницы будущаго. Двѣ изъ нихъ долго бѣжали за нашей коляской, когда мы проѣзжали по Акмечетской улицѣ, повторяя обычное слово: „Барыня богатая, сча„стливая, постой, постой, тебѣ поворожу!“ Цыганята же постарше толпятся на базарѣ около покупающихъ и предлагаютъ свои услуги—снести покупки въ номеръ; на вокзалы желѣзныхъ дорогъ ихъ не пускаютъ, но за то они цѣпляются за коляску на улицахъ и бѣгутъ, не отставая отъ лошадей до гостинницы, гдѣ выбираютъ удивительно быстро тяжелые мѣшки и чемоданы, вносятъ ихъ въ номера и терпѣливо ожидаютъ вознагражденія за свои труды.

Возвращаясь домой послѣ нашей прогулки, мы замѣтили налѣво отъ дороги высокія скалы, бока которыхъ изрыты пещерами, или *криптами*; надъ этими углубленіями видна большая плоскость, а по уступамъ крутой горы работаютъ каменоломы, добывающіе камень, отличающійся своей необыкновенной твердостью; онъ здѣсь извѣстенъ подъ названіемъ *крымскаго мрамо-*

ра и принадлежитъ къ породѣ *діоритовъ;* изъ него выдѣлываютъ прекрасныя вещи: прессъ-папье, пепельницы, вазы, колонны и пр. и пр. въ мастерской около Симферополя, гдѣ они продаются, какъ и въ симферопольскихъ магазинахъ, по очень дорогой цѣнѣ. Эти крипты, уничтожающіяся съ каждымъ годомъ безжалостнымъ ломомъ рабочихъ, вѣроятно, служили нѣкогда жилищами для первобытныхъ обитателей Крыма, а потомъ во время гоненій убѣжищемъ первымъ христіанамъ; плоскость же вѣнчающая крипты, какъ предполагаютъ, была занята древнимъ тавро-скиѳскимъ городомъ *Неаполисомъ.*

Послѣ осмотра этихъ остатковъ древности намъ въ Симферополѣ нечего было дѣлать. Тѣнистый городской садъ, на берегу Салгира, былъ мнѣ знакомъ и не представлялъ ничего замѣчательнаго; соборъ и площадь съ обелискомъ въ память князя Долгорукаго—Крымскаго, губернаторскій домъ, гостинный дворъ, магазины, присутственныя мѣста, богоугодныя заведенія, тюремный замокъ, обязательная дворянская улица, три, четыре, очень приличныхъ гостинницы, все это носило обыкновенный отпечатокъ нашихъ губернскихъ городовъ и главный городъ Тавриды отличался отъ нихъ только своимъ синимъ небомъ, красивыми аллеями бѣлыхъ акацій кругомъ собора и на главныхъ улицахъ, и величественнымъ шатромъ Чатыръ-Дага, такъ живописно выдѣляющимся на горизонтѣ съ южной стороны. Въ свѣтлые, безоблачные вечера продолговатая форма Трапезуса, какъ громадный столъ сказочнаго исполина, стоитъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ горъ и манитъ путника своей близостью и доступностью; кажет-

ся такъ легко взобраться на его гладкую, озаренную розовымъ отблескомъ вершину, а между тѣмъ тѣ, которые совершили это путешествіе, говорятъ, что подъемъ на Чатыръ-Дагъ очень труденъ и даже опасенъ, если попадешь въ гущу облаковъ, разыграется гроза, или подымется вѣтеръ; но для насъ не имѣвшихъ намѣренія дерзновенно нарушить таинственную тишину заоблачныхъ твердынь Трапезуса, его сѣдые утесы и грозныя пропасти не были страшны. Мы съ большимъ удовольствіемъ пускаемся въ путь по карасубазарской дорогѣ, любуясь этой классической, вѣчно-неизмѣнной гранитной скалой, голубымъ небомъ, сіяющимъ надъ ней и легкими бѣлыми тучками, набѣгающими на окрайны продолговатаго шатра и мгновенно сдуваемыми съ него порывами свѣжаго, степнаго вѣтра. Да, мы въ степи, въ ровной, широкой степи, необозримой какъ море, поражающей своимъ просторомъ и безконечной гладью своихъ полей. Бойкая татарская тройка быстро уноситъ насъ отъ горъ и предгорій, отъ зеленыхъ холмовъ, отъ долинъ и садовъ, отъ тополевыхъ аллей и кипарисовыхъ кущъ очаровательнаго юга. Постепенно исчезаетъ холмистая цѣпь, окружающая Симферополь; самъ городъ теряется въ испареніяхъ сизаго тумана, увлекая за собой убѣгающіе рядами стройные, высокіе тополи его садовъ; одинъ Чатыръ-Дагъ царитъ по прежнему на синемъ небосклонѣ, но и онъ становится туманнѣе и принимаетъ видъ облака. Налѣво отъ дороги издали замѣтны возвышенности мѣловыхъ горъ; около нихъ въ небольшихъ долинахъ, орошаемыхъ Салгиромъ и рѣчками Зуей и Бурульчей находятся нѣсколько частныхъ имѣній, сады и маленькія рощи; но намъ ихъ съ

дороги не видать; о нихъ намъ разсказываетъ нашъ ямщикъ, тотъ самый Кара-Ибрамъ, который насъ везъ изъ Алушты въ Симферополь. Теперь онъ неузнаваемъ— угрюмый, недовольный сидитъ онъ на козлахъ и при всякомъ толчкѣ дороги неодобрительно качаетъ головой. Ему, привыкшему къ ѣздѣ по гладкому шоссе изъ Симферополя до Ялты и обратно, не нравятся неровности пути, засохшія, глубокія колеи, довольно подозрительные мосты и часто попадающіеся горки и косогоры. „Какая скверная дорога“, бормочетъ онъ, стараясь устроиться по покойнѣе, рядомъ съ большимъ чемоданомъ, толкающимъ его въ бокъ и мѣшающимъ ему править. „То ли дѣло наше ялтинское шоссе!!., Хозяину*) хо„рошо было рядиться съ вами, барина. Онъ вѣдь самъ „дороги не знаетъ; дальше *Карасъ-базаръ* никогда не „ѣздилъ, а я бывалъ тамъ давно и помню—очень дур„на дорога, а изъ *Карасъ-базаръ* въ Топлу проѣхать „въ коляскѣ не можно; надо на мажаръ ѣхать“.

—„Зачѣмъ-же ты не сказалъ это хозяину, когда онъ „насъ провожалъ въ Симферополѣ, а теперь поздно. „Я поѣду въ Топлу, и въ Судакъ, и въ Кизильташъ, „какъ рядилась съ хозяиномъ; ты самъ охотился съ нами, а то бы Османъ**) насъ свезъ.

„Османъ!.. Османъ дорога не знаетъ. Хозяинъ сказалъ мнѣ: ступай Ибрамъ, ты дорога знаешь; а я былъ „здѣсь давно, лѣтъ двадцать, а въ Топлу я никогда не „былъ и не знаю куда ѣхать.

---

*) Эмиръ-Ассанъ, извѣстный въ Симферополѣ содержатель лошадей и экипажей.

**) Другой работникъ того же хозяина.

—„Чтоже дѣлать, спросимъ у людей; языкъ до Кіе-„ва доведетъ, а я не откажусь отъ этой поѣздки; твой „хозяинъ взялъ съ меня задатокъ и сказалъ, что ты „насъ довезешь до Ѳеодосіи исправно и по дорогѣ за-„ѣдешь въ Топлу и Кизильташъ, и Судакъ.

„Мнѣ, барина, все равно,“ возразилъ сердито тата-„ринъ,“ только по такой дорогѣ въ коляскѣ ѣздить не „можно; экипажъ нѣжный, сломается... Что мы тогда „будемъ дѣлать?“

—„Пѣшкомъ пойдемъ.—А ты докажи, что ты хоро-„шій кучеръ, умѣешь править и по дурнымъ дорогамъ, „а не по одному гладкому шоссе.“

Кара-Ибрамъ замолчалъ. Мы подъѣзжали къ первой почтовой станціи Зуѣ, на рѣчкѣ того же имени; это большая деревня, населенная преимущественно русскими государственными крестьянами и не представляющая ничего замѣчательнаго. Мы отъѣхали отъ Симферополя 22 версты; намъ оставалось столько же до Карасубазара. Ибрамъ попоилъ своихъ лошадей и мы поѣхали далѣе по селу, мимо строющейся православной церкви и стали подыматься на порядочную гору.

„Тутъ была большая крѣпость“, сказалъ татаринъ, „а „теперь только остались однѣ ямы, да камни, а когда „грязь, здѣсь совсѣмъ ѣхать неможно: косогоръ и эки-„пажъ будетъ валиться въ канаву.“

Видя, что онъ сталъ разговорчивѣе, я спросила его какъ зовутъ это мѣсто.

„*Кыркъ-Азисъ*; здѣсь святые зарыты и сюда ходятъ „молиться больные татары и татарки съ дѣтьми, отвѣ-„тилъ Ибрамъ, совсѣмъ развеселившись. Вотъ скоро

„будутъ еще видны стѣны крѣпости, а когда будемъ „подъѣзжать къ *Карасъ-Базаръ*, то на лѣво на горѣ „много развалинъ; тамъ былъ большой городъ, когда „наши ханы жили въ *Карасъ-Базаръ*“, прибавилъ онъ со вздохомъ.

Теперь эти развалины съ дороги хотя и замѣтны, но не особенно ясны. Кеппенъ говоритъ въ своемъ сборникѣ, что здѣсь, вѣроятно, когда-то находился обнесенный валомъ пороховой заводъ, какъ можно судить по татарскимъ словамъ Барутъ (порохъ) и Ханэ (домъ), что этотъ валъ простирался отъ одного края крутаго берега Зуи до другаго, въ длину на 270 шаговъ и что отсюда шла довольно удобная тропа внизъ къ татарской святынѣ Кыркъ-Азисъ (сорокъ святыхъ), гдѣ въ пещерѣ, имѣющей въ длину и ширину по осьми шаговъ, находится гробъ краснаго цвѣта, къ которому изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ стекаются татары, страждущіе разными недугами и ищущіе тутъ себѣ исцѣленія. Къ юго-востоку отъ Барутъ Ханэ, продолжаетъ Кеппенъ, находится гора Хонычъ, на ней замѣтны слѣды укрѣпленія и жилищъ, а далѣе въ урочищѣ, именуемомъ Борла, на высокомъ утесѣ, видны развалины стѣны и большой крѣпости, нѣкогда тутъ существовавшей, вѣроятно какъ наблюдательный пунктъ и для защиты жителей долинъ отъ набѣговъ съ сѣвера. Нѣкоторые изслѣдователи этихъ развалинъ предполагаютъ, что онѣ принадлежатъ къ временамъ очень отдаленнымъ, такъ-какъ между ними нигдѣ не видно признаковъ христіанской церкви и отыскиваютъ въ нихъ слѣды приморскаго населенія той эпохи, когда эти

утесы составляли берегъ моря и Крымъ былъ еще островомъ и чисто гористою страною *).

Въ настоящее время вся эта мѣстность мало интересна; дорога идетъ степью и хотя въ сторонѣ, по теченію Карасу (черная вода) и другихъ рѣчекъ, находятся прекрасныя мѣста, богатыя имѣнія, деревни и огромные фруктовые сады, но они виднѣются вдали отъ пыльной, однообразной, почтовой дороги и какъ фантастическія картины соблазнительнаго марева дразнятъ утомленный взоръ путника своей недосягаемой прелестью.

Особенно красиво отдѣлялись ихъ темные силуэты на свѣтло-розовомъ фонѣ неба, когда мы въѣзжали въ Карасубазаръ, откуда рано утромъ на другой день, должны были отправиться въ Троловскій монастырь. Ямщикъ нашъ остановился около низенькаго, длиннаго домика, изъ бѣлаго камня, съ крылечкомъ и нѣсколькими густыми деревьями въ палисадникѣ, выходящемъ на главную улицу. Этотъ невзрачный домикъ носитъ громкое названіе *Одесской гостинницы* и служитъ единственнымъ убѣжищемъ для тѣхъ, которыхъ судьба, или страсть къ путешествіямъ, приводитъ въ этотъ заштатный городъ Симферопольскаго уѣзда, сохранившій до нынѣ восточный колоритъ мелко-торговаго, грязнаго татарскаго города, съ большими лавками, базарными площадями, глухими улицами и переулками, съ маленькими калитками, ведущими во внутренніе дворики татарскихъ жилищъ, со множествомъ оставленныхъ мечетей, съ высокими полуразрушенными минаретами и съ длинными, мрачными *ханами* (родъ

---

*) Сосногоровой путеводитель по Крыму стр. 278-я.

каравань—сараевъ, или заѣзжихъ домовъ), съ кофейнями, гдѣ останавливаются извощики и пріѣзжіе торговцы. Одинъ изъ этихъ каравань—сараевъ очень древнее, каменное зданіе съ прорѣзами, бойницами и амбразурами въ верхней части передней стѣны; оно носитъ названіе *Ташъ-ханъ* (ташъ—камень) и служитъ теперь карасубазарскимъ торговцамъ для склада ихъ товаровъ, но въ старину, вѣроятно, это зданіе служило мѣстомъ защиты для людей, или складомъ для товаровъ и цѣнныхъ предметовъ во время опасности.

Населеніе города (болѣе 11,000 жителей) состоитъ преимущественно изъ грековъ, армянъ и евреевъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена промышленность и торговля; татаръ и русскихъ сравнительно гораздо меньше. Евреи, живущіе въ Карасубазарѣ, дѣлятся на крымчаковъ, караимовъ и раввинистовъ. Крымчаки—евреи раввинисты, или какъ ихъ иногда называютъ *Константинопольскіе евреи*, давно переселившіеся въ Крымъ изъ Турціи, отличаются отъ прочихъ евреевъ раввинистовъ тѣмъ, что не употребляютъ жидовскаго жаргона, а говорятъ всѣ по татарски и носятъ татарскій костюмъ. При этомъ костюмѣ они сохранили свой семитическій типъ, нравы и обычаи своихъ предковъ, имѣютъ общую синагогу съ другими евреями—раввинистами, а караимскую синагогу не посѣщаютъ. Также, какъ и караимы они хранятъ много ярлыковъ отъ Крымскихъ Хановъ, дававшихъ имъ разныя льготы, но торговлю предоставляютъ армянамъ, которымъ принадлежитъ большое число домовъ и лавокъ въ городѣ, а сами занимаются кожевеннымъ промысломъ, производствомъ сафьяна, татарскихъ но-

жей, шитьемъ татарскихъ шапокъ и другими татарскими ремеслами.

Побывавъ въ Карасубазарѣ, нельзя не сравнить его съ другимъ заштатнымъ городомъ, того же симферопольскаго уѣзда, Бахчисараемъ, почти съ равнымъ населеніемъ, съ тѣми же промыслами, съ тѣмъ же восточнымъ колоритомъ и восточной грязью и нельзя не отдать преимущества послѣднему. Неряшество бѣднаго населенія исчезаетъ тамъ въ зелени садовъ, въ громадности окружающихъ скалъ, въ таинственной прелести ханскаго дворца, вѣнчающаго собой весь городъ, въ массѣ свѣжихъ, журчащихъ фонтановъ; даже и мутный ручей Чурюкъ Су (гнилая вода), по руслу котораго проходитъ одна изъ бахчисарайскихъ улицъ, именно та, которая ведетъ въ Успенскій скитъ, прельщалъ меня своей оригинальностью и неумолкающій говоръ горнаго ручья мнѣ былъ въ тысячу разъ пріятнѣе безмолвныхъ водъ обоихъ Карасу (большой и малый), отъ которыхъ конечно городъ получилъ свое названіе. Что же касается до климата, то Бахчисарай пользуется прекраснымъ, горнымъ воздухомъ, а Карасубазаръ расположенъ въ низменности, по которой разливается въ изобиліи вода, образуя много грязи и стоячихъ болотъ, гдѣ гнѣздятся болѣзни, преимущественно лихорадки. Но несмотря на всѣ эти недостатки Карасубазаръ типиченъ и я очень рада, что побывала въ немъ, тѣмъ болѣе что гостинница Одесса оказалась, сверхъ чаянія, очень опрятной, а шашлыкъ, который намъ принесли на ужинъ изъ сосѣдняго татарскаго ресторана, превкуснымъ.

Послѣ прекрасно проведенной ночи, мы рано утромъ

пустились отыскивать Топловскій монастырь. Ибрамъ совѣтовалъ намъ оставить его въ Карасубазарѣ съ коляской и отправиться въ монастырь на легкѣ съ карасубазарскимъ извощикомъ на таратайкѣ; но я не согласилась на его предложеніе и волей — неволей онъ долженъ былъ везти насъ, какъ онъ говорилъ, мотая головой и пожимая плечами: *„самъ не знай куда“*. Въ концѣ города мы проѣхали мимо армянской церкви и оставили влѣво греческую, обѣ довольно большія, но весьма обыкновенной архитектуры. Потомъ потянулись богатые, тѣнистые, фруктовые сады, налѣво отъ дороги забѣлѣла высокая, мѣловая гора *Акъ-кая* (бѣлая скала), о которой сохранилось преданіе, что во время владычества хановъ, съ ея высоты сбрасывали преступниковъ. Мы въѣхали на длинный, деревянный мостъ, построенный черезъ Буюкъ-Карасу (большой Карасу). Кругомъ текли довольно грязные притоки этой рѣки, впереди разстилалась однообразная степь съ голыми, поросшими колючимъ бурьяномъ (курай) холмами. Некрасивая, безотрадная мѣстность навела меня на мысли о давно-минувшемъ времени, о походахъ нашихъ предковъ: Игоря, Святослава, Мстислава черезъ эту негостепріимную степь, о путешествіи царицы Анны этимъ путемъ изъ Корсуня въ Керчь, послѣ ея брака съ Равноапостольнымъ княземъ, о заболѣваніи ея, какъ говоритъ преданіе, именно здѣсь, на *„черной водѣ“* и о ея чудесномъ исцѣленіи молитвами св. Стефана Сурожскаго, епископа Сугдайскаго *). Далекое прошлое смѣнялось позднѣйши-

---

*) Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи Бруна, стр. 128-я.

ми событіями: походами Миниха, переправой Ласси на плотахъ черезъ Сивашъ по теченію Карасу во внутренность степи, послѣдними военными успѣхами князя Долгорукаго. Сколько пролито здѣсь русской крови, сколько положено драгоцѣнныхъ силъ и жизней!... Нѣтъ, Крымъ по праву принадлежитъ намъ, думала я, и мы никогда не уступимъ этотъ благодатный уголокъ нашей холодной Россіи...

Вдругъ недовольный голосъ Ибрама вернулъ меня къ дѣйствительности. „Куда-жъ ѣхать, барина?" спрашивалъ онъ. Мы стояли у скрещиванья двухъ дорогъ; большая почтовая дорога тянулась впереди насъ длинной, скучной лентой; налѣво шла проселочная дорога, направо другая; кругомъ ни души, не у кого спросить какъ проѣхать въ татарскую деревню Бахче-Эли, которая въ 12 верстахъ отъ Карасубазара и на полъ-дорогѣ отъ монастыря. „Ступай направо", сказала я наугадъ, стараясь оріентироваться по путеводителю Сосногоровой, какъ умѣла. Ибрамъ поѣхалъ сначала шагомъ, нехотя, потомъ рысью; дорога все становилась уже и шла незамѣтно подъ гору. Съ лѣвой стороны разстилались безконечные луга вдоль красивой, быстрой рѣчки, направо стояла густая, совсѣмъ спѣлая рожь, а за ней далеко возвышалась цѣпь крымскихъ горъ Караби Яйла и другіе столообразные хребты. О, какъ я имъ обрадовалась; я поняла, что мы попали на настоящую дорогу, что мы въѣзжаемъ въ долину Мокраго Эндоля. Эта долина, славящаяся своимъ плодородіемъ между всѣми долинами Крыма, сплошной массой густыхъ садовъ и теченіемъ быстрой, свѣтлой рѣчки, наполнена удивительной свѣжестью, плодотворной влагой и не-

вообразимымъ благоуханіемъ, словно всѣ цвѣты, всѣ травы міра соединились въ одинъ громадный стогъ и бросали намъ навстрѣчу свое пахучее дыханіе. Къ чему тутъ проводникъ, къ чему тутъ чуждыя имена незнакомыхъ мѣстностей?... Дорога вьется узкой, коричневой лентой, по свѣтлой зелени луговъ, мѣстами пересѣкаетъ быстрый ручеекъ, стремящійся туда, налѣво къ Эндолю, а потомъ съ нимъ вмѣстѣ, перегоняя Булганакъ и Карасу, и другія безъименныя рѣчки, вливается въ Сивашъ, принимающій въ свои мутныя, желтыя воды цѣлую сѣть свѣтлыхъ, быстро текущихъ, горныхъ рѣкъ. Путь мѣстами становится такъ узокъ, что наши лошади жмутся другъ къ другу и колеса попадаютъ въ глубокія колеи мажаръ, къ ужасу Ибрама, трепещущаго за цѣлость рессоръ. Но крымскія лошадки почуяли свою родную степь, они стремятся къ цвѣтущимъ чаирамъ, къ тѣнистымъ балкамъ, къ зеленымъ оврагамъ, къ которымъ ведетъ эта единственная дорога, другой не видать нигдѣ и намъ сбиться съ пути нельзя. Наконецъ въ полѣ виднѣется арба, около нея пара воловъ и татаринъ съ косой; немного далѣе двѣ женщины связываютъ снопы. Ибрамъ останавливаетъ разбѣжавшихся лошадей и кричитъ татарину: *Бахче-Эли*, *Бахче-Эли* и еще что-то непонятное. Татаринъ показываетъ прямо по направленію къ горамъ какіе-то кустики и что-то отвѣчаетъ: „Еще три верста до „Бахче-Эли,“ говоритъ нашъ ямщикъ, „а тамъ спросимъ, „какъ ѣхать въ Топлу.“

— А вѣдь дорога прекрасная, говорю я; иногда толчки, да это не бѣда!... Ужь, какъ хорошо! какая зелень, какой воздухъ, восхищаюсь я вслухъ.

„Да, мѣсто хорошъ!!! Только вдругъ большой канава, или мостъ нѣтъ. Что тогда будемъ дѣлать, барина, а?“...

Но предчувствія Ибрама къ счастью не сбылись; мы подъѣхали къ самой деревушкѣ, безъ всякихъ приключеній и взобрались, мимо татарскихъ домиковъ и садовъ, на довольно высокую гору, на которой стоитъ старинный армянскій монастырь съ старинной церковью св. Иліи. Онъ построенъ на католическій манеръ; внутри каменной ограды идетъ длинный рядъ одинокихъ келлій, съ выходомъ изъ каждой на длинную, крытую, каменную галлерею; келліи эти всѣ пусты, но очень чисто содержатся и отдаются на лѣто армянскими властями бѣднымъ больнымъ, для поправленія здоровья прекраснымъ горнымъ воздухомъ и пользованіемъ молокомъ отъ трехъ коровъ, содержимыхъ монастырскимъ сторожемъ и его женой,—армянами.

Монастырь поддерживается доходами съ большаго, хорошаго фруктоваго сада и пожертвованіями богатыхъ армянъ, пріѣзжающихъ сюда на богомолье изъ разныхъ сосѣднихъ мѣстъ, особенно изъ Карасубазара. Мѣстность очень живописная; на сѣверо-востокъ, вмѣсто каменистаго, грознаго хребта, тѣснящаго къ морю южный берегъ, широко раскинулись въ прелестномъ безпорядкѣ ѳеодосійскія горы; покрытыя зеленью и лѣсами, съ отдѣльными утесами и скалами самой причудливой формы, торчащими среди густой зелени лѣсовъ, онѣ не такъ величественны какъ Чатыръ-Дагъ, Дѣмерджи, Бабуганъ-Яйла и пр. съ своими заоблачными, столообразными пастбищами, но изобилуютъ лѣсными лугами, свѣжими, веселыми долинами, шумящими быстрыми рѣчками. Изо-

биліе воды здѣсь удивляетъ; нетолько каждый лужокъ, каждая ничтожная балка орошается быстрымъ ручьемъ, но и на горахъ, между скалъ, сочится вода изъ неизсякаемыхъ родниковъ, бьетъ холоднымъ ключемъ изъ каменной глыбы, вливается широкой струей въ каменный резервуаръ и летитъ серебристой пылью по мокрымъ скатамъ утеса. На небольшомъ пространствѣ, занимаемомъ монастыремъ въ Бахче-Эли, и при томъ на очень порядочной высотѣ, находятся два колодезя, одинъ во внутренности ограды, а другой на дорогѣ, около монастырскаго сада; первый колодезь какъ-будто вытекаетъ изъ-подъ древней армянской церкви, существующей, какъ говорилъ мнѣ сторожъ, около 500 лѣтъ; она мала и низка, и какъ во всѣхъ армянскихъ храмахъ, иконостаса не имѣетъ; алтарь же устроенъ на высотѣ и отдѣляется маленькими колонками, такъ что весь престолъ виденъ, также и жертвенникъ, устроенный въ углубленіи стѣны. Въ церкви есть нѣсколько старинныхъ образовъ, между которыми я замѣтила образъ св. Георгія Побѣдоносца, но не такъ, какъ его обыкновенно изображаютъ у насъ, поражающаго дракона, а верхомъ на бѣломъ конѣ, спасающаго дѣвочку. Храмъ очень бѣденъ, но содержится чисто; бѣлый некрашенный полъ, покрытый кой-гдѣ маленькими татарскими ковриками, тщательно вымытъ. Причта при этой церкви нѣтъ, но когда армяне пріѣзжаютъ сюда говѣть, то привозятъ съ собой священника изъ Карасубазара, или выписываютъ армянскаго архимандрита изъ Ѳеодосіи. Въ мѣстные праздники, особенно въ день св. Иліи, здѣсь бываетъ большое стеченіе народа; армяне пріѣзжаютъ сюда съ семьями и живутъ по нѣскольку дней;

тогда старыя, опустѣлыя стѣны оживляются, но когда мы были, тутъ царствовала поразительная тишина, и мы однѣ разгуливали по всѣмъ двадцати пяти незанятымъ номерамъ, или келліямъ и пили молоко въ довольно большой столовой комнатѣ, бывшей вѣроятно нѣкогда трапезной (réfectoire) католическихъ армянскихъ патеровъ.

Послѣ двухъ-часоваго отдыха мы снова отправились въ путь. Сторожъ проводилъ насъ до выѣзда изъ деревни и до поворота дороги, по направленію къ горамъ, увѣряя насъ, что до Топловскаго монастыря остается только 10 верстъ, и что мы должны ѣхать все прямо, по одному направленію, не сворачивая на дороги, которыя намъ будутъ попадаться: „Онѣ ведутъ „въ балки и вы заблудитесь,“ говорилъ онъ, „а если будете ѣхать все прямо, то непремѣнно доѣдете до монастыря хорошо и скоро. Теперь вы поѣдете лугами, „а потомъ пойдетъ лѣсокъ, сначала молодой, а потомъ „густой порядочный лѣсъ, по берегу рѣчки. Тутъ берегитесь, не сверните направо; дорога покажется „вамъ прямой и широкой, но она ведетъ въ лѣсъ и по „ней только татары ѣздятъ за балками“.

Поблагодаривъ добраго проводника, мы съ нимъ разстались и тихо поѣхали по указанной намъ дорогѣ. Становилось очень жарко, и, несмотря на прохладную долину, частью еще покрытую утренней росой, мы съ трудомъ выносили жгучіе лучи солнца. Ибрамъ превратился въ настоящаго вареннаго рака и съ каждымъ шагомъ дѣлался угрюмѣе и сердитѣе. Наконецъ показались маленькіе, рѣдкіе кусточки; за ними потянулись деревья повыше и погуще; мы въѣзжали въ свѣжую,

тѣнистую балку; свѣтлая рѣчка текла на днѣ ея, омывая корни красивыхъ, ярко-зеленыхъ ветлъ; за ними росли цѣпкіе кусты жимолости, боярышника; орѣшникъ, мушмола, дикія груши, яблони, сливы были раскинуты по всей балкѣ въ плѣнительномъ разнообразіи; перепутанныя вѣтви сплетались въ непроницаемыя бесѣдки, живыя изгороди, изумрудные туннели; свѣжесть и сильный ароматическій запахъ говорилъ намъ, что мы въ области нетолько лѣсовъ и садовъ, но и крымскаго огородничества, распространеннаго преимущественно въ этой части Крыма. Здѣсь невдалекѣ Кишлау *), Салы **), Цюрихталь ***), Старый Крымъ и другія мѣстности, снабжающія овощами ближайшіе города полуострова, южный берегъ и виноградныя долины. По указанію нашего чичероне мы миновали Салы и Кишлау и почти цѣликомъ, по узенькой дорожкѣ, черезъ густой лѣсъ, добрались до какихъ-то двориковъ, расположенныхъ въ тѣни громадныхъ, орѣховыхъ деревьевъ, и по крутому косогору, кой-какъ огороженному колючимъ плетнемъ, спустились въ пѣнящіяся волны шумнаго потока. Пейзажъ былъ вполнѣ достоинъ кисти Каламо; я восхищалась имъ, опасаясь однако за нашу коляску, катившуюся страшными скачками съ камня на камень этого адскаго спуска. Кучеръ нашъ былъ въ отчаяніи; онъ бормоталъ что-то по татарски и употреблялъ всѣ свои усилія, чтобъ не слетѣть съ козелъ. Тутъ я только поняла, что такое татарская лошадь; наша тройка, предоставленная сама себѣ (Кара-Ибрамъ только ду-

*) Болгарская колонія.

**) Богатое русское село.

***) Нѣмецкая колонія.

малъ, какъ бы самому не очутиться въ пропасти), жалась всѣми силами къ лѣвой сторонѣ дороги, косясь на обрывъ у ея ногъ и избѣгая крупные камни, свалившіеся съ сосѣдней горы и лежащіе на срединѣ узкаго пути, никѣмъ не замѣченные, никѣмъ не тронутые, пока другая благодѣтельная буря, или страшный ливень, не свергнетъ ихъ на вѣки въ бездонную пропасть, или въ клокочущій потокъ. Когда мы переѣхали черезъ ручей, направо въ лѣсъ вела гладкая, довольно широкая дорога; прямо черезъ оврагъ поднималась на гору и извилинами скрывалась въ лѣсной чащѣ, неприглядная, каменистая, изрытая колеями, узенькая дорожка. Усталый Ибрамъ, обрадованный перспективой удобнаго пути, уже повернулъ направо и очень неохотно, по моему требованію, опять направилъ своихъ лошадокъ на дорогу, ведущую въ гору, говоря что она приведетъ насъ въ сосновый боръ, но не въ монастырь. Онъ ошибался. Мы ѣхали по настоящей дорогѣ; широкій путь направо, привелъ бы насъ въ пустынную балку, изъ которой не было другой дороги и намъ пришлось бы вернуться назадъ. Кругомъ насъ желтѣли спѣлыя нивы, окруженныя сѣрыми и бѣловатыми скалами; напротивъ насъ густой лѣсъ покрывалъ до самой вершины высокую гору и казался такимъ непроходимымъ, что глядя на его темную глубь, мысль о людскомъ жилищѣ не приходила въ голову. Вдругъ, высоко въ зеленой чащѣ, блеснулъ и скрылся золотой крестъ. „*Монастиръ*“, сказалъ Ибрамъ и пріударилъ возжей пристяжную. Мы въѣхали въ небольшую деревню Топлу, принадлежавшую двумъ сестрамъ, госпожамъ Зотовой и Ламбири. Послѣдняя умерла и похоронена

на высокой скалѣ вблизи монастыря; первая еще жива, но уже не находится въ обители. Обѣ сестры, какъ говорятъ, обѣщали пожертвовать, послѣ свой смерти, въ пользу монастыря 230 десятинъ земли, на рѣчкѣ Мокрый Эндоль; но къ сожалѣнію, этотъ даръ не состоялся и монастырь долженъ былъ купить эту землю, необходимую для его существованія.

Подъемъ къ монастырю очень утомителенъ и мы пошли пѣшкомъ на крутую гору, уступивъ просьбамъ и убѣжденіямъ Ибрама, который увѣрялъ насъ, что на эту крутизну его усталыя лошади насъ не втащутъ. Онъ далъ имъ вздохнуть у подножія горы, въ тѣни маленькаго деревяннаго строенія, принадлежащаго монастырю, гдѣ помѣщается птичій дворъ и сохраняются на зиму сѣно и другія хозяйственныя принадлежности, а мы пока взбирались на каменную кручь, по протоптанной стезѣ, въ тѣни красиваго еще молодаго лѣса. Свѣжія, полныя силы деревья шумѣли надъ нами, предвѣщая грозу; солнце скрылось за темную синеватую тучу, незамѣченную нами въ долинахъ и выплывающую теперь изъ-за горы чернымъ крыломъ огромной фантастической птицы. За лѣсомъ намъ не видать было монастыря и только когда мы взошли на верхнюю площадку горы, мы вдругъ увидали передъ собой невысокую каменную ограду, изъ-за которой выглядывалъ куполъ маленькой церкви и золотой крестъ, виденный нами издалека. Позади ограды возвышались опять высокія горы, покрытыя лѣсомъ, такъ что монастырь утопалъ въ морѣ зелени. Трудно описать то чувство свѣжести и удовольствія, которое охватило насъ: на этой высотѣ воздухъ былъ такъ живителенъ

и настолько пропитанъ ароматами луговъ и лѣсовъ, что я нѣсколько секундъ вдыхала его полной грудью, остановившись на одномъ мѣстѣ и думая только о тѣхъ чудныхъ минутахъ, которыя я переживала.

Топловская обитель, дорога въ Судакъ, древній Сурожъ.

Топловскій женскій монастырь святой Параскевы основанъ по ходатайству таврическаго епископа Алексѣя въ 1864 году и открытъ 25 Сентября того же года.

Еще въ концѣ 1849 года архіепископъ Иннокентій, ревностный возстановитель христіанскихъ памятниковъ въ Крыму, испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія на устройство православной церкви въ урочищѣ Топлу, гдѣ съ давнихъ временъ прославился чудодѣйственною силой цѣлебный источникъ святой Параскевы, чтимый нетолько христіанами, но и магометанами. Обозрѣвая Крымъ и обращая свое вниманіе на запустѣніе и неприличное для господствующей религіи положеніе древнихъ святыхъ мѣстъ на горахъ Тавриды, преосвященный Иннокентій пламенно желалъ возстановленія по крайней мѣрѣ значительнѣйшихъ изъ нихъ, съ учрежденіемъ въ нихъ иноческаго пустынножительства по чину и подобію святой Аѳонской горы. Но ему не суждено было увидѣть осуществленія его завѣтной мысли; при немъ былъ только возстановленъ скитъ на Успенской скалѣ, близъ Бахчисарая; остальныя же киновіи созидались постепенно, по мѣрѣ открывающихся для этого средствъ. Церковь же при источникѣ святой Па-

раскевы была освящена только въ 1863 году и черезъ годъ при ней возникла женская обитель, состоявшая первоначально изъ шести сестеръ; теперь ихъ шестьдесятъ, изъ коихъ пять монахинь въ большемъ постриженіи, девять въ маломъ и сорокъ шесть послушницъ. Игуменьи въ Топловскомъ монастырѣ нѣтъ; ее замѣняютъ: старшая лѣтами изъ постриженныхъ монахинъ (почтеннѣйшая мать Манеѳа), мать казначея и мать благочинная. Распоряженіями этихъ трехъ лицъ ведутся всѣ монастырскія дѣла, какъ внѣшнія, такъ и по внутреннему устройству обители, и несмотря на очень ограниченныя средства монастыря, благодаря введенному порядку и замѣчательному трудолюбію сестеръ, онѣ пользуются нѣкоторыми удобствами и невольно поражаютъ мирнымъ строемъ своей иноческой жизни, чистотой монастырскихъ келлій, трапезы, гостинницы для богомольцевъ и благоустройствомъ вообще всѣхъ строеній, зависящихъ отъ обители. Всѣ домики, гдѣ живутъ матери и сестры, построены изъ мѣстнаго камня и чисто выбѣлены; они окружаютъ крошечную, каменную церковь съ крытой галлереей, обвитой густымъ плющемъ, витусомъ и другими ползучими растеніями; полъ въ церкви деревянный, а на галлереѣ изъ простой глины; сестры смазываютъ его всякую недѣлю, тщательно задѣлывая каждую щель и впадину, такъ что онъ бѣлъ и гладокъ, какъ самый лучшій тесаный камень. Напротивъ церкви, посреди цвѣтника, особенно богатаго розами, устроенъ фонтанъ; круглый, довольно обширный бассейнъ изъ сѣраго мрамора, принимаетъ двѣ струи свѣтлой воды, ниспадающей съ обоихъ концовъ [illegible]аго каменнаго креста прямо въ резервуаръ. Вода

падаетъ мѣрно съ какимъ-то таинственнымъ, сдержаннымъ шепотомъ, наводящимъ на серьезныя думы. Особенно хорошъ долженъ быть этотъ фонтанъ въ весеннюю, лунную ночь, когда въ оградѣ все безмолвствуетъ, а въ сосѣднихъ рощахъ соловьи перекликаются и заливаются звонкими трелями. Говорятъ, что ихъ здѣсь очень много и что они не уступаютъ соловьямъ Черной рѣчки, близь Севастополя; мнѣ разсказывали, что тамъ они поютъ всю ночь въ кустарникахъ и береговыхъ ветлахъ и что, при обаятельной поэзіи крымской ночи, нѣтъ силъ оторваться отъ того мѣста, гдѣ звучитъ и льется эта нѣжная, незримая пѣснь. Мы были въ Топлу 9-го іюля; соловьи уже давно умолкли, но ночь была лунная, южная, теплая,—и когда мы возвращались въ отведенное намъ помѣщеніе, не отстоявъ длинной всенощной, раздавшійся вдругъ надъ моимъ ухомъ тихій звонъ колоколовъ нетолько не прервалъ общей гармоніи безмолвной ночи, но довершилъ впечатлѣніе безмятежнаго мира и спокойствія, царствующаго въ этомъ пустынномъ, прелестномъ уголкѣ, освященномъ трудомъ и молитвой. Какъ во всѣхъ киновіяхъ, въ Топловскомъ монастырѣ нѣтъ колокольни, да и нѣтъ средствъ для постройки ея. Сестры озабочены теперь устройствомъ новаго храма, для котораго у нихъ уже приготовлена часть камня, добываемаго зимой татарами въ горѣ, принадлежащей монастырю; но кромѣ камня, нужно еще много матеріала на предполагаемую постройку, а монастырь не имѣетъ никакихъ средствъ; 230 десятинъ земли, которыми онъ теперь владѣетъ, большей частью неудобны, скалисты, или покрыты лѣсомъ, и только при усиленномъ трудѣ сестеръ часть ея можетъ дать

имъ хлѣбъ и овощи, необходимые для ихъ пропитанія. Весной и лѣтомъ онѣ всѣ, безъ исключенія, трудятся въ полѣ, въ огородѣ, въ цвѣтникѣ, убираютъ рожь, овесъ, сѣно; пасутъ свое маленькое стадо и завѣдуютъ птичьимъ, скотнымъ и коннымъ дворами, построенными за монастырской оградой. Осенью они сажаютъ деревья и стараются разводить хорошіе сорта черешень, сливъ, грушъ, абрикосовъ и пр. и пр.; а въ зимніе, длинные вечера собираются въ большую комнату—мастерскую и всѣ вмѣстѣ работаютъ, шьютъ себѣ бѣлье и одежду и исправляютъ ветхія, церковныя облаченія, пелены, хоругви. Вся жизнь ихъ проходитъ въ трудѣ и молитвѣ и мнѣ кажется, что не скоро найдешь другой монастырь, гдѣ бы инокини такъ просто глядѣли на свой подвигъ смиренія и любви и встрѣчали пріѣзжихъ съ такимъ ласковымъ радушіемъ. Несмотря на всѣ лишенія и невзгоды, которыя онѣ переносили при основаніи обители въ пустынной мѣстности, среди скалъ и лѣсовъ и нерѣдко переносятъ и теперь, онѣ всегда спокойны и веселы, почти всѣ имѣютъ бодрый и здоровый видъ и спѣшатъ, послѣ дневныхъ трудовъ, отдохнуть душой, подъ сѣнію своей миніатюрной церкви. По крайней мѣрѣ въ субботу вечеромъ и въ воскресенье всѣ стремились къ службамъ, пѣли стройно и читали внятно и съ полнымъ пониманіемъ прочитаннаго; видно было, что въ храмѣ онѣ находятъ нравственное утѣшеніе и отдыхъ душевный послѣ физическихъ трудовъ. Еще меня поразили ихъ отношенія къ богомольцамъ. Во время обѣдни въ воскресенье церковь была переполнена народомъ; болѣе половины стояло на паперти и на галлереѣ; но тѣ, которые оставались въ храмѣ,

особенно молодыя болгарки изъ сосѣдняго села Кишлау, безпрестанно переходили съ мѣста на мѣсто, вѣроятно отыскивая прохладу и безпрестанно толкали монахинь, которыя со смиреніемъ давали имъ дорогу, не обнаруживая при этомъ ни малѣйшаго нетерпѣнія. Когда обѣдня кончилась, болгарскія и русскія женщины подходили къ нимъ съ больными дѣтьми, или говорили имъ о своихъ болѣзняхъ; онѣ всѣмъ давали совѣты и одѣляли женщинъ и дѣтей антидоромъ и кусочками просфоръ. Неудивительно, что инокини Топловскаго монастыря уважаемы и любимы въ окрестныхъ селеніяхъ, нетолько русскими и болгарами, но и татарами, которые имѣютъ большую вѣру въ цѣлебную силу источника святой Параскевы. Этотъ источникъ находится внѣ ограды, въ прекрасной части лѣса, гдѣ преобладаютъ густыя, ясеневыя деревья. Древнее преданіе говоритъ, что именно въ этомъ мѣстѣ св. Параскева претерпѣла послѣднее мученіе во время римскаго императора Антонина, но достовѣрно только то, что здѣсь была обрѣтена чудотворная икона святой Параскевы, которая теперь хранится въ монастырскомъ храмѣ. Около источника устроенъ родъ иконостаса, гдѣ въ числѣ другихъ образовъ, находится копія съ чудотворной иконы; передъ ней теплятся лампады, зажигаются свѣчи и служатъ молебны съ освященіемъ воды. Тутъ же двѣ купальни, въ которыя погружаются больные; вода въ нихъ, какъ и въ святомъ колодцѣ пріятная на вкусъ, прозрачная и довольно холодная—12-° по Реомюру. Лѣтомъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, къ святому источнику стекается довольно много народу, особенно въ день святой преподобно-мученицы

Параскевы 26 іюля, нетолько изъ сосѣднихъ деревень, но изъ дальнихъ мѣстъ приходятъ богомольцы и привозятъ своихъ больныхъ; русскіе, греки, болгары, татары тогда окружаютъ святой источникъ и приносятъ посильную жертву: самодѣльныя свѣчи желтаго воску, суровыя полотенца съ красными каемками, грошъ или копѣйку, часто горсть фасоли, или пшена. Въ эти дни монастырь оживаетъ, но осенью и зимой, когда грязь и проливные дожди окончательно портятъ и безъ того трудную дорогу, рѣдко кто заглянетъ въ святую обитель и смиренныя инокини, какъ настоящія отшельницы, на нѣсколько мѣсяцевъ отторгаются отъ окружающаго ихъ міра; даже и жители ближнихъ селеній не могутъ дойти до монастыря, окруженнаго со всѣхъ сторонъ сугробами снѣга и только при наступленіи весны, послѣ таянія снѣговъ, пустынная обитель выходитъ изъ своего зимняго оцѣпененія и снова принимаетъ богомольцевъ.

Радушнѣе этого пріема ничего вообразить нельзя. Сутки, проведенныя мной въ Топловскомъ монастырѣ, останутся навсегда въ моей памяти. Всѣ матери и сестры обители словно сговорились, чтобы какъ можно лучше пріютить насъ, утѣшить, успокоить. Русская хорошая пословица: *чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ*, оправдывалась здѣсь на дѣлѣ. Все, что было въ обители лучшаго, было намъ предложено: свѣжія яица, прелестное молоко, вкусныя, горячія лепешки, розовое и кизиловое варенье, бѣлье, постели, подушки... и все это предлагалось такъ просто, такъ спокойно, какъ обычное дѣло; ни малѣйшей суетни, ни тѣни той назойливой фамильярности, которая такъ часто надоѣдаетъ въ

нашихъ женскихъ монастыряхъ. Здѣсь, серьезныя, сосредоточенныя женщины, не тратящія словъ въ безцѣльной болтовнѣ, но принимающія странниковъ, потрудившихся посѣтить обитель, какъ должны ихъ принимать сестры во Христѣ, просто и радушно. Когда мы возвращались послѣ обѣдни съ колодца, гдѣ былъ отслуженъ общій молебенъ, я видѣла какъ старшія монахини говорили съ рабочими, нанятыми монастыремъ для исправленія дороги и другихъ подѣлокъ. Имъ подавали обѣдъ на длинномъ столѣ, подъ тѣнью вѣтвистаго столѣтняго буковаго дерева за монастырской оградой, и сестры заботливо разспрашивали ихъ, довольны-ли они пищей, хорошъ-ли хлѣбъ и квасъ и пр. И тутъ проглядывала та же сдержанность вмѣстѣ съ привѣтливостью, та же простота и ласковое обращеніе. Даже и нашъ Ибрамъ, выѣзжая изъ обители, подчинился этому благотворному, умиротворяющему вліянію и когда мы сѣли въ коляску (всю гору мы шли пѣшкомъ, боясь, что онъ не сдержитъ лошадей) онъ, обернувшись ко мнѣ, сказалъ: „вотъ, барина, хорошъ монастырь и хорошъ пища, и сѣна далъ, только овса „еще у нихъ нѣтъ. А ужъ бѣда же мнѣ булъ съ овсомъ; бѣгалъ за три верста къ помѣщикъ, взялъ по „рублю мѣрка, а далъ такую дрянь, что лошадь ѣсть „не сталъ. Ужъ какой же здѣсь нехорошъ народъ,“ прибавилъ онъ „за деньги ничего не даютъ, а амбары „полонъ овса, и баринъ русска!!! Нѣтъ, у насъ (близь „Бахчисарая) совсѣмъ другое дѣло; за деньги все можно имѣть, а татаринъ и такъ дастъ мѣрка овесъ съ „удовольствіемъ.“

Когда мы выѣхали изъ деревни Топлу и проѣхали

версты двѣ по той дорогѣ, по которой ѣхали наканунѣ, намъ нужно было повернуть направо, чтобъ попасть на почтовый трактъ изъ Ѳеодосіи въ Судакъ; но Ибрамъ былъ плохой топографъ и никакъ не хотѣлъ понять, что наша дорога лежитъ направо, говоря, что такъ мы не попадемъ въ Эльбузлы (почтовая станція, отъ которой считается 20 верстъ до Судака). Наконецъ я его убѣдила тѣмъ, что Судакъ на берегу моря и что если мы повернемъ налѣво, то будемъ удаляться отъ моря. Отъ монастыря до Эльбузлы будетъ верстъ 10-ть; дорога идетъ по очень живописной горной и лѣсной мѣстности и постоянно подымается все выше и выше; подъемъ мѣстами очень крутъ и изрытъ глубокими колеями мажаръ и арбъ; онѣ высохли послѣ дождей и представляли опасныя канавки, въ которыя безпрестанно попадали колеса нашей злосчастной, вѣнской коляски. Мы долго шли пѣшкомъ за экипажемъ и дивились какъ онъ могъ уцѣлѣть, опускаясь въ эти глубокія рытвины и не разбиться въ дребезги о камни, разбросанные по этой дорогѣ, называемой почтовой. Счастье наше, что мы поднимались на гору, а не спускались съ нея, а то бы намъ навѣрное пришлось дойти до Судака пѣшкомъ. Наконецъ мы добрались до станціи. Это полуопустѣвшая татарская деревня, построенная на самомъ высокомъ пунктѣ той горы, по которой проложена дорога изъ Ѳеодосіи въ Судакъ; она замѣчательна только по своему возвышенному положенію, по окружающимъ ее красивымъ лѣсистымъ холмамъ и по каменному колодцу, напоминающему своей формой колодцы древнихъ римлянъ. Онъ вырытъ при выѣздѣ изъ деревни на вершинѣ горы и представляетъ длинное ка-

менное корыто, со стѣнкой изъ дикаго камня. Ибрамъ поилъ тутъ своихъ лошадей и мы едва могли сидѣть въ коляскѣ: такъ силенъ и порывистъ былъ вѣтеръ на этой пустынной, совершенно голой скалѣ. Только одно несчастное деревцо росло около самаго колодца и чахлой листвой непривѣтливо шумѣло надъ головами нашей усталой тройки. Деревня Эльбузлы и въ прекрасный лѣтній день показалась мнѣ весьма непривлекательной, а зимой здѣсь бываетъ, навѣрное, очень холодно, вслѣдствіе ея возвышеннаго и открытаго мѣстоположенія. Отсюда начинается спускъ къ югу, дорога опять идетъ лѣсомъ и проходитъ по красивымъ мѣстамъ, черезъ имѣнія *Гарджи-Бей* и *Суукъ-Су* *) графа Мордвинова. Здѣсь очень много большихъ, красивыхъ лѣсовъ и по долинѣ виднѣются дома владѣльцевъ, а близъ дороги домики и дачи, которые еще строились; свѣтлые ручьи часто пересѣкаютъ дорогу, или текутъ рядомъ съ ней, привѣтливо журча и направляя быстрое свое теченье къ морю, орошая на пути богатые сады владѣльцевъ-старожиловъ, плантаціи и полисадники новыхъ поселенцевъ. Съ каждымъ годомъ урочище Гарджи-Бей и долина Суукъ-Су заселяются и новыя, красивыя строенія, посреди лѣсныхъ горъ и зеленыхъ луговъ, такъ разнообразятъ путь, что мы незамѣтно доѣхали до крутаго поворота дороги, откуда намъ открылся совершенно новый видъ. Вмѣсто круглыхъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, передъ нами выросла высокая, длинная скалистая стѣна съ верхнимъ краемъ, вырѣзаннымъ громадными зубцами; она поднимается почти отвѣс-

---

*) Холодная вода.

но надъ Большимъ и Малымъ Таракташами и защищаетъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ богатую виноградную таракташскую долину, сосѣднюю съ Судакомъ. Эта оригинальная скала дала свое названіе (Таракъ—гребень, Ташъ—скала) долинѣ и двумъ богатымъ и густо населеннымъ, татарскимъ деревнямъ: Буюкъ-Таракташъ и Кучукъ-Таракташъ.

Малый Таракташъ расположенъ амфитеатромъ по обрыву и такъ тѣсно построенъ, что нѣкоторыя сакли лѣпятся около самой дороги; мы ѣхали по главной улицѣ, почти задѣвая колесами татарскіе домики съ ихъ плоскими крышами; группы татарскихъ ребятишекъ и нарядныя татарки глядѣли на насъ съ любопытствомъ; при въѣздѣ въ деревню и въ самомъ селеніи, намъ встрѣчались татары съ мажарами, запряженными буйволами. Ибрамъ кричалъ имъ, чтобъ они сторонились, а такъ какъ дорога была очень узка и шла косогоромъ, вдоль обрыва они должны были останавливаться и пропускать насъ, что имъ было весьма непріятно. Вообще, таракташскіе татары не имѣютъ привѣтливаго вида южнобережскихъ жителей; они всѣ смотрятъ изъподлобья и только одинъ старикъ въ бѣлой чалмѣ важно поклонился намъ, когда мы проѣзжали мимо его сакли, между тѣмъ какъ въ Алуштѣ и другихъ деревняхъ мы привыкли къ поклонамъ мужчинъ, ласковымъ улыбкамъ женщинъ и неизмѣннымъ: *„здравствуй, здравствуй“* ребятишекъ. Видно, что здѣсь еще непочатое мусульманство; выселеніе татаръ не коснулось Таракташей, ничье постороннее вліяніе до сихъ поръ не измѣнило ихъ нравовъ, ихъ взглядовъ на русскихъ, *грабитель*, за[illegible]й ихъ землями и садами, прогнавшій ихъ ха-

новъ, настроившій въ ихъ городахъ и селахъ свои церкви. Еще много пройдетъ времени, пока таракташскій татаринъ забудетъ, что онъ, какъ волкъ или кабанъ, какъ олень и горная коза, владѣлъ этими степями, жилъ въ этихъ лѣсахъ и долинахъ, никѣмъ не стѣсняемый, никому не подвластный и въ своемъ первобытномъ татарскомъ сельбищѣ вольный, какъ горный орелъ въ скалистомъ гнѣздѣ, какъ звѣрь лѣсной въ своемъ логовищѣ.

Большой Тарақташъ выглядываетъ изъ темнаго ущелья горъ настоящимъ ауломъ; онъ окруженъ лѣсами и высокими скалами; журчащіе ручьи бѣгутъ изъ скалъ въ водопроводныя канавы и орошаютъ виноградники и фруктовые сады. По дорогѣ тополи, грецкіе орѣхи кидаютъ на проѣзжающихъ длинныя, густыя тѣни, а сливы, абрикосы, груши, миндальныя деревья растутъ на садовыхъ валахъ какъ наши ветлы и ракиты, съ которыми миндалевая листва имѣетъ большое сходство, и только подъѣзжая ближе къ нимъ, можно разглядѣть, что на ихъ тонкихъ вѣтвяхъ висятъ зеленыя миндалины.

За Таракташами возвышаются еще двѣ скалы причудливой формы; одна изъ нихъ похожа на звѣря, взбирающагося на гору, другая напоминаетъ молящагося на колѣняхъ человѣка. Въ путеводителѣ Сосногоровой по этому поводу упоминается о татарскомъ преданіи, гласящемъ, что какой-то мулла, подозрѣвая въ невѣрности свою жену, сбросилъ ее здѣсь съ вершины скалы, и что при ея паденіи оторвался отъ скалы камень въ формѣ муллы на колѣняхъ, умоляющаго Бога о прощеніи, такъ какъ его жена оказалась невинною. Но

Ибрамъ, указывая на оригинальную скалу, разсказывалъ мнѣ, что здѣсь жилъ нѣкогда отшельникъ, который умолялъ Бога о прощеніи людскихъ неправдъ и грѣховъ, и что по смерти онъ былъ превращенъ Аллахомъ въ камень, чтобы всѣ люди знали и помнили, что онъ о нихъ молился до самой своей смерти и не перестаетъ молиться и теперь. Не знаю, которая изъ двухъ легендъ болѣе распространена между татарами, но вторая мнѣ очень нравится.

Проѣхавъ Малый Таракташъ, мы повернули направо, мимо рѣчки; изъ-за горъ засинѣлъ кусочекъ моря; надъ нимъ возвышалась темная скала съ темными остатками старинной башни: это были развалины древняго Сурожа. Мы въѣхали въ Судакскую долину, издревле извѣстную своимъ плодородіемъ и богатствомъ своихъ садовъ и виноградниковъ, а теперь сплошь покрытую виноградниками, подъ которыми занято, какъ мнѣ говорили мѣстные жители, до 500 десятинъ земли, приблизительно съ двумя милліонами кустовъ винограда. Въ Судакской долинѣ почти всѣ виноградники орошаются, вслѣдствіе чего получается гораздо большее количество вина, нежели съ южнобережскихъ, неполиваемыхъ виноградниковъ; тамъ 100 кустовъ, а иногда и болѣе, даютъ 1 ведро вина, а здѣсь 1 ведро получается изъ 8 кустовъ въ хорошій, урожайный годъ. Конечно, южнобережскія вина цѣннѣе, хмѣльнѣе (capiteux) и душистѣе судакскихъ, но за то послѣднія не бьютъ въ голову, легки и пріятны, какъ должны быть столовыя вина и гораздо дешевле; въ Судакѣ платятъ за ведро натуральнаго, не... чнаго вина 1 рубль, а иногда и дешевле, между

тѣмъ какъ южнобережскія вина въ три и четыре раза дороже. Судакскій виноградъ переноситъ легче другихъ далекій переѣздъ и осенній холодъ и почти исключительно идетъ для продажи въ Россію, изумляя величиною и красотою своихъ ягодъ; чаушъ, осма, кадыньпармакъ (дѣвичій палецъ), названный такъ татарами по продолговатой формѣ его ягодъ,—ростутъ въ изобиліи въ Судакской и сосѣднихъ долинахъ и покажутся очень вкусными для того, кто не пробовалъ нѣжныхъ, душистыхъ сортовъ южнаго берега: шасла, изабелы, муската и пр; но тотъ, кто знакомъ съ ними, не польстится на толстокожіе и крупные сорта судакскаго винограда, несмотря на его необычайную дешевизну. Сохраненію низкихъ цѣнъ на виноградъ и вино особенно способствуетъ мохамеданскій взглядъ татарина (по закону ему запрещено дѣлать, держать у себя и пить вино) и существованіе массы мелкихъ садовладѣтелей, запродающихъ вино купцамъ, пока оно еще виноградный сокъ, а иногда сдающихъ свои виноградники, по контракту, на нѣсколько лѣтъ впередъ за баснословно дешевыя цѣны.

Нынѣшній Судакъ нельзя назвать ни городомъ, ни даже мѣстечкомъ, хотя въ немъ и есть большая, базарная площадь, красивая православная церковь, почтовое отдѣленіе, офицерскій кордонъ береговой стражи и на самомъ берегу моря очень хорошая, чистая гостинница съ удобными номерами и очень порядочнымъ столомъ. *). Проѣзжая по длинной улицѣ, ведущей къ

*) Номеръ съ одной кроватью стоитъ 1 р. 50 коп. въ сутки, съ двумя—2 рубля. Обѣдъ въ три блюда 1 руб. и 1 р. 25 к. Порція 50 коп. и дороже.

морю, мнѣ казалось, что мы ѣдемъ по обширному саду, усѣянному многочисленными домиками мѣстныхъ владѣльцевъ здѣшнихъ виноградниковъ. Между ними бросались въ глаза дома г-жи Стевенъ и г-на Рудзевича, не столько своей красивой архитектурой, какъ изобиліемъ и разнообразіемъ цвѣтовъ въ ихъ палисадникахъ, выходящихъ на улицу. Они были залиты свѣжей зеленью и роскошными цвѣтами, обвивающими рѣшетки цвѣтниковъ и заполонившими узкій тротуаръ улицы своими зелеными гирляндами, перевитыми пестрыми, душистыми кистями. Во время сбора винограда Судакъ оживляется, такъ какъ многіе изъ владѣльцевъ виноградниковъ проводятъ въ своихъ домахъ осень и пріѣзжаютъ сюда съ своими семьями, но въ прочее время года онъ мало посѣщается какъ здоровыми, такъ и больными, хотя здѣсь климатъ очень здоровъ и постоянно освѣжается моремъ и вѣтромъ со стороны горъ; морскія купанья и лѣченіе виноградомъ въ Судакѣ также очень удобны и кромѣ того, у подошвы горы *Перчемъ-Кайя*, на западѣ судакской долины, существуетъ сѣрный источникъ, вода котораго по медицинскому изслѣдованію признана цѣлебною. Судакская долина съ меньшими, къ ней прилегающими, Айсавскою (св. Саввы) и Таракташскою, тянется отъ горъ до моря на разстояніи 7—8 верстъ. Она защищена отъ холодныхъ вѣтровъ съ сѣверо-запада горой *Айорги-Дагъ* (гора св. Георгія), на которой еще видны остатки развалинъ древней церкви; на востокъ, ближе къ морю, возвышается огромная скала съ плоской вершиной, *Алчадинъ-Каясы* (скала низкаго человѣка) и болѣе къ югу, близь самаго моря, громадная, отвѣсная, гранитная стѣна

Кушъ-Кая, называемая русскими *Соколъ-гора*. На этой горѣ, на оконечности пирамидальной скалы, южная сторона которой перпендикулярно спускается къ морю, сохранились развалины древней генуэзской крѣпости Сольдайи; со стороны моря она была совершенно неприступна и единственный подступъ къ ней со стороны долины былъ защищенъ огромнымъ валомъ съ десятью башнями и стѣной, съ входными воротами, также прикрытыми укрѣпленіями. Противъ нихъ, гдѣ теперь находится нѣмецкая колонія, состоящая изъ 20 домовъ, было вѣроятно предмѣстье генуэзскаго города съ фонтаномъ, теперь засыпаннымъ, погребами и уединенной небольшой башней, съ множествомъ каменныхъ кучъ и развалинами длинныхъ домовъ съ стоящими еще стѣнами. Но эти остатки разрушенныхъ зданій не принадлежатъ древности; это развалины казармъ русскихъ войскъ, стоявшихъ въ Судакѣ гарнизономъ по присоединеніи Крыма, на устройство которыхъ были расхищены всѣ остатки древности. Самая крѣпость древняго Сурожа (Сугдая) была названа Кирилловскою и стала съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разрушаться; она особенно много пострадала въ 1869 году отъ землетрясенія *); многіе своды и подземные погреба завалились; потомъ упали арки, поддерживающія нѣкоторыя башни, а остальныя, не имѣя подпорки, грозятъ паденіемъ, такъ что если не будутъ приняты мѣры для поддержанія и сохраненія этихъ остатковъ древности, то въ близкомъ будущемъ исчезнутъ послѣдніе слѣды этой замѣчательной генуэзской крѣпости.

*) Сосногоровой—путеводитель по Крыму.

Мнѣ очень хотѣлось подробно осмотрѣть эту интересную мѣстность, но въ этотъ день, который я провела въ Судакѣ, мнѣ нездоровилось и я должна была отказаться отъ моего намѣренія. Случилось, что въ это время съ нами въ гостинницѣ стоялъ одинъ пріѣзжій господинъ, который наканунѣ былъ на Соколъ-горѣ и разсказывалъ знакомымъ мнѣ дамамъ о всемъ, что онъ тамъ видѣлъ, слѣдующее: „Взявъ проводника въ нѣмец„кой колоніи“, разсказывалъ онъ, „мы стали подыматься „въ крѣпость, миновавъ двѣ башни, еще довольно хоро„шо сохранившіяся, съ орнаментами, гербами и каменны„ми плитами, на которыхъ замѣтны надписи; отъ приврат„ныхъ башень идутъ по обѣимъ сторонамъ остатки стѣ„ны; къ морю эта стѣна подымается очень круто, на „самый верхъ утеса, и при поворотѣ къ югу на поло„винѣ высоты скалы, вмѣсто башни, стоитъ цѣлый за„мокъ, въ которомъ еще замѣтны внутренній дворъ, три „угловыя башни и развалины жилищъ. Проводникъ го„ворилъ намъ, что это былъ дворецъ греческой царицы „Ѳеодоры и указалъ на круглый колодезь, бывшій въ „одной изъ комнатъ дворца, на нишу въ стѣнѣ, на под„земное водохранилище со сводами, куда была прове„дена вода трубами съ вершинъ сосѣднихъ горъ и на „потаенные ходы изъ двухъ угловыхъ башень къ морю „и во внутренность укрѣпленія. Главная башня бывша„го дворца (онъ назвалъ ее Катара-Куле *) стоитъ „на окраинѣ отвѣсной скалы, внизу которой волнуется „море, на ней еще сохранились рѣзьба и фестоны въ „готическомъ стилѣ, но стѣна около нея совсѣмъ раз-

*) Башня проклятія.

„сыпалась, такъ что взбираться изъ этой средней крѣ-
„пости въ верхнюю ужасно трудно; надо карабкаться „вверхъ черезъ высокіе камни, выпавшіе изъ стѣнъ и „башень, имѣя прямо подъ собой колыхащуюся бездну „моря. Недалеко отъ замка, внутри крѣпости, хорошо „сохранились развалины церкви, превращенной потомъ „въ мечеть; предполагаютъ, что здѣсь былъ христіанскій „храмъ во имя св. Георгія, изображеніе котораго встрѣ-„чается въ двухъ мѣстахъ съ украшеніями изъ каменной „рѣзьбы и еще очень замѣтное, широкое углубленіе, за-„мѣняющее въ мечетяхъ алтарь, съ узенькой, каменной „башенкой при входѣ, служившей мечети минаретомъ. „Кромѣ мечети замѣтны внутри крѣпости каменныя ку-„чи, остатки какихъ то зданій. Съ большимъ трудомъ „мы доползли наконецъ до послѣдней и самой высокой „башни—Кызъ-Куле *). Она стоитъ на самомъ верху „скалы и господствуетъ надъ всѣми укрѣпленіями, надъ „моремъ, надъ долинами и надъ всею мѣстностью во-„кругъ; видъ оттуда восхитителенъ и вознаграждаетъ „вполнѣ за трудности подъема. Башень теперь осталось „восемь, но лучше всѣхъ сохранились Катара-Куле въ „средней крѣпости и Кызъ-Куле въ верхней; мостовыя „въ крѣпостяхъ поросли травой и усыпаны камнями раз-„рушенныхъ строеній; на башни взбираться нужно осто-„рожно, опасаясь паденія камней, а внутри башень—„гнилости половъ, которые едва держатся надъ глубо-„кими погребами.“

— Такъ намъ нельзя будетъ взбираться на верхнюю башню? спросила одна изъ дамъ.

*) Башня дѣвы.

„Не знаю; думаю, что будетъ трудно. Впрочемъ, „хотите попробовать завтра, если вѣтеръ утихнетъ?“

Этотъ разговоръ происходилъ вечеромъ на террасѣ, около моего окна. Собесѣдники встали и пошли къ морю. Не знаю, состоялась-ли ихъ предполагаемая прогулка, такъ какъ на другой день, рано утромъ, я уѣхала въ Кизильташъ, но разсказъ туриста заинтересовалъ меня. Я раскрыла Очерки Маркова, Путеводитель Сосногоровой и отыскала въ нихъ все, что касалось до древняго Сурожа. Вотъ, въ главныхъ чертахъ, что они пишутъ о немъ:

По достовѣрнымъ историческимъ даннымъ извѣстно, что уже въ 212 году по Р. Х. здѣсь находился греческій городъ и что въ 715—730 годахъ городъ этотъ былъ замѣчателенъ своимъ богатствомъ и торговлею и имѣлъ своего архіепископа, однимъ изъ преемниковъ котораго былъ св. Стефанъ Сурожскій, признаваемый за одно и тоже лицо съ Стефаномъ, епископомъ Сугдейскимъ, участвовавшимъ во второмъ Никейскомъ Соборѣ. Городъ этотъ назывался у грековъ *Сугдайя* или *Сугдейя*, у восточныхъ же писателей *Сурдагъ* или *Суракъ*, откуда вѣроятно и произошло древне-русское названіе *Сурожъ*, подъ которымъ онъ былъ хорошо извѣстенъ нашимъ предкамъ, какъ это доказываютъ наши древнія лѣтописи и Слово о Полку Игоревѣ.

Уже и въ тѣ отдаленные вѣка существовала постоянная связь между крымскимъ побережьемъ и жителями русскихъ равнинъ и Игорь Рюриковичъ, въ своемъ договорѣ съ греками въ 945 году, говорилъ о правахъ русскихъ князей на херсонесскіе города, но не одни русскіе лѣтописцы смотрѣли на берега Азовскаго моря,

какъ на родные, давно знакомые древней Руси. Итальянскіе географы XIV вѣка изображали на своихъ картахъ въ Азовскомъ морѣ, недалеко отъ Азова, городъ Rossia, или Casal di Rossi (русская деревня). Объ этомъ городѣ Rossia весьма точно говорятъ и арабскіе писатели Эдризи и Ибенъ-Саидъ. Рубруквисъ *) на томъ же мѣстѣ описываетъ русское селеніе. Генуэзцы въ 1170 году обязались по договору съ греками не приставать къ Rossia; Эдризи и Ибенъ-Саидъ упоминаютъ Русскую рѣку, а Несторъ говоритъ въ своей лѣтописи, что Днѣпръ изливался тремя рукавами въ Русское море. Такъ какъ долгое время смѣшивали Борисѳенъ (Днѣпръ) съ Дономъ, Міусомъ и даже Волгою, а Черное море съ Азовскимъ, то скорѣе всего можно предположить, что Русскимъ моремъ называлось Азовское, или Сурожское. На генуэзской картѣ 1447 года Днѣпръ дѣйствительно изображенъ впадающимъ—однимъ рукавомъ въ Азовское, другимъ въ Черное море. Другія карты XIV и XV столѣтій въ томъ же самомъ мѣстѣ представляли Fl. Rosso.

Послѣ разгрома Херсонеса Владиміромъ Сурожъ сталъ главнымъ портомъ крымскаго побережья и центромъ торговли сѣвера, востока и юга; товары же самой Индіи проходили черезъ Сурожъ; море, омывавшее его берега, называлось моремъ Сурожскимъ; купцы, торговавшіе шелковыми и другими привозными византійскими тканями, были извѣстны Москвѣ подъ именемъ сурожскихъ гостей и ихъ товаръ и гостинный рядъ

---

*) Монахъ миссіонеръ, посланный Людовикомъ Святымъ, королемъ французскимъ къ татарскому хану Мангу въ 1253 году.

сохранилъ до сихъ поръ, съ небольшимъ измѣненіемъ, это имя (Суровскій рядъ). Карамзинъ въ 3-мъ томѣ своей Исторіи говоритъ, что Россіяне, покупая соль въ Тавридѣ, привозили въ Сурожъ, или Судакъ (богатый и цвѣтущій) горностаевые и другіе драгоцѣнные мѣха, чтобъ обмѣнивать ихъ у купцовъ восточныхъ на бумажныя, шелковыя ткани и пряные коренья. Подобно другимъ греческимъ городамъ крымскаго побережья, Судакъ платилъ постоянно дань тѣмъ кочевникамъ, которымъ поочередно доставалось владѣніе Тавридой; есть извѣстіе, что Судакъ былъ даже столицею Половцевъ, или Комановъ, и что въ XIV столѣтіи (1322 г.) онъ окончательно покоренъ татарами. Это послѣднее нашествіе на вѣки потрясло могущество Судака; многочисленные храмы его были разрушены или превращены въ мечети, жители разбѣжались и опустѣлый городъ сдѣлался вскорѣ добычей генуэзцевъ. Въ 1365 году они присоединяютъ его къ своимъ владѣніямъ, переименовавши греческую Сугдайю въ итальянскую Сольдайю и придавивъ греческую церковь въ пользу своей латинской. Вмѣстѣ съ самостоятельностью и торговой жизнью угасла и жизнь религіозная; церкви Судака, которыхъ насчитывали до сотни, опустѣли или разрушились; латинскіе епископы замѣнили греческихъ митрополитовъ, а судакскіе греки были причислены къ сосѣдней готеской епархіи, между тѣмъ какъ до того времени греки самой Кафы, Ялты и другихъ мѣстъ подчинялись митрополиту Сугдайи.

Къ этой эпохѣ относится легенда о царицѣ Ѳеодорѣ, кинувшейся съ крѣпости въ море, чтобъ не попасть въ плѣнъ къ генуэзцамъ, почему верхнюю башнюназы-

ваютъ Кызъ-Куле (дѣвичья башня). Но это преданіе опровергается другимъ, древнѣйшимъ; оно связано съ горой Кастелью, гдѣ, какъ говорятъ, находился любимый замокъ смѣлой царицы и гдѣ она погибла отъ измѣны своего брата, послѣ кровопролитной и долгой осады. Этой измѣнѣ легенда приписываетъ побѣду генуэзцевъ, а старожилы Судака въ XIV столѣтіи разсказывали Броневскому, что жители Кафы воспользовались междоусобіями какихъ-то сварливыхъ греческихъ князьковъ, управлявшихъ тогда Судакомъ, и присоединили къ себѣ городъ и 18 селеній, ему принадлежавшихъ. Все это заставляетъ думать, что уцѣлѣвшія теперь башни и стѣны Судака—памятники генуэзскаго, а не греческаго владычества, тѣмъ болѣе, что изъ сохранившихся на нѣкоторыхъ башняхъ надписей на каменныхъ плитахъ, оказывается, что въ 1385 году генуэзцы стали строить вокругъ Судака укрѣпленія, которыя были окончены только въ 1414 году; слѣдовательно постройка ихъ продолжалась около 30 лѣтъ и нѣтъ сомнѣнія, что генуэзцы сильно укрѣпили Солдайю и, уничтоживъ ея торговое значеніе въ пользу разроставшагося могущества Кафы, воздвигли на ея скалахъ грозную твердыню, состоящую изъ трехъ крѣпостей, сдѣлавъ такимъ образомъ изъ Судака укрѣпленный пунктъ генуэзской колоніи и попутную стоянку генуэзскихъ кораблей.

Внутренняя жизнь сугдайскихъ гражданъ въ эту эпоху была крайне тревожна и необезпечена; интересы форта были на первомъ планѣ и городъ былъ поставленъ въ строго-военное положеніе; *) имъ управлялъ

*) Очерки Крыма Евг. Маркова, стр. 309—314.

консулъ генуэзецъ и его помощниками были два коменданта: одинъ—крѣпости св. Креста, другой—крѣпости св. Иліи, тоже итальянцы; все гражданское чиновничество Судака состояло изъ одного нотарія, изъ торговаго пристава и письмоводителя не изъ гражданъ Сольдай. Всѣ эти лица зависѣли отъ Кафы, бывшей въ это время средоточіемъ всѣхъ черноморскихъ колоній и въ свою очередь зависящей вполнѣ отъ своей метрополіи, которая болѣе заботилась о своихъ коммерческихъ выгодахъ, чѣмъ о жизненной прочности колоній. Полное недовѣріе ко всѣмъ и ко всякому—было душою правительственной системы; всѣ промыслы и доходы были на откупу: былъ откупъ съѣстныхъ припасовъ, откупъ лѣса, травы, зелени, даже угля. Чиновники были болѣе на кормежѣ, чѣмъ на жалованьи. Генеральные синдики Кафы могли призывать къ своему суду всѣхъ консуловъ и чиновниковъ Чернаго моря, кромѣ консула Кафы и наказывать ихъ; викарій и другіе чиновники консула могли быть наказываемы даже тѣлесно. Этихъ синдиковъ и самого консула контролировали еще четыре другихъ синдика. Послѣдніе были только генуэзцы; они имѣли право пытки, на ихъ рѣшеніе апелляціи не было и особа ихъ была священна. Что касается до гражданъ, то наказаніе ихъ не было рѣдкостью, такъ какъ по уставу всякое наказаніе составляло узаконенную и постоянную доходную статью полицейскаго пристава, получавшаго за каждаго повѣшеннаго, обезглавленнаго, клейменаго, или за отрѣзаніе какого-либо члена опредѣленную плату. Понятно, что подобный общественный строй генуэзскихъ колоній, подтачивая ихъ внутренній бытъ безправіемъ и безнравственностью,

лишая ихъ всякой патріотической энергіи и духа иниціативы, оставлялъ ихъ безсильными въ борьбѣ съ страшнымъ племенемъ, овладѣвшимъ Византіею. Въ 1475 году Кафа раззорена турецкими полчищами Махмеда II; прочія генуэзскія поселенія, въ томъ числѣ и Солдайя, подвергаются той же участи. Броневскій, встрѣтившій въ этомъ городѣ, сто лѣтъ спустя, греческаго митрополита, со словъ его передаетъ слѣдующія подробности объ этомъ печальномъ событіи. *) По сдачѣ города Туркамъ, говоритъ онъ, около тысячи человѣкъ отборныхъ воиновъ оборонялись въ нижней крѣпости, но наконецъ, затворившись въ большой церкви, всѣ тамъ погибли. Турки заложили камнями двери и окна этой церкви, гдѣ трупы убитыхъ еще лежали безъ погребенія, какъ говорили Броневскому, который однако не могъ удостовѣриться въ справедливости этого разсказа, такъ какъ турецкій комендантъ не позволилъ ему войти въ эту церковь. Городъ, продолжаетъ Броневскій, пострадалъ менѣе крѣпости отъ времени и нерадѣнія людей. Онъ засталъ въ немъ значительную таможню, прекрасные сады и виноградники, воздѣлываемые въ окрестностяхъ города турками, христіанами и евреями на пространствѣ болѣе чѣмъ на двѣ мили; въ позднѣйшее время (въ XVIII столѣтіи) нѣкоторые путешественники, упоминая о Судакѣ, говорятъ, что его жители весьма успѣшно занимались винодѣліемъ, а фельдмаршалъ Минихъ въ своемъ дневникѣ отдаетъ преимущество надъ всѣми крымскими винами—вину, добываемому около Судака, хотя прибавляетъ, что оно какъ по цвѣ-

*) Брунъ, часть II, стр. 155-я. Матеріалы для исторіи Сугдеи.

ту, такъ и по вкусу подходило къ хорошему сорту саксонскихъ винъ.

По присоединеніи Крыма къ Россіи правительство, заботясь объ успѣхахъ винодѣлія въ этой мѣстности, поручило знаменитому ученому Палласу въ 1804 году учредить въ Судакской долинѣ училище винодѣлія, которое, по продажѣ Палласомъ своихъ собственныхъ виноградниковъ, поступило въ вѣдѣніе Таврическаго губернатора и оставалось въ его вѣдѣніи, пока не было закрыто въ 1830 году. Мнѣ показывали бывшій домъ и погребъ Палласа, но они теперь принадлежатъ наслѣдникамъ г. Рудзевича и ничѣмъ не отличаются отъ домовъ прочихъ садовладѣльцевъ Судака, которые почти всѣ погружены въ тихую дремоту, или точнѣе сказать въ непробудный сонъ кладбища. Даже и море въ тотъ день, который я провела здѣсь, лежало недвижной, бѣлой пеленой и только къ вечеру немного оживилось; на горизонтѣ и ближе къ берегу показались рыбачьи лодки; бѣлый парусъ, какъ крыло морской чайки, кой-гдѣ мелькалъ между ними, исчезалъ въ синей глуби волнъ, снова появлялся и скрывался за высокой, выдающейся скалой у подножія Кушъ-Каи, или Соколъ-горы. Здѣсь находился въ древности греческій и потомъ генуэзскій портъ, который татары называютъ теперь Судагъ-Лиманъ; глубокій и защищенный съ трехъ сторонъ высокими скалами, этотъ портъ представляетъ хорошее якорное мѣсто, даже и для большихъ судовъ и болѣе удобенъ и лучше защищенъ отъ бурь, чѣмъ нынѣшняя судакская гавань, лежащая на востокѣ отъ бывшей крѣпости. У самой гавани пріютился рыбный заводъ, снабжающій весь Судакъ рыбою. Это един-

ственное мѣсто около берега, гдѣ замѣчаются признаки жизни; вечеромъ тамъ блестятъ огоньки и слышатся рыбацкія пѣсни; далѣе по берегу замѣтны слѣды древнихъ построекъ и недалеко отъ нихъ въ ущельи, идущемъ отъ моря къ нижней части крѣпости, развалины небольшой церкви; на стѣнахъ ея, какъ говорятъ, еще видны 12 ликовъ, нарисованныхъ фреско; лица стерлись, но можно различить цвѣта одежды; предполагаютъ, что это изображенія 12-ти апостоловъ *). И такъ, вотъ все, что осталось отъ прежняго богатства и величія знаменитой Солдайи: нѣсколько полуразрушенныхъ башенъ, груды поросшихъ сорными травами камней и кругомъ ничѣмъ невозмутимая тишина могилы. Она давила меня какъ тяжелый камень, грустныя мысли овладѣвали мной и, несмотря на чудную лунную ночь, на красиво освѣщенное море, на величавые силуэты окружающихъ горъ, я была рада выѣхать изъ Судака и испытывала чувство похожее на то, которое долженъ былъ испытывать заблудившійся путникъ волшебной сказки, выбравшись наконецъ изъ заколдованной пустыни. Судакъ единственное мѣсто въ Крыму, которое произвело на меня тяжелое впечатлѣніе и оставило въ душѣ чувство страшнаго запустѣнія, одиночества, грусти,—то, что нѣмцы называютъ ünheimlich.

Кизильташскій монастырь и дорога до Өеодосіи.

Если прибрежная часть Судака пустынна и мрачна, за то долины окружающія горы въ высшей степени кра-

---

*) Путеводитель по Крыму Сосногоровой, стр. 319.

сивы, свѣжи и привлекательны. Солнце еще не всходило, когда мы выѣхали изъ гостинницы и вся окрестность была объята густымъ туманомъ. Ибрамъ сбылъ безпокоившій его чемоданъ какому-то извощику, обѣщавшему его въ цѣлости доставить на другой день въ Ѳеодосію, въ Крымскую гостинницу; я записала имя извощика и была вполнѣ увѣрена, что чемоданъ не исчезнетъ, какъ это могло бы легко случиться, не имѣя другаго ручательства въ честности доставителя кромѣ увѣренія Ибрама. „Я его знаю“, говорилъ онъ, „видѣлъ „два раза въ *Ѳедосьи*; онъ не украдетъ чемоданъ твой, „барина. А мы теперь поѣдемъ прямо въ *Ѳедосью*; въ „Кизильташъ нельзя ѣхать; вчера пріѣхали оттуда на „мажары, по дорогѣ большіе камни лежатъ; кучеръ „также татаринъ, сказалъ не проѣдешь, экипажъ сло„маешь.“

— А мнѣ вчера говорили въ гостинницѣ, что съ трудомъ, а проѣхать можно. Авось камни не загородятъ намъ совсѣмъ дороги. Мы пойдемъ пѣшкомъ, а ты какъ нибудь проѣдешь съ твоей умной тройкой.

„Охъ, барина, не надо ѣхать въ Кизильташъ. У ме„ня и такъ голова болитъ. Что будешь дѣлать, если „дорога *нима*. Назадъ ѣхать опять въ Таракташъ и „*Эльбузла*; большой кругъ будетъ.“

— Ну, не упрямься, Ибрамъ, поѣзжай въ Кизильташъ, а тамъ увидимъ, что будетъ. Дамъ хорошо на чай, если довезешь насъ исправно. Чемоданъ нашъ ты спустилъ, теперь тебѣ сидѣть покойно, не свалишься.

Этотъ послѣдній аргументъ кажется убѣдительно подѣйствовалъ на татарина, и когда мы проѣхали малый Таракташъ, онъ взглянулъ съ сожалѣніемъ на дорогу,

по которой мы ѣхали наканунѣ и взялъ направо, мимо большаго Таракташа, прямо въ гору. Дорога, въ началѣ каменистая, лѣпится по обрыву горы вдоль горной рѣчки, потомъ подымаясь все выше, идетъ превосходнымъ густымъ лѣсомъ. Этотъ лѣсъ не такъ старъ, какъ тотъ, по которому мы взбирались въ Космодаміановскую киновію; въ этой мѣстности болѣе влаги, болѣе разнообразія деревьевъ и растительности. Скалы тутъ, но онѣ исчезаютъ въ зеленой листвѣ; покрытыя свѣжими вѣтвями, онѣ не кажутся такими грозными, неподвижными. Въ чащѣ лѣса бѣгутъ узенькія дорожки, протоптанныя чобанами; *) на нихъ ударяетъ солнце какимъ-то мягкимъ, зеленымъ свѣтомъ и тянутся онѣ вдоль изумрудной ткани густой травы какъ золотыя, нескончаемыя нити. Наша коляска ныряетъ изъ одной лѣсной лощины въ другую; вѣтви лѣзутъ въ экипажъ, ударяютъ терпкихъ лошадей, чуть не выстегиваютъ имъ глаза, но онѣ не обращаютъ вниманія на цѣпляющіе ихъ кусты и ломятся прямо въ лѣсъ, пригиная за собой молодую поросль; насъ окружаютъ лабиринты стволовъ и вѣтвей, ліаны сплетаются надъ нами воздушными гирляндами, стелятся по узкой дорогѣ зелеными путами; кругомъ насъ жизнь, свѣжесть, тѣнь, сочныя травы, пахучія орхидеи, растенія, какихъ я нигдѣ и никогда не видала, пестрятъ темный лѣсъ, оживляютъ, украшаютъ его, переростая высокіе кусты, обвивая мохнатые стволы. Природа ликуетъ и намъ весело здѣсь въ этомъ пустынномъ лѣсу, въ сумрачной тѣни его густой листвы. Но вотъ на дорогѣ въ

*) Чобанъ по татарски пастухъ.

мрачной лощинѣ возвышается бѣлый мраморный памятникъ, осѣненный высокимъ, деревяннымъ крестомъ. На немъ вьется дикій виноградъ, ниспадая гирляндами до самой земли и скрывая своими широкими листьями надпись, вырѣзанную въ мраморѣ. Дорога была такъ дурна, что мы шли пѣшкомъ и я прочла въ довольно безграмотныхъ строкахъ, начертанныхъ на памятникѣ, что здѣсь былъ убитъ въ 1866 году Парѳеній, игуменъ Кизильташскаго монастыря, таракташскими татарами. Вотъ что мнѣ разсказалъ объ этой кровавой драмѣ іеродіаконъ, съ которымъ мы встрѣтились потомъ въ монастырѣ. Онъ шелъ изъ Кіева на Аѳонъ и по пути зашелъ въ Кизильташскій скитъ, въ которомъ не жилъ уже давно. „Я былъ тогда здѣсь послушникомъ", говорилъ онъ, „и хотя этому прошло уже семнадцать лѣтъ, „я помню всѣ подробности звѣрскаго убійства, какъ „будто бы это случилось вчера. О. Парѳеній былъ уже „много лѣтъ настоятелемъ здѣшней киновіи; когда онъ „поступилъ, здѣсь была только пещера со святымъ ис„точникомъ, старая деревянная церковь во имя Св. „Стефана Сурожскаго, да двѣ, три плетеныя мазанки „для братіи. Онъ все добылъ, все устроилъ: каменную „церковь, двѣ гостинницы, келліи, разныя службы, пло„довый садъ, виноградники; между горъ, на полянахъ, „засѣвалъ хлѣбъ, который обмолачивалъ и мололъ на „своей мельницѣ; лошади, коровы паслись кругомъ мо„настыря и выше въ горахъ, на лѣсныхъ луговинахъ; „скота было столько, что обитель продавала часть его „въ Судакѣ, употребляя вырученныя деньги на другія „потребности. О. Парѳеній былъ не только прекрасный „хозяинъ и неутомимый работникъ (онъ самъ работалъ

„больше насъ всѣхъ въ полѣ и въ садахъ), но не бы-
„ло вещи, которой онъ не съумѣлъ бы сдѣлать самъ,
„или указать работнику. Въ окрестности всѣ обраща-
„лись къ нему за совѣтами, всѣ любили и уважали его,
„но зная его строгость и горячій нравъ, боялись, осо-
„бенно татары не смѣли рубить лѣсъ, принадлежавшій
„монастырю и опасались его вліянія на нѣкоторыхъ
„жителей Судака, съ которыми они постоянно имѣли
„дѣла, арендуя ихъ сады, или управляя ихъ виноград-
„никами. Никогда не бывало здѣсь столько богомоль-
„цевъ, какъ въ послѣдніе годы жизни о. Парѳенія; онъ
„исправилъ дороги и 15 верстъ, отдѣляющія киновію
„отъ Судака, казались прогулкой, а не труднымъ пу-
„темъ, какъ вы испытали это на дѣлѣ," прибавилъ
разскащикъ, улыбаясь. „Въ страшный день его кончи-
„ны онъ возвращался одинъ верхомъ изъ Судака, ча-
„са въ четыре дня. Два татарина, богатые и вліятель-
„ные жители Таракташа, за что-то на него сердились
„и поклялись ему отомстить. Они подговорили еще
„двухъ своихъ родственниковъ и вооруженные ружьями
„подстерегли его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь
„поставленъ памятникъ. Когда о. Парѳеній поравнялся
„съ ними, они выстрѣлили въ него; раненый, онъ упалъ
„съ лошади; тогда убійцы выскочили изъ засады и за-
„кололи его кинжалами, также и коня его, потомъ ста-
„щили ихъ въ глубокую, глухую балку и сожгли въ ней
„на кострѣ. Видя, что о. игуменъ не возвратился въ
„обычное время въ обитель, братія подумала, что онъ
„остался ночевать въ Судакѣ, но когда на другой день
„узнали, что онъ уѣхалъ оттуда, весь монастырь бро-
„сился искать его повсюду; каждый оврагъ, каждая

„лѣсная дебрь были осмотрѣны и до сихъ поръ не могу понять, какъ мы не попали на ту балку, гдѣ трупъ „его былъ сожженъ. Вся полиція уѣзда была на ногахъ, „но всѣ розыски кончились ничѣмъ; о. игуменъ пропалъ „безъ вѣсти, словно канулъ въ воду. Прошло уже нѣ„сколько времени, убійцъ никто не подозрѣвалъ и вѣ„роятно они остались бы ненаказанными, еслибъ самъ „Богъ не открылъ ихъ злодѣянія. Къ таракташскому „старшинѣ пришелъ таракташскій мальчикъ лѣтъ 16-ти „и указалъ на убійцъ, говоря, что онъ видѣлъ, какъ „они сжигали въ балкѣ русскаго попа, что онъ узналъ „его по длиннымъ волосамъ, которые еще не сгорѣли, „когда онъ спустился въ балку, отыскивая свою буй„волицу и увидалъ костеръ и что творилось на немъ. „Убійцы, увидавъ себя въ его власти, хотѣли убить, но „потомъ отпустили, обѣщавъ, въ случаѣ измѣны, погу„бить не только его, но весь домъ и весь его родъ. „Долго крѣпился мальчикъ, связанный злодѣями страш„ной клятвой; но наконецъ, мучимый совѣстью и появ„леніемъ по ночамъ окровавленной тѣни убитаго стар„ца и удрученный съ тѣхъ поръ страшнымъ недугомъ „(его стало корчить и сводитъ всѣ члены) онъ рѣшил„ся открыть всю истину, готовый понести заслуженное „наказаніе, лишь-бы избавиться отъ тѣхъ душевныхъ „страданій, которыя испытывалъ съ тѣхъ поръ какъ „ему стала извѣстна ужасная тайна. Старшина сначала „колебался, но наконецъ объявилъ обо всемъ полиціи. „Убійцы были схвачены и отвезены въ Ѳеодосію, гдѣ „трехъ изъ нихъ повѣсили, а четвертаго, очень еще „молодаго, сослали на каторжныя работы. Хотя найде„ны были въ указанной мальчикомъ балкѣ кости, пе-

„пелъ и слѣды крови, а у убійцъ нашли вещи принад-„лежавшія о. Парѳенію, осужденные татары запирались „во всемъ и не признали себя виновными даже и подъ „петлею“, окончилъ свой разсказъ, со вздохомъ, странствующій монахъ.

Народная фантазія примѣшиваетъ много небылицъ къ этой страшной исторіи и каждый мѣстный житель, проводникъ или возница разскажетъ вамъ ее съ своими прибавленіями и комментаріями; если онъ христіанинъ— типичная личность кизильташскаго игумена выступаетъ благоговѣйно украшенная свѣтлымъ вѣнцомъ мученика, если онъ татаринъ—въ его воображеніи убійство, опозорившее его единоплеменниковъ, сопряжено съ сверхъестественнымъ ужасомъ и онъ, блѣднѣя, разскажетъ вамъ, что по вечерамъ проѣзжіе, лѣсничіе и дровосѣки постоянно слышатъ въ страшномъ оврагѣ ружейные выстрѣлы и громкіе стоны.

Нашъ кучеръ, уроженецъ Бахчисарая, вѣроятно не зналъ о мѣстной легендѣ, или не хотѣлъ говорить о печальномъ событіи; онъ равнодушно взглянулъ на памятникъ и обратилъ все свое вниманіе на громадные камни, загораживающіе дорогу, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него.

„Ну какъ тутъ проѣдешь, барина?“... съ отчаяніемъ въ голосѣ крикнулъ онъ, и со всего размаха ударилъ по лошадямъ; онѣ взвились и буквально перелетѣли черезъ одинъ камень, черезъ другой, черезъ третій; коляска скакала за ними и дребезжала рессорами, колесами, фонарями,—всѣмъ что въ ней было металлическаго. Я не на шутку струсила и начала жалѣть о своемъ упрямствѣ. Послѣ этихъ огромныхъ камней на

дорогѣ явились какія-то гигантскія, гранитныя ступени, и по нимъ-то умныя лошади, собравъ почти вмѣстѣ всѣ свои четыре ноги, то спрыгивали съ одной ступени на другую, то скользили на своихъ гладкихъ подковахъ, какъ на салазкахъ; за ними не отставая, но отчаянно кидаясь изъ стороны въ сторону, скакала и скользила коляска. Ибрамъ давно сошелъ съ козелъ и предоставивъ Аллаху судьбу лошадей и экипажа, безпомощно смотрѣлъ на эту удивительную эквилибристику. Ни въ одномъ циркѣ конечно ни одинъ наѣздникъ не согласился бы выдѣлывать и половины тѣхъ штукъ, которыя по неволѣ выдѣлывали его татарскіе кони. Наконецъ спускъ кончился, послышался страшный трескъ и лошади остановились, какъ вкопанныя, на краю глубокаго обрыва. Ибрамъ и мы побѣжали къ нимъ. Я была увѣрена, что рессоры лопнули и что намъ придется идти пѣшкомъ до монастыря. Но все оказалось благополучнымъ; подушки, мѣшки, всѣ прочія пожитки лежали въ безпорядкѣ на полу коляски; какія-то желѣзки стояли торчкомъ около козелъ, постромка у лѣвой пристяжной была оторвана и Ибрамъ привязывалъ ее кой-какъ веревочкой, которая нашлась у меня въ карманѣ; на спинѣ коренной была большая царапина, лѣвая пристяжная сильно хромала, а бѣдный Ибрамъ, изнемогая отъ жара и волненья, съ трудомъ усаживался на козлы.

„Ну, барина“, сказалъ онъ, когда мы сѣли въ коляску, „проѣхали!... А голова болитъ какъ!!!!... думаю, „ударъ будетъ.“

Я только тогда поглядѣла на него и ужаснулась; лицо было багровое, глаза налились кровью, подъ шапкой

висѣлъ бумажный красный платокъ, смоченный водой, изъ близъ текущаго ручейка; онъ едва держалъ возжи; я боялась, что съ нимъ точно будетъ ударъ и вспомнивъ, что со мной была гомеопатическая аптечка, дала ему 5 капель аконита на сахарѣ, зная что онъ уменьшаетъ жаръ.

Было еще рано, только десятый часъ, но солнце страшно жгло. Съ тѣхъ поръ какъ мы выбрались изъ чащи лѣса и шли пѣшкомъ по страшному, описанному мной спуску. жаръ былъ невыносимъ и я не могла дождаться конца нашего путешествія. Когда мы были на вершинѣ горы, господствовавшей надъ окрестностью, Кизильташская киновія выглянула на минуту изъ моря лѣсовъ, но сейчасъ же снова скрылась за лѣсными горами и красными *) скалами, возвышающимися исполинскимъ амфитеатромъ вокругъ пустынной обители. На вершинѣ двухъ высочайшихъ утесовъ виднѣлись два креста; говорятъ, что они огромны, но намъ они казались свитыми изъ тончайшей проволоки, и едва замѣтны на синемъ небѣ, по которому въ эту минуту плавно кружили орлы. Эти кресты служатъ издали маякомъ для богомольцевъ, пробирающихся къ монастырю глухими лѣсными тропинками. Третій крестъ осѣнялъ темную скалу пониже; въ ней виднѣлась большая впадина и спускалась неправильными поворотами черная, узкая щель; я думала, что это природная трещина въ утесѣ, но потомъ, бывъ въ монастырѣ, я поднялась по этой щели (живописная и предлинная лѣстница) до самой впадины, которая оказалась пещерой съ

*) Кизильташъ по-татарски красный камень, красный утесъ.

полинялыми благочестивыми фресками и вѣчно журчащимъ источникомъ. Еще пониже виднѣлись разбросанные среди лѣса верхи монастырскихъ зданій и куполъ маленькой церкви. Теперь же, когда мы приближались къ самому монастырю, насъ снова охватила лѣсная тѣнь, мертвая тишина царствовала кругомъ и прерывалась только журчаньемъ воды, бѣжавшей по канавкамъ въ монастырскій прудокъ и звонкимъ трескомъ цикады; *) она въ этотъ ранній часъ только еще начинала свои однообразныя трели, сберегая для жгучаго полдня всю силу своихъ оглушающихъ нотъ. Дорога была хороша и мы ѣхали скоро. Въ густомъ лѣсу стояло нѣсколько строеній: гостинницы, скотный дворъ, конный дворъ, птичникъ; но всѣ эти постройки казались запущенными и въ небреженіи; огромные дубы, окружающіе ихъ, одни придавали имъ нѣкоторую прелесть. Мы вышли изъ коляски и стали взбираться по крутой лѣсной дорожкѣ къ верхнему монастырю. Новая деревянная гостинница съ крытымъ балкономъ кругомъ встрѣтила насъ. Мы попросили самоваръ и какого нибудь супу: служитель въ лиловой шерстяной блузѣ принесъ намъ самоваръ и вмѣсто супу какую-то отвратительную жижицу съ постнымъ масломъ и съ плавающими зелеными листьями капусты. Настоятеля не было дома, монахи работали, кто въ полѣ, кто на огородѣ; наконецъ одного отыскали и онъ пошелъ съ нами въ новый храмъ, несоотвѣтствующій своей архитектурой весьма обыкновенной, той прелестной и оригинальной мѣстности, гдѣ онъ построенъ. Мнѣ гораздо больше понравилась кро-

*) Родъ кузнечика.

шечная церковь, во имя св. Стефана Сурожскаго, построенная первоначально, какъ предполагаютъ, въ VIII вѣкѣ, но возобновленная съ тѣхъ поръ въ 1853-мъ году; она кажется очень ветхой, съ одной стороны покачнулась на бокъ и куполъ ея, не знаю почему, раскрытъ, такъ что въ отверстіе видно небо. Здѣсь служатъ только одинъ разъ въ годъ—15 декабря въ память св. Стефана Сурожскаго, епископа сугдайскаго. Въ монастырѣ не нашлось ни описанія киновіи, ни житія св. Стефана, но вотъ что мнѣ сообщилъ о немъ монахъ, который намъ отперъ церковь: „По Четьи-Минеямъ намъ извѣстно, что св. Стефанъ былъ родомъ „изъ Кападокіи и при патріархѣ св. Германѣ пришелъ „въ Константинополь для своего образованія. Его успѣ„хи въ наукахъ и благочестіе обратили на него внима„ніе патріарха, который полюбилъ его и приблизилъ къ „себѣ. Но вскорѣ онъ удалился въ монастырь и жилъ „въ уединеніи, какъ полагаютъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, „въ лѣсу около цѣлебнаго источника, гдѣ подвизался „въ постѣ и молитвѣ. Черезъ 30 лѣтъ послѣ его отре„ченія отъ міра угодно было Богу призвать его на но„вый подвигъ. Въ Сурожѣ скончался епископъ и пат„ріархъ Германъ вызвалъ св. Стефана изъ уединенія и „поставилъ его епископомъ на мѣсто умершаго. Въ ко„роткое время святой окрестилъ весь городъ и боролся „противъ лжеученія еретиковъ въ Сурожѣ. Когда же „греческій императоръ Левъ Исавріянинъ поднялъ ико„ноборство и изгналъ патріарха, св. Стефанъ отправил„ся въ Царьградъ и въ глаза обличалъ нечестиваго ца„ря и его совѣтниковъ, за что и былъ посаженъ въ „темницу. По смерти императора Льва, по просьбѣ суп-

„руги императора Константина, которая была дочь кор„чевскаго князя и слышала еще въ своемъ отечествѣ о „св. Стефанѣ, ему была возвращена свобода и онъ вер„нулся въ Сурожъ, гдѣ вскорѣ скончался и былъ погре„бенъ въ алтарѣ церкви св. Софіи, поставивъ еще при „жизни на свое мѣсто епископомъ своего келейника Фи„ларета. Въ теченіи всей своей жизни св. Стефанъ от„личался рѣдкимъ милосердіемъ; въ юности роздалъ все „свое имѣніе бѣднымъ и до самой смерти заботился о „нищихъ, сирыхъ и убогихъ. Взгляните на эту икону,“ продолжалъ монахъ, указывая на большой образъ, въ серебряной ризѣ: „она изображаетъ святаго, а у ногъ „его рыдающаго человѣка; она написана въ память чу„да, совершившагося въ Сурожѣ послѣ кончины св. Сте„фана. Во время отпѣванія къ гробу приблизился слѣ„пой и, призывая святаго съ плачемъ и рыданіемъ, гово„рилъ: „кто теперь безъ тебя будетъ кормить меня, „Святый Отче?“ Онъ приникъ къ его ногамъ, лобызалъ „ихъ и просилъ Бога послать ему смерть, такъ какъ „лишившись своего благодѣтеля, онъ лишился всего. Но „тогда совершилось чудо: Въ ту минуту, какъ священ„нослужители хотѣли закрыть гробъ и удалить слѣпаго, „онъ внезапно прозрѣлъ. Такимъ образомъ проявилась „милость Божія къ святому и прославила его нетолько „тогда передъ всей землей сурожской, но и теперь въ „большемъ числѣ богомольцевъ, стекающихся въ эту „обитель ко дню его святой кончины черезъ цѣлое ты„сячелѣтіе.“

Въ этой маленькой, убогой церкви привлекаютъ вниманіе очень красивый, древній образъ святой Троицы, икона св. Стефана и замѣчательныя царскія двери въ

иконостасѣ; онѣ очень низки, деревянныя, выкрашенныя темно-синей краской и по серединѣ изображена рука, какъ-будто замыкающая обѣ половинки; вѣроятно эта рука имѣетъ какое-нибудь мистическое значеніе и изображалась на царскихъ вратахъ только въ самыя отдаленныя времена христіанства.

Выйдя изъ церкви, мы поднялись въ пещеру, о которой я говорила выше; въ ней очень сыро и мрачно, но паденіе воды черезъ верхнее отверстіе скалы очень оригинально; падая, вода образуетъ въ пещерѣ небольшой бассейнъ и вытекаетъ изъ нея прозрачнымъ ручьемъ. Въ пещерѣ монахъ показалъ намъ бѣлую мраморную плиту, на которой изсѣченъ ликъ какого-то святаго; до устройства церкви, съ давнихъ временъ, плита эта замѣняла алтарь и на ней, говорятъ, совершалась обѣдня. Видъ съ высшей ступеньки лѣстницы внизъ, восхитителенъ. Монахъ показалъ намъ оттуда вершину горы, съ которой мы спускались въ монастырь, прибавивъ, что онъ никогда не воображалъ, чтобъ по этой ужасной крутизнѣ можно было спуститься въ экипажѣ тройкой. Издали дорога кажется совершенно отвѣсной полоской, проведенной съ вершины до подножія громадной скалы и глядя на нее, черезъ раздѣляющія насъ пропасти и утесы, я невольно содрагалась, думая, чѣмъ могла бы кончиться наша безумная отвага.

Монахъ говорилъ мнѣ, что дорога въ Ѳеодосію несравненно лучше той, по которой мы пріѣхали изъ Судака, но напуганный Ибрамъ съ своей страшной головной болью, не давалъ намъ покою и только что мы сошли съ нескончаемой лѣстницы, онъ сталъ умолять меня, несмотря на жаръ (было два часа) сейчасъ же отправить-

ся въ путь; онъ видимо боялся заболѣть серьезно и не доѣхать засвѣтло до Ѳеодосіи, до которой онъ считалъ еще 40 верстъ.

Отъ Кизильташа до Отузъ мы ѣхали ровно два часа; сперва насъ окружали со всѣхъ сторонъ высокія горы всевозможныхъ формъ, цвѣтовъ и оттѣнковъ; дорога была сносная и мы безъ большаго утомленія доѣхали до Отузской долины. Она разстилается до самаго моря и оканчивается двумя мысами, съ восточной стороны мысомъ *Карадагъ*, а съ южной мысомъ *Чакла*. Между ними довольно большой заливъ, на берегу котораго Кеппеномъ были изслѣдованы остатки береговыхъ укрѣпленій и въ одномъ мѣстѣ часть стѣны и слѣды башень, которые видны еще и теперь, также и развалины древней церкви на скалѣ *Кильсе-Кая*, т. е. церковная скала; тутъ же существуетъ небольшая тѣснина, по пути изъ деревни къ морю, именуемая *Ялы-Богазъ*; это названіе напоминаетъ о Каллитѣ, или Галитѣ, по словамъ нубійскаго географа Эдризи, первое обиталище Комановъ или Половцевъ, доказывающее, что жилища Готовъ простирались къ востоку еще за Судакъ. Г-нъ Бларамбергъ признаетъ въ Отузскомъ укрѣпленіи слѣды Хавона, одной изъ трехъ Тавро-Скиѳскихъ крѣпостей, которыми владѣлъ Скилуръ, а по другимъ свѣдѣніямъ можно предположить, что здѣсь находился городъ Фулла, по которому греческій митрополитъ, или епископъ Судака назывался Сугдео-Фулльскимъ. Во всякомъ случаѣ крѣпость, здѣсь лежащая, примѣчательна тѣмъ, что она съ полуденной стороны горъ крайняя къ вос-

току. *) Во время владычества турокъ Отузская долина славилась своими винами и богатыми садами; слово Отузъ значитъ „тридцать“ и татары говорятъ, что здѣсь находилось дѣйствительно тридцать деревень, слѣды которыхъ замѣтны и теперь. Въ настоящее время мѣстоположеніе деревни Отузъ очень живописно и домики садовладѣльцевъ, бѣлѣющіе среди садовъ и виноградниковъ, довольно красивы.

Изъ Отузъ до деревеньки Коктебель верстъ 6-ть не болѣе; она находится въ глубинѣ долины, а на морскомъ берегу построенъ домикъ береговой стражи. Коктебельскій берегъ усѣянъ красивыми ракушками и камешками и жители деревни продаютъ ихъ, а также и небольшіе кусочки красной и зеленой яшмы, собираемые ими на склонѣ *Карадага*, мрачнаго утеса, замыкающаго конусообразную гряду коктебельскихъ скалъ и горный хребетъ крымскихъ горъ, отдѣляющій морской берегъ отъ остальной части полуострова почти непрерывной цѣпью на стоверстномъ протяженіи вплоть до Балаклавы и Севастополя.

Послѣ Коктебеля дорога не представляетъ ничего интереснаго; горы и море остаются за нами и мы вступаемъ въ скучную, пыльную степь. День клонился къ вечеру, лошади пріустали и мы съ нетерпѣніемъ ожидали конца нашего путешествія, желанной Ѳеодосіи. Молчаливый Ибрамъ выбираетъ какія-то проселочныя дорожки, пересѣкаетъ выжженныя солнцемъ поля, цѣликомъ ѣдетъ по вытравленнымъ лугамъ, спускается и подымается въ овраги, чтобы скорѣй добраться до

*) Кеппенъ, Крымскій сборникъ, стр. 103-я.

Султановки, отъ которой до города считають 10 верстъ прямой, почтовой дороги. Наконецъ мы въѣзжаемъ въ глубокую лощину; нѣсколько деревьевъ, довольно тощихъ окружають невзрачный домикъ; это Султановка, хуторъ богатаго овцевода, владѣющаго громадными пастбищами и большими отарами овецъ. Султановка славится своимъ фонтаномъ и обиліемъ воды; Ибрамъ подъѣзжаетъ къ самому резервуару, поитъ лошадей своихъ и обливаетъ голову холодной струей: „Теперь, барина, доѣдемъ скоро,“ говоритъ онъ и подгоняетъ кнутомъ усталую тройку. Мы на большой дорогѣ; версты начинаютъ мелькать, попадаются навстрѣчу одинокіе домики и цѣлыя деревни русскихъ переселенцевъ, по дорогѣ тянутся татарскія мажары съ сѣномъ, нѣмецкія арбы съ провизіей, греческія телѣжки съ овощами и фруктами; татаринъ въ чалмѣ и курткѣ обгоняетъ насъ на своей красивой, маленькой лошадкѣ; поджарый нѣмецъ важно возсѣдаетъ съ своей супругой на висячемъ креслѣ посреди длинныхъ, неуклюжихъ дрогъ, наконецъ усталые, запыленные пѣшеходы съ палками въ рукахъ и котомками за спинами, эти неизбѣжные предвѣстники близости всякаго города, спѣшатъ на ночлегъ къ его предмѣстьямъ. Потянуло свѣжестью, запахло моремъ и передъ нами блеснула синяя гладь залива, окаймленнаго длинной вереницей бѣлыхъ домиковъ, посреди которыхъ живописно возвышаются полуразрушенныя, темныя башни, остатки развалившейся крѣпости. На высокой горѣ, у подножія которой амфитеатромъ расположена часть города и разстилается бухта съ пристанью, карантинной древней башней, пароходами, лодками, баркасами, пестрыми купальнями, красуется боль-

шое бѣлое зданіе, напоминающее своей архитектурой греческій храмъ Тезея. Это ѳеодосійскій музей, построенный И. К. Айвазовскимъ на его собственный счетъ; мѣсто выбрано очень удачно, красивое зданіе господствуетъ надъ городомъ и видно издалека, когда подъѣзжаешь къ Ѳеодосіи съ моря и черезъ степь изъ Симферополя.

Ѳеодосія, древняя Кафа.

Нынѣшняя Ѳеодосія незначительный уѣздный городъ Таврической губерніи, имѣющій 8500 жителей и отличающійся своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ на берегу небольшаго залива Чернаго моря и прекрасными морскими купальнями.

Защищенная съ трехъ сторонъ невысокими горами ея свѣтлая, тихая бухта почти никогда не замерзаетъ, что дало возможность устроить удобныя, общественныя купальни, чего нельзя было сдѣлать въ другихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ Крыма, гдѣ сильныя волны и морской вѣтеръ постоянно уносятъ нетолько купальни, но даже каюты, построенныя на берегу моря для раздѣванія. Только въ Севастополѣ, и то въ одномъ мѣстѣ бухты, купальни устроиваются довольно удобно, но ѳеодосійскія просторнѣе, лучше и гораздо умѣреннѣе по цѣнамъ; дно въ бухтѣ—очень мелкій, мягкій песокъ, вода не такъ солона какъ въ открытомъ морѣ, но прозрачна и чиста, особенно если дуетъ южный вѣтеръ; онъ приноситъ съ собой обиліе соленыхъ веществъ, водорослей и, впрочемъ довольно рѣдко, очень

красивыя медузы; купаясь, я разъ видѣла одну изъ нихъ величиной съ чайное блюдечко, самаго нѣжнаго голубаго цвѣта; она плыла на поверхности воды, но когда я хотѣла схватить ее, чтобъ разсмотрѣть лучше, она быстро исчезла. Въ Ѳеодосіи жизнь довольно однообразна; единственное развлеченіе жителей въ лѣтній сезонъ и особенно пріѣзжихъ составляетъ купанье и безцѣльное снованіе по бульвару вдоль набережной по цѣлымъ часамъ. Въ самомъ городѣ есть еще такъ называемая ротонда; это городской садъ, гдѣ по вечерамъ, два раза въ недѣлю, при звукахъ весьма плохой музыки, толпится ѳеодосійскій beau monde, но этотъ маленькій садъ съ небольшимъ рестораномъ до того пропитанъ табакомъ и пылью, что деревья стоятъ точно напудренныя и я предпочитала по вечерамъ прогулку по набережной къ пристани. Это было довольно далеко отъ того мѣста, гдѣ мы жили, но по крайней мѣрѣ на пристани было просторно, свѣжо и тихо; было чѣмъ дышать и чѣмъ любоваться; съ одной стороны синѣла бухта, шелъ пароходъ, стоялъ русскій военный корветъ и сновало безчисленное множество пестрыхъ баркасовъ и лодокъ, съ другой амфитеатромъ раскинулись красивые домики города, большая Приморская гостинница, обширныя зданія таможни и карантина, построеннаго на мѣстѣ древней генуэзской крѣпости, стѣны и башни которой существуютъ до сихъ поръ. Высоко надъ городомъ красовался музей; подъемъ къ нему очень труденъ; онъ построенъ на крутой, совершенно обнаженной горѣ, и какъ ни стараются развести на ней деревья, ничего не принимается на этой скалистой, ‑ной солнцемъ вершинѣ. Всѣ горы, окружающія

Ѳеодосію, къ сожалѣнію, лишены всякой растительности и вслѣдствіи безлѣсья съ каждымъ годомъ въ городѣ и его окрестностяхъ чувствуется страшный недостатокъ въ водѣ; часто встрѣчаются фонтаны и колодцы совершенно высохшіе; въ городѣ хорошая вода покупается дорогой цѣной и жители, особенно зажиточные, привозятъ ее издалека; мнѣ случилось провести вечеръ у И. К. Айвазовскаго и онъ мнѣ сказалъ, что ему привозили воду въ бочкахъ изъ его имѣнія Кринички въ 23 верстахъ отъ города. Вода была безспорно прозрачна и вкусна, но каково было возить ее оттуда. Говорятъ, что приняты мѣры для облѣсенія горъ, окружающихъ Ѳеодосію, что ассигнована на этотъ предметъ отъ правительства довольно крупная сумма и что лѣсоразведеніе идетъ очень успѣшно; но я на возвышенностяхъ около города ничего не видала кромѣ жалкихъ, тощихъ деревцевъ и кустарниковъ, или совершенно голыхъ, пыльныхъ, покрытыхъ бурьяномъ и засохшей травой холмовъ. Въ теченіи двѣнадцати дней, которые я провела въ Ѳеодосіи я нѣсколько разъ ѣздила за городъ и всякій разъ пріѣзжала домой покрытая слоемъ густой пыли, утомленная длинной прогулкой по безводнымъ и безлѣснымъ окрестностямъ. Есть, правда, нѣсколько красивыхъ, загородныхъ дачъ вокругъ Ѳеодосіи, но онѣ принадлежатъ частнымъ владѣльцамъ и представляются недоступными зелеными оазами среди выгорѣвшей степи для большей части пріѣзжихъ. Я была на одной изъ нихъ, именно на дачѣ доктора Розенблюма, въ городскомъ домѣ котораго я нанимала двѣ комнаты за 2 рубля въ сутки, а ходила обѣдать въ Крымскую гостинницу, гдѣ всѣ номера были уже заня-

ты, когда мы пріѣхали. Дача доктора очень красива, въ двухъ верстахъ отъ города, на берегу моря; у него большой, удобный домъ, гдѣ онъ живетъ самъ съ своей семьей, своя купальня и два, три домика, которые онъ отдаетъ въ наемъ, но не иначе, какъ на весь сезонъ; всѣ эти домики построены въ красивомъ, тѣнистомъ саду, еще молодыхъ, но полныхъ силы деревьевъ; докторъ самъ большой любитель природы и развелъ этотъ садъ въ теченіи десяти лѣтъ; только въ крымскомъ климатѣ и на крымской почвѣ можно достигнуть въ такое короткое время такихъ блестящихъ результатовъ. Почти рядомъ съ дачей доктора прелестная дача Рукавишникова съ большимъ домомъ, красивымъ садомъ, богатыми оранжереями и прочими хозяйственными постройками. При въѣздѣ въ городъ, по симферопольской дорогѣ, бросается въ глаза своей громадностью и красивой широкой терассой домъ И. К. Айвазовскаго, напоминающій своей архитектурой итальянскія палаццо; онъ фасадомъ выходитъ на главную улицу на берегъ моря и въ связи съ другимъ большимъ домомъ, съ входомъ изъ переулка; въ послѣднемъ помѣщается картинная галлерея хозяина. Главная зала очень велика и удобна для устройства спектаклей; по ея стѣнамъ въ два яруса развѣшано довольно большое количество замѣчательныхъ картинъ нашего даровитаго мариниста, жаль только, что при галлереѣ нѣтъ каталога картинъ, тѣмъ болѣе, что между ними, кромѣ морскихъ видовъ, есть и историческіе. Одно изъ послѣднихъ произведеній Айвазовскаго меня заинтересовало, именно видъ [illegible]осіи тому назадъ сто лѣтъ. Эта картина представ[illegible] Императрицу Екатерину II, окруженную царе-

дворцами, на берегу залива; волна достигаетъ почти ея ногъ, но она не замѣчаетъ ее; взоръ царицы устремленъ на бухту, покрытую судами и лодками. За ней видны толпы народа и городъ, растянувшійся вдоль берега длинной вереницей бѣлыхъ домиковъ. Морской пейзажъ, какъ всегда у Айвазовскаго, прелестенъ и поражаетъ живостью красокъ и вѣрностью колорита; волны, небо и освѣщеніе—верхъ совершенства, воздухъ прозраченъ и кажется теплымъ, какъ настоящій воздухъ Крыма. На картинѣ представленъ тотъ моментъ, когда великая Екатерина возвращаетъ турецкому городу Кафѣ его древнее названіе Ѳеодосіи.

Кромѣ дома Айвазовскаго есть еще нѣсколько красивыхъ домовъ на набережной, мужская и женская гимназія, телеграфная станція и цѣлая улица, ведущая отъ бульвара на базарную площадь, вплоть занятая магазинами и лавками; эта улица считается главною въ городѣ, прекрасно шоссирована и обильно поливается, такъ что по ней пріятно кататься (экипажи въ Ѳеодосіи очень хороши и недороги) особенно вечеромъ, когда зажигаются всѣ фонари на улицѣ, а въ магазинахъ лампочки разныхъ цвѣтовъ, формъ и размѣровъ. Красивы также огоньки на судахъ и лодкахъ ѳеодосійскаго рейда. 22-го іюля, въ день именинъ Государыни Императрицы, всѣ суда разукрасились флагами, а вечеромъ разноцвѣтными фонариками и царскими вензелями; особенно эффектна была иллюминація на военномъ корветѣ *Воинъ*, который совершалъ въ это время свою обычную двухъ-недѣльную прогулку въ этой части Чернаго моря и угощалъ насъ всякое утро громкой пальбой изъ пушекъ до того иногда сильной, что на набережной и въ ку-

пальнѣ казалось, что обстрѣливаютъ городъ. Вообще, какъ всѣ южные города, Ѳеодосія оживаетъ только вечеромъ; днемъ все спитъ, или кажется спящимъ; ставни закрыты, маркизы спущены, балконы завѣшаны и по горячей, пыльной улицѣ, изрѣдка пробирается подъ тѣнью акацій, или вдоль выбитыхъ, очень плохихъ тротуаровъ, чиновникъ съ сверткомъ бумагъ, еврейчикъ—продавецъ разныхъ бездѣлушекъ, цыганка съ полу-одѣтыми ребятишками. Къ вечеру сонный городъ просыпается, все населеніе спѣшитъ на бульваръ, на набережную, ѣдутъ за-городъ, отправляются въ ротонду, въ клубъ, гдѣ бываютъ танцовальные вечера и любительскіе спектакли. Церквей православныхъ въ Ѳеодосіи немного, но въ соборѣ служба бываетъ всякій день. Онъ построенъ на мѣстѣ главной турецкой мечети *Султанъ Селимъ* на большой базарной площади; фундаментомъ мечети воспользовались для собора, такъ что онъ имѣетъ очень оригинальную, продолговатую форму, громадныя окна и двери и поражающій своими размѣрами, величественный иконостасъ. Мечеть была превращена въ христіанскій храмъ въ царствованіе Александра I, но вслѣдствіе малочисленности православной паствы храмъ скоро пришелъ въ упадокъ; божественная служба въ немъ прекратилась и отъ богатаго зданія остались только полуразрушенныя стѣны; кругомъ ихъ, на базарной площади, тянулись татарскія лавчонки, въ которыхъ продавалось все, даже и мясо животныхъ, убиваемыхъ въ здѣсь же устроенной бойнѣ. Императоръ Александръ II въ 1861 году посѣтилъ Ѳеодосію и былъ пораженъ этимъ запустѣніемъ; онъ прика-
...эзобновить соборъ, пожертвовавъ самъ на этотъ

предметъ значительную сумму. Черезъ 10 лѣтъ соборъ былъ оконченъ и освященъ въ его настоящемъ видѣ. Въ немъ хранятся нѣсколько старинныхъ иконъ, изъ коихъ особенно интересно изображеніе св. Николая, епископа Мирликійскаго, съ евангеліемъ. Эта каменная плита найдена въ фундаментѣ мечети при постройкѣ христіанскаго храма и принадлежитъ, какъ предполагаютъ, къ греко-визинтійской эпохѣ; ликъ святаго еще узнаваемъ, хотя каменная плита во многихъ мѣстахъ растрескалась.

Изъ старинныхъ построекъ въ Ѳеодосіи сохранились остатки прежнихъ церквей, развалины крѣпости и стѣнъ, окружающихъ городъ съ полуразрушенными, но еще очень живописными башнями; на нѣкоторыхъ улицахъ замѣтны слѣды генуэзскихъ мостовыхъ и кой-гдѣ въ постройкахъ генуэзскіе гербы, но всѣ эти остатки старины въ страшномъ небреженіи и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уничтожаются безпощадной рукой времени и невѣжествомъ равнодушныхъ къ древностямъ обывателей города. Съ 1811 года однако въ одной изъ мечетей былъ устроенъ „Музей древностей“ для сбереженія древнихъ памятниковъ, попадавшихся во множествѣ, какъ въ самой Ѳеодосіи и ея окрестностяхъ, такъ и въ керченскихъ курганахъ. Въ теченіи сорока лѣтъ въ этомъ тѣсномъ помѣщеніи хранились драгоцѣнные матеріалы для исторіи Крыма, состоящіе большей частью въ генуэзскихъ надписяхъ, и только въ 1871 г. И. К. Айвазовскій, какъ извѣстно ѳеодосійскій уроженецъ, на сумму, собранную имъ въ Петербургѣ за выставку своихъ картинъ, построилъ нынѣшнее помѣщеніе музея, о которомъ я уже говорила выше. Смежно

съ залою музея, построена часовня въ память кавказскаго героя генерала Котляревскаго, кавалера ордена св. Георгія 2-й степени, который здѣсь похороненъ. Часовня не велика и оригинальна своими окнами, представляющими георгіевскіе кресты, въ серединѣ которыхъ на стеклѣ нарисовано красками изображеніе св. Георгія Побѣдоносца. У входа въ музей поставлены два большіе каменные льва, въ лежачемъ положеніи, найденные недалеко отъ Керчи, у того мѣста гдѣ какъ предполагаютъ находилась древняя Фанагорія. *) При входѣ отставной солдатъ, сторожъ и истолкователь собранныхъ здѣсь памятниковъ, предложилъ мнѣ купить краткій указатель музея, пополняя его своими комментаріями. „Вотъ“, говорилъ сѣдовласый воинъ, „подножія и „обломки статуй греческихъ боговъ и богинь, когда Өеодосія принадлежала грекамъ; это было очень давно, до „Р. Х., а вотъ эти мраморныя плиты были на гробницахъ язычниковъ, а эти глиняные сосуды (онъ указывалъ на глиняныя *амфоры* разныхъ формъ, цвѣтовъ и „величинъ, по преимуществу красныя и черныя) служили „имъ для храненія хлѣбнаго зерна, масла, вина, плодовъ „и воды; они почти всѣ найдены около Өеодосіи, или „въ самомъ городѣ. Потомъ тутъ все ихъ игрушки и „женскія украшенія: пуговки, сережки, ожерелья, кольца, разныя бусы, застежки, браслеты, маленькія скляночки для духовъ, стаканчики, лампадки, кружечки; а „вотъ этотъ красный кувшинъ съ черными каемками „служилъ имъ для сохраненія „*попела*“ человѣческаго

*) Древняя греческая колонія. Возлѣ Тамани находилась другая Фанагорія, крѣпость, построенная на развалинахъ мѣстечка Корокондами или Тмутаракани.

„тѣла, тогда покойниковъ сжигали," прибавилъ онъ, „и „каждый берегъ своихъ родственниковъ въ своемъ домѣ; „а вотъ эти куколки были ихъ домашніе божки, они „имъ молились," указывалъ онъ на красивую статуетку изъ глины (terra cotta), изображающую эллинку, играющую на лирѣ (по указателю музу Терпсихору). „Это „первый отдѣлъ; второй лучше", продолжалъ увѣренно инвалидъ. „Ужь тутъ греки стали христіанами; здѣсь по„падаются обломки образовъ; вотъ образъ Георгія По„бѣдоносца, а сверху Архангелъ Михаилъ, а вотъ об„разъ св. Петра, писанный краской на извести, а это „изображеніе неизвѣстнаго святаго на мраморѣ; его на„шли въ Кизильташскомъ монастырѣ. Вотъ св. Димит„рій Селунской на конѣ. Всѣ эти изображенія того же „времени, что каменная икона св. Николая Чудотворца „въ нашемъ соборѣ,—вы вѣрно ее тамъ видѣли. Теперь „пойдетъ третій отдѣлъ, все плиты съ гербами (генуэз„скими). Тутъ мало святыни, только вотъ изображеніе „Матери Божіей съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; все боль„ше надгробныя плиты католическихъ правителей Кафы, „вѣдь тогда Ѳеодосію итальянцы назвали Кафой. Вы ви„дите, все гербы и латинскія надписи, и татарскія попа„даются; вотъ и гербъ хана Золотой Орды, потому тог„да Крымъ принадлежалъ татарамъ, а владѣли городами „итальянцы, откупъ платили за то ханамъ. Четвертый „отдѣлъ все армянскіе памятники; тогда армяне здѣсь „жили, имѣли много церквей и своего архіерея. А вотъ „турецкія мраморныя доски и обломки ихъ надгробныхъ „камней, а вотъ и еврейскіе три памятника. Это сами „узнаете что такое," окончилъ онъ свой длинный перечень, указывая на двѣ гранаты и два ядра. „Эти грана-

„ты привезли на память изъ Севастополя, послѣ того „какъ осада кончилась, а эти два ядра турецкіе броне-„носцы пустили въ городъ въ самый новый годъ, во „время поздней обѣдни, въ послѣднюю войну (1877 г.). „Убило тогда женщину на огородѣ, да другую на улицѣ, „да солдатика ранило, а потомъ и отошли нехристи, „натѣшились, въ беззащитный городъ стрѣляли."

— А это что за чугунное огромное ядро, спросила я.

„Это англійскій пароходъ бросилъ бомбу въ Ѳеодосію „во время севастопольской войны (1854 г.)".

„А вотъ портреты государей Петра I и Александра I, „императрицы Екатерины II, князя Потемкина Таври-„ческаго, князя М. С. Воронцова и генерала Котлярев-„скаго, который похороненъ здѣсь въ часовнѣ; а это „картины И. К. Айвазовскаго: видъ нашего города, „когда императрица Екатерина его опять назвала Ѳео-„досіей, буря ночью на Черномъ морѣ, буря на Сѣвер-„номъ морѣ, утро въ Италіи и ледяныя горы въ сѣвер-„ныхъ странахъ. И. К. пожертвовалъ эти картины му-„зею," прибавилъ онъ, провожая насъ внизъ по крутой тропинкѣ къ коляскѣ, ожидавшей насъ у подножія горы. Когда мы сѣли въ коляску подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго въ музеѣ, я стала перелистывать страницы краткаго указателя и припоминать главные эпизоды прошлой жизни древней Ѳеодосіи, два раза погибшей и два раза возникшей снова во всемъ блескѣ и величіи. Названіе „Ѳеодосія" (*Богомъ данная*) было ей дано греками — милетцами, за 500 лѣтъ до Р. Х., когда прельщенные удобствомъ большой бухты и красотой ея береговъ, они здѣсь основали колонію, имѣвшую въ

теченіи нѣсколькихъ столѣтій такое важное торговое значеніе. Эллинская Ѳеодосія существовала во время алановъ или тавровъ; объ этомъ упоминается въ древнемъ перипліѣ, гдѣ сказано, что на языкѣ алановъ, или тавровъ, Ѳеодосія нѣкогда называлась Ардавдой (т. е. семи боговъ). *) Слабые слѣды этого древняго города еще замѣтны и теперь на возвышенностяхъ, за карантиномъ; предполагаютъ, что онъ былъ совершенно разрушенъ Гуннами и въ IV вѣкѣ по Р. Х. переродился въ мѣстечко *Каффа*, названіе котораго встрѣчается два раза въ повѣствованіяхъ Константина Багрянороднаго. **) Въ началѣ XIII столѣтія, вблизи отъ того мѣста, гдѣ стояла греческая Ѳеодосія, генуэзцы основали знаменитую Кафу, извѣстную въ средніе вѣка своимъ великолѣпіемъ и своей торговлей съ сѣверными и восточными странами. По памятникамъ отечественной исторіи генуэзской республики первымъ владѣтелемъ Кафы былъ какой-то рыцарь — авантюристъ, отдѣлившійся вѣроятно съ своими дружинниками отъ общей рати крестоносцевъ, такъ какъ первое поселеніе генуэзцевъ въ Кафѣ совпадаетъ съ 4-мъ крестовымъ походомъ и съ основаніемъ Латинской имперіи на востокѣ.***) Созданная частною предпріимчивостью, Кафа только въ XIV столѣтіи перешла изъ рукъ частныхъ владѣльцевъ во власть своей метрополіи, генуэзской республики; богатая, торговая—въ продолженіи двухъ вѣковъ она борется, то съ венеціанами, то съ монго-

*) Кеппенъ, «Крымскій сборникъ» ,примѣч. 384.

**) Стр. 107 тамъ же.

***) Очерки Крыма Ев. Маркова стр. 30.

что здѣсь служить обѣдни нельзя, а служатъ только всенощныя и молебны. Въ тотъ вечеръ, когда мы были, народу было очень много, преимущественно грековъ и гречанокъ; служба была очень торжественна на греческомъ языкѣ, но нѣкоторыя молитвы произносились по славянски. Церковка такъ мала, что въ ней народу стоять невозможно, тѣмъ болѣе, что около образовъ и у входа были поставлены два огромные подсвѣчника съ множествомъ восковыхъ, зажженныхъ свѣчей. Количество свѣчей было поразительно; ими торговали всюду: на улицѣ, на дворикѣ и подъ навѣсомъ, устроеннымъ надъ входомъ только на этотъ праздничный день. Всякій, кто входилъ въ ворота, покупалъ ихъ нѣсколько и ставилъ, если уже не было мѣста въ часовнѣ, снаружи передъ аналоемъ съ образомъ пророка Иліи. Эта древняя церковь причислена къ ѳеодосійской греческой церкви и хоръ пѣвчихъ тотъ самый, который поетъ по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ въ греческомъ храмѣ; пѣніе протяжно, немного однообразно, но дѣйствуетъ пріятно и успокоительно. Общая картина напоминала мнѣ наши деревенскіе, храмовые праздники, только природа иная и типы молящихся не похожи на нашихъ русскихъ богомольцевъ. Здѣсь строгій, правильный профиль преобладаетъ; черные глаза и черные волосы молодыхъ гречанокъ такъ и сверкаютъ изъподъ круглой шляпки, или свѣтлыхъ зонтиковъ и очень жаль, что онѣ не носятъ болѣе своего національнаго костюма, длинныхъ косъ, съ круглыми шапочками и бѣлыми покрывалами; оно было бы и типичнѣе и живописнѣе на этомъ пустынномъ мысѣ, надъ этимъ [illegible]мъ, вѣчно плещущимъ моремъ. Двуякорная бух-

та не имѣетъ ничего общаго съ тихимъ, свѣтло-синимъ ѳеодосійскимъ заливомъ. Тамъ—легкая зыбь, или улыбающаяся, лазоревая гладь,—здѣсь сердитый валъ, сѣдая пѣна съ гривой на хребтѣ, съ густымъ и тяжелымъ прибоемъ; здѣсь—бездна, сверкающая, неотразимая, все пожирающая бездна съ вѣчно бьющими въ каменные утесы, холодными, безпощадными волнами. Картина величавая, но съ этой высоты страшно глядѣть на море; особенно въ одномъ мѣстѣ крутой обрывъ скалы такъ прямъ, что несмотря на низенькую стѣнку, въ видѣ парапета, на которую я опиралась, голова кружилась и мнѣ казалось, что вотъ сейчасъ, сейчасъ все это рухнетъ и я полечу въ бездну.

Объ основаніи церкви на двуякорномъ мысѣ разсказываютъ въ народѣ слѣдующую легенду: Когда Ѳеодосія принадлежала грекамъ, здѣсь былъ монастырь, посвященный св. пророку Иліи; въ немъ жили нѣсколько благочестивыхъ иноковъ; во время бури они засвѣчали лампаду передъ иконой и молились о спасеніи мореплавателей, застигнутыхъ непогодой. Ихъ молитва и свѣтъ лампады, какъ благодѣтельный маякъ, спасали несчастныхъ отъ подводныхъ скалъ и камней, и кормчій, увидавъ издалека грозящую ему опасность, огибалъ страшный мысъ, и миновавъ двуякорную бухту, счастливо достигалъ гостепріимнаго берега ѳеодосійскаго порта. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока послѣдніе иноки умерли; съ ними вмѣстѣ угасъ свѣтъ лампады и вскорѣ разрушились стѣны убогой церковки и келлій; на мѣстѣ древняго монастыря осталась одна куча камней и мусора и опустѣлый мысъ страшнѣе прежняго сталъ угрожать бѣднымъ мореплавателямъ. Кораб-

ли, застигнутые бурей, или несомые морскимъ ураганомъ, то и дѣло стали разбиваться о скалистый берегъ, а люди, товары, богатства поглощались на вѣки морскою бездной. Суда стали избѣгать этого опаснаго пути и особенно ночью не рѣшались входить въ двуякорную бухту. Случилось однако, что въ одну страшную, бурную ночь, одинокій корабль несся прямо на мрачный утесъ, гонимый вѣтромъ, безъ снастей съ изломанными мачтами, съ порванными парусами, ему грозила неминуемая гибель; на палубѣ въ отчаяньи на колѣнахъ молились матросы, не слушая болѣе команды, которую заглушалъ ревъ бури и волнъ; грома не было слышно, но молнія безпрестанно сверкала, обливая яркимъ свѣтомъ то темный горизонтъ, то высокій, скалистый берегъ; вдругъ молнія освѣтила стоящую на самомъ краю обрыва высокую фигуру сѣдовласаго старца, на немъ блестѣла огненная одежда, въ рукѣ сіялъ огненный крестъ. „Св. Отче Илія!“ вскричали погибающіе, „спаси насъ, пророкъ Божій. Мы выстроимъ „здѣсь церковь во славу твоего честнаго имени! Спаси „насъ!“ Еще одинъ взрывъ бури, одинъ страшный порывъ вѣтра—и громадный валъ похоронилъ на вѣки несчастное судно, но люди остались невредимы, ихъ всѣхъ до одного выкинуло на берегъ. Они сдержали свой обѣтъ: наносили камней, известки и своими руками сложили церковь во имя пророка Иліи, которая существуетъ и теперь. Вотъ что говоритъ народное преданіе, прибавляя, что спасенные матросы были греки и что несмотря на войны съ итальянцами, татарами и турками эта церковка, сложенная ими, уцѣлѣла до нашего вре-

мени, внушая и теперешним морякам глубокое уваженіе и непоколебимую вѣру въ молитвы и предстательство св. пророка Иліи, покровителя и заступника мореходцевъ.

Кешпенъ же въ своемъ Крымскомъ сборникѣ говоритъ, что на восточной оконечности южнаго берега, близь двуякорной баттареи, видны остатки армянскихъ церквей, а не греческихъ, такъ какъ греки въ горахъ не оставили по себѣ ни одного памятника, заслуживающаго особеннаго вниманія, и даже гробницами своими не умѣли упрочить здѣсь своей памяти. Остатки греческихъ построекъ, продолжаетъ онъ, встрѣчаются преимущественно въ полуденной части Крыма, а по близости Ѳеодосіи существуютъ развалины армянскихъ церквей, которыя у татаръ вообще извѣстны подъ названіемъ *монастырей*, или какъ говорили и писали греки *монастиръ*. Остатки этихъ построекъ весьма часто такъ малы, что многія изъ нихъ, вѣроятно, были только часовнями, воздвигнутыми надъ могилами достаточныхъ людей. Безпредѣльное уваженіе грековъ къ ихъ идеалу Константину Великому († 337 году) могло побуждать здѣшнихъ жителей и въ этомъ случаѣ слѣдовать его примѣру. Извѣстно, что по перенесеніи престола въ Византію императоръ Константинъ соорудилъ тамъ храмъ, который долженъ былъ служить ему гробницей. Это уваженіе къ Константину и Еленѣ у крымскихъ грековъ сохранилось до нашихъ дней. Замѣчательно, что въ одной сербской рукописи XIII вѣка, привезенной А. С. Норовымъ изъ Палестины, нашъ

великій князь Владиміръ названъ вторымъ Константиномъ, крестившимъ всю русскую землю. (*)

И такъ, можетъ быть, эта древняя церковь не что ное какъ часовня, воздвигнутая надъ могилой простаго смертнаго, ничѣмъ не заслужившаго воздаваемыхъ ему почестей; но гласъ народа утверждаетъ противное и легенда о спасеніи погибающихъ моряковъ разсказывается съ такой живой вѣрой каждымъ простолюдиномъ, что невольно повѣришь ихъ безъискусственной повѣсти о подвижникахъ—монахахъ, о страшной бурѣ, о видѣніи пророка, явившагося на этотъ разъ, не въ огненной колесницѣ, а въ длинной мантіи огня и свѣта.

Керчь, древняя Пантикапея.

23-го іюля погода была такъ хороша и море такъ тихо, что я рѣшилась поѣхать въ Керчь водою, чтобы избавиться отъ скучной дороги степью. Отъ Өеодосіи до Керчи 97 верстъ, а моремъ всего семь часовъ ѣзды. Мы сѣли на пароходъ русскаго общества „*Юнона*“ часовъ около семи утра и въ два часа дня уже высадились въ Керчи; во все время нашего путешествія я не оставляла палубы и наслаждалась вполнѣ прелестной картиной открытаго моря; мнѣ въ первый разъ случилось быть на пароходѣ и хотя „*Юнона*“ не славится своими удобствами и во время непогоды, какъ говорятъ, подвержена сильной качкѣ, я осталась вполнѣ довольна каютами, общимъ заломъ, гдѣ намъ въ 12 ч.

*) Крымскій Сборникъ Кеппена стр. 13-я

подали очень порядочный завтракъ и вообще всѣми приспособленіями. За билетъ I класса съ правомъ на чай, завтракъ, или обѣдъ, смотря по времени путешествія, платятъ съ багажемъ отъ Ѳеодосіи до Керчи 4 р. 50 к. Каюты перваго класса имѣютъ то преимущество передъ второклассными, что окна ихъ надъ водой; когда погода хороша, тогда можно сидѣть на палубѣ, или въ общей гостинной, но если сильная качка и приходится лежать въ нижнихъ каютахъ должно быть очень душно. Пассажиры третьяго класса помѣщаются на открытомъ мѣстѣ внизу, или подъ палубой, надъ которой растянутъ большой парусинный пологъ; онъ защищаетъ отъ солнца, но вѣтеръ отъ движенія парохода здѣсь такъ силенъ, что какъ ни была тиха погода, когда мы подходили къ керченскому заливу, вѣтеръ сдулъ съ головы моей шляпу и еслибъ не любезная барыня, схватившая ее на лету, она бы поплыла на кавказскій берегъ, куда ее гнали и вѣтеръ, и волны. Съ нами на пароходѣ ѣхалъ одинъ господинъ, служащій въ Керчи и хорошо знакомый съ почтовой дорогой отъ Ѳеодосіи до Керчи; онъ говорилъ, что на всемъ протяженіи почти стоверстнаго пути, нѣтъ ничего замѣчательнаго; только между станціями Аргиномъ и Султановкой дорога пересѣкаетъ ровъ, вырытый, по словамъ Геродота, дѣтьми скиѳскихъ слѣпыхъ рабовъ (*)—Киммерійцевъ, для защиты отъ своихъ господъ, царскихъ, или свободныхъ Скиѳовъ, при ихъ возвращеніи изъ предпринятаго ими похода въ Азію. Этотъ ровъ простирался отъ горъ Таврическихъ до Меотиды и по мнѣ

*) Брунъ, Сборникъ изслѣдованій по ист. геогр. Южн. Россіи ч. II стр. 50 и 51.

нію ученыхъ Геродотъ разумѣлъ здѣсь ровъ, которымъ керченскій полуостровъ перерѣзывался поперекъ, отъ моря до моря и впослѣдствіи, укрѣпленный Асандромъ царемъ воспорскимъ, служилъ оплотомъ и границею воспорскому (*) царству. Асандръ, возобновивъ этотъ ровъ (49—14 до Р. Х.) и валъ и укрѣпивъ его башнями, оставилъ ему свое названіе. Асандровъ ровъ точно начинался у Таврическихъ горъ, простирающихся до окрестностей Ѳеодосіи, и оканчивался при Азовскомъ морѣ не вдалекѣ отъ Арабата. „Можно еще и теперь замѣтить слабые слѣды этого рва и вала и еще „около моря на мысѣ *Чауда*, мимо котораго мы теперь „проѣзжаемъ", прибавилъ нашъ собесѣдникъ, „существуютъ развалины укрѣпленія съ селеніемъ и большимъ кладбищемъ, которое къ сожалѣнію не изслѣдовано. Тутъ же находятся нѣсколько соленыхъ озеръ; „они теперь отдѣлены отъ моря узкой, песчаной полосой, но въ древности вѣроятно были морскими заливами, съ укрѣпленіями на выдающихся высокихъ холмахъ и мысахъ, ихъ окружающихъ. Вотъ мы скоро „поравняемся съ горой Опукъ у залива того же имени; теперь тамъ татарская деревня, но на утесахъ, „спускающихся терассами къ морю, замѣтны пещеры и „остатки очень древнихъ укрѣпленій. Ученые предполагаютъ, что здѣсь было два города, очень древній „*Киммериконъ* и другой позднѣйшей эпохи съ итальянскимъ названіемъ, которое не припомню. Надо полагать, что и *Элкенское* соляное озеро было въ древности глубокимъ заливомъ, въ которомъ помѣщались

*) Воспоръ, или Босфоръ Киммерійскій, нынѣшній Керченскій проливъ.

„суда и что вся часть этого берега была плодородна и „густо населена; теперь гора Опукъ, ея склоны и окрест„ности не имѣютъ растительности и, какъ вы видите, „представляютъ пирамиду обнаженныхъ скалъ. Вотъ „нѣсколько изъ нихъ стоятъ въ самомъ морѣ; по стран„ной формѣ моряки называютъ ихъ *„каменными кораб„лями“*, издали онѣ точно похожи на корабли.“

— А вы бывали на Арабатской стрѣлкѣ? — спросила я.

„Бывалъ, и очень часто по дѣламъ службы. Ничего „скучнѣе и некрасивѣе этой мѣстности себѣ вообразить „нельзя; ѣдешь-ли изъ Ѳеодосіи, или изъ Керчи—все „равно, проѣзжаешь верстъ 40 и болѣе самой одно„образной степью, при концѣ которой стоитъ грязное „селеніе Арабатъ съ развалинами старой крѣпости и „съ бывшимъ подземнымъ ходомъ изъ крѣпости къ „Азовскому морю, какъ говорятъ старожилы; теперь „этотъ ходъ уже не существуетъ и ясно замѣтны толь„ко слѣды рва, который защищалъ край отъ набѣговъ „съ сѣвера, во время отлива моря. Сама Арабатская „стрѣлка очень узкая коса, или полоса земли, отдѣляю„щая Сивашъ отъ Азовскаго моря; она имѣетъ въ са„момъ широкомъ мѣстѣ едва одну версту ширины, а „въ длину 104 версты; въ сѣверномъ ея концѣ нахо„дится Геническій проливъ, черезъ который Азовское „море вливается въ Сивашъ. *) По стрѣлкѣ идетъ до„рога черезъ Геническъ на Мелитополь; она соединяетъ „города на сѣверномъ берегу Азовскаго моря съ Керчью

*) Арабатская стрѣлка была извѣстна древнимъ грекамъ подъ именемъ *Эйонъ* т. е. *берегъ*, а потомъ всѣмъ племенамъ и народамъ, обитавшимъ въ этихъ мѣстахъ, или вторгавшимся въ Крымъ.

„и съ западной частью Крыма; прежде тутъ былъ поч-„товый трактъ, но теперь онъ уничтоженъ, съ тѣхъ „поръ какъ устроили желѣзную дорогу черезъ Сивашъ „изъ Лозовой на Симферополь. Лѣтомъ между Керчью „и Геническомъ ходятъ пароходы, а отъ Геническа до „станціи Ново-Алексѣевки Лозово-Севастопольской же-„лѣзной дороги, на разстояніи 13 верстъ, проведена „вѣтвь желѣзной дороги. Вся Арабатская стрѣлка по-„крыта камышемъ и морскою травою и распростра-„няетъ сильный запахъ іода, вѣроятно отъ водорослей, „покрывающихъ воды Сиваша; единственный доходъ „отъ стрѣлки заключается въ соли, добываемой въ „большемъ количествѣ изъ Геническаго солянаго озера,“ прибавилъ словоохотливый чиновникъ, „и вы ничего не „потеряли что не ознакомились съ этой скучной, очень „некрасивой мѣстностью“.

Пароходъ нашъ сталъ повертывать налѣво; мы входили въ Керченскій проливъ; на крымскомъ берегу возвышался въ мысѣ *Такиль* *) маякъ того же имени, а направо виднѣлась часть кавказскаго берега, съ мысомъ *Панагія*. За мысомъ Такилемъ, видны мысъ и маленькій заливъ Камышъ-Бурунъ и бывшая Павловская баттарея, на мѣстѣ которой теперь построена большая первокласная крѣпость. За Павловскимъ мысомъ большое озеро *Чурбашъ*, въ древности морской заливъ, подлѣ котораго, какъ предполагаютъ, былъ расположенъ городъ *Нимфеонъ* **), а около мыса Камышъ-Бурунъ вѣроятно находился городъ *Діа* и другія поселенія. Отъ

*) Такиль, или Таклы-Каволари.

**) Древняя Нимфея. Въ трагедіи Расина „Митридатъ“ дѣйствіе происходитъ въ Нимфеѣ.

всѣхъ этихъ городовъ остались теперь, какъ говорятъ керченскіе жители, одни камни, засыпанные пескомъ и поросшіе травой, а заливы, при которыхъ стояли эти города, исчезли, или занесены песками, а нѣкоторые превратились въ соляныя озера. Противъ бывшей Павловской баттареи самое узкое мѣсто пролива. Когда, наканунѣ нашего отъѣзда изъ Керчи, мы отправились осматривать крѣпость, комендантъ съ своего балкона показывалъ намъ искусственную насыпь, вдающуюся въ море; она идетъ навстрѣчу натуральной песчаной косѣ, примыкающей къ таманскому полуострову; эта коса называется *Тузлынская* и отъ нея до крѣпостной насыпи остается только 400 саженъ для прохода кораблей, такъ что иностранныя суда большей частью стараются войти въ керченскую бухту не одни, а за русскими пароходами, хорошо знакомыми съ фарватеромъ этого узкаго прохода. Въ случаѣ войны на насыпь и выше на скалистый мысъ крѣпости выставляются пушки, а въ воды четырехъ-сотъ саженнаго прохода погружаются торпеды, такъ что войти въ гавань невозможно, не подвергаясь двойной опасности отъ подводныхъ минъ и отъ крѣпостныхъ орудій. Говорятъ, что нынѣшняя крѣпость снабжена всевозможными оборонительными средствами и что ея силы такъ велики, что она можетъ, въ одно и тоже время, защищать проходъ съ моря и доступъ къ Керчи съ суши, такъ что ее теперь нельзя обойти, какъ это случилось во время севастопольской войны, когда англичане и турки высадили свои войска ниже крѣпости у мыса *Камышъ-Бурунъ* и вошли въ Керчь черезъ степь совершенно неожиданно. Миновавъ послѣдній мысъ *Акъ-Бурунъ* (бѣлый мысъ),

нашъ пароходъ тихо вошелъ въ бухту и сталъ приближаться къ пристани, за которой расположенъ городъ Керчь, занимающій мѣсто древней Пантикапеи. Собравъ всѣ наши вещи и стараясь, по возможности, избѣгнуть толкотни при выходѣ на берегъ, на которомъ толпилось очень много народа, мы наняли коляску и отправились въ Центральную гостинницу; она считается самою лучшею въ городѣ и стоитъ на площади противъ церкви св. Іоанна. Отъ пристани до гостинницы будетъ около двухъ верстъ: сначала ѣдешь по набережной и вдоль бульвара, довольно пыльнаго, хотя онъ и посаженъ около самаго морскаго берега; потомъ по красивымъ хорошо вымощеннымъ улицамъ, гдѣ много прекрасныхъ зданій, гостинницъ, частныхъ домовъ, въ томъ числѣ домъ барона Корфа похожій на дворецъ, итальянское и англійское посольства и пр. Надъ городомъ на крутомъ холмѣ, называемомъ Митридатовой горой, возвышается довольно красивый памятникъ изъ бѣлаго камня, воздвигнутый въ честь Стебницкаго, перваго керченскаго головы. Онъ видѣнъ издалека, также какъ и другое замѣчательное зданіе, построенное на уступѣ Митридатовой горы; къ нему ведетъ изъ города черезъ широкіе, каменные ворота, красивая лѣстница, съ каменными площадками и каменными ступенями. Въ этомъ зданіи помѣщался керченскій музей, но послѣ крымской войны древности музея были перенесены въ городъ, въ нанимаемый частный домъ, а бывшій музей, съ нѣкоторыми измѣненіями, былъ обращенъ въ православный храмъ во имя св. Александра Невскаго. Онъ очень великъ и красивой архитектуры, но главная его прелесть заключается въ мѣстоположеніи. Со скалистой площад-

ки, на которой выстроенъ храмъ, уступами спускается гора, унизанная домиками, окруженными зеленью; внизу распланированы лучшія улицы города, видны площади, зданія, сады, проѣзжающіе экипажи; за ними разстилается набережная, пристань съ ея оживленными, пестрыми лодками и баркасами, съ стоящими на якорѣ или тихо идущими пароходами и далѣе въ туманѣ бѣлѣютъ крошечные домики Еникале на противоположномъ, чуть видномъ берегу керченской бухты. Мы подымались на Митридатову гору на другой день нашего пріѣзда въ Керчь и я съ восхищеніемъ глядѣла на эту прелестную панораму, жалѣя только, что со мной не было бинокля; при прозрачности воздуха и высотѣ, на которой мы стояли, можно было бы обозрѣть весь городъ, до мельчайшихъ подробностей, какъ съ птичьяго полета. Очень красиво также отдѣляется, на сѣромъ фонѣ горы, темная зелень деревьевъ, окружающихъ храмъ со всѣхъ сторонъ; мы отдыхали въ ихъ сумрачной тѣни и всматриваясь въ высокую скалу, у подножія которой мы сидѣли, я подумала, что вѣроятно здѣсь у древнихъ грековъ былъ ихъ *акрополь*, т. е. „верхній городъ“, то священное мѣсто, окруженное стѣнами, за которыми помѣщалась статуя, или храмъ божества, почитавшагося покровителемъ города; что у подножія этой же Митридатовой горы, гдѣ теперь расположена нынѣшняя Керчь, былъ построенъ древній городъ эллиновъ, богатая, многолюдная Пантикапея *) съ ея торговой гаванью, съ ея храмами, дворцами, садами, фонтанами, со всей восточной роскошью, подобающей

*) Bosporus главный городъ Босфора Киммерійскаго.

столицѣ Босфорскаго царства; что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я сидѣла, слушая крики рѣзвившихся на улицѣ мальчишекъ, сидѣла можетъ быть понтійская гречанка, внимающая священнымъ пѣснямъ, раздающимся изъ акрополя въ честь ея боговъ. Жизнь сколькихъ народовъ возникла здѣсь, развивалась, выросла и прошла безслѣдно, оставивъ по себѣ, черезъ нѣсколько тысячелѣтій, засыпанныя катакомбы, груды пепла и костей и кой-гдѣ, въ царскихъ гробницахъ, золотыя издѣлія, какъ доказательства ихъ богатства и искусства. На небольшемъ этомъ пространствѣ, по обѣимъ сторонамъ пролива, извѣстнаго въ древности подъ именемъ Босфора Киммерійскаго*), существовало нѣсколько богатыхъ и торговыхъ греческихъ городовъ: Тана, Фанагорія, Кафа процвѣтали здѣсь нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Х. Но Пантикапея **) славилась какъ красивѣйшая и богатѣйшая изъ всѣхъ греческихъ колоній на Понтѣ Эвксинскомъ. ***) Вотъ какъ описываетъ ее Страбонъ, греческій географъ, жившій 50 лѣтъ до Р. Х: Пантикапея простиралась на двадцать стадій ****) вокругъ, была расположена амфитеатромъ по скату горы и защищена крѣпостью, или акрополемъ, имѣла укрѣпленный портъ, верфи и открытую гавань для торговыхъ судовъ. Вначалѣ она была независимою республикою,

*) Босфоръ по гречески значитъ: *бычачій проходъ.*

**) Основаніе Пантикапеи приписываютъ грекамъ изъ Милета, современникамъ Медеи. Послѣ разрушенія Трои сюда пришли выходцы изъ Сигеи, города, лежащаго близъ Трои; около него была могила Ахилла и Патрокла.

***) Названіе Чернаго моря у древнихъ, значитъ *гостепріимное море* (Pontus Euxenos); сперва носило названіе *негостепріимнаго моря* (Pontus Axenos).

****) Стадія равнялась 600 греческимъ законнымъ футамъ въ 16-ть дактилей, или пальцевъ.—Въ верстѣ нашей около 6-ти стадій.

а потомъ подпала подъ власть *„тирановъ“* и сдѣлалась столицею Босфорскаго царства, которое нерѣдко принимало участіе въ дѣлахъ древняго міра, а потомъ подчинилось знаменитому Митридату Евпатору, царю понтійскому, лишившему себя жизни въ стѣнахъ Пантикапеи. Сынъ его Фарнакъ, предавшій отца римлянамъ, вскорѣ былъ изгнанъ ими и царство Босфорское превратилось въ римскую провинцію. Въ III вѣкѣ послѣ Р. Х. Готы, овладѣвъ всѣмъ южнымъ берегомъ Тавриды, сроднились съ понтійскими греками, у которыхъ съ давнихъ поръ существовали христіанскія общины и стали исповѣдывать христіанскую вѣру, именно православіе. Объ этомъ пишетъ епископъ Неокесарійскій Григорій въ 258 году, а тогда еще не могло быть и рѣчи объ аріанизмѣ. Въ 319 и 321 г. св. Аѳанасій говоритъ о вліяніи христіанства на варваровъ и о мученической смерти нѣкоторыхъ изъ нихъ и наконецъ въ 325 г. къ числу подписавшихъ рѣшеніе Никейскаго собора принадлежалъ готскій епископъ Ѳеофилъ (Theophilus Bosporitanus). *)

Нашимъ предкамъ Пантикапея была изстари извѣстна подъ именемъ *Кърчевъ*, а восточные и западные писатели XI столѣтія называютъ ее *„Русскимъ городомъ“* вѣроятно потому, что русскіе купцы вели здѣсь торговлю съ восточными и южными народами того времени, а можетъ быть и потому, что, какъ говорится въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ, русскіе владѣли ею до тѣхъ поръ пока она была отнята у нихъ Половцами. Позд-

*) Брунъ, сборникъ изслѣдованій по истор. геогр. южн. Россіи. Часть II стр. 195-я.

нѣе, когда итальянцы овладѣли ею, она получила названіе *Черкіо*, а географы XIV и XV столѣтій означали на мѣстѣ древней Пантикапеи имена *Воспро*, *Воспро* и *Пондико*. Турки отняли ее у итальянцевъ въ 1475 г. и назвали ея крѣпость *Черзети*. Русскіе же овладѣли ею въ 1771 году и назвали Керчью.

Керчь имѣетъ теперь 22,000 жителей, мужскую и женскую гимназію и Керченскій Кушниковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, который основанъ и содержится на счетъ г. Кушникова, завѣщавшаго капиталъ на этотъ предметъ. Городъ содержится очень чисто и широкія улицы, съ хорошими тротуарами, лавками и магазинами, какъ говорятъ, напоминаютъ Одессу. Жаль только, что въ Керчи нѣтъ хорошей воды для питья; древніе водопроводы были разрушены во время взятія нами Крыма и съ тѣхъ поръ не были возстановлены; весьма красивый фонтанъ въ центрѣ города, осѣненный огромными пирамидальными тополями, не достаточенъ для двадцати-тысячнаго населенія, а въ прочихъ колодцахъ и фонтанахъ вода мутна и имѣетъ непріятный вкусъ. Для прогулокъ есть бульваръ на набережной и за городомъ довольно большой и тѣнистый городской садъ. Климатъ здѣсь ничѣмъ не отличается отъ климата крымскихъ степей, только въ жаркіе, лѣтніе дни сухой, степной воздухъ увлажняется близостью моря и освѣжается восточными морскими вѣтрами. Жители говорятъ, что зимой здѣсь бываютъ довольно сильные морозы, такъ что керченскій проливъ замерзаетъ, но снѣгу выпадаетъ немного; осень наступаетъ гораздо позднѣе чѣмъ на югѣ Россіи, а весна появляется мѣсяцемъ раньше; въ концѣ ноября гуляютъ еще въ лег-

комъ пальто, а въ мартѣ луга покрываются зеленью. Морскія купанья въ Керчи нехороши; вода въ проливѣ несолона и смѣшивается съ водами Азовскаго моря, извѣстными своей мутноватостью. Я провела въ Керчи три дня и съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ времени. Въ день нашего пріѣзда мы отправились ко всенощной въ древнюю церковь св. Іоанна Предтечи. Она стоитъ на площади противъ Центральной гостинницы и вполнѣ сохранилась, несмотря на свою древность. На одной изъ ея колоннъ временемъ ея сооруженія показанъ 6225-й годъ отъ сотворенія міра, т. е. 717-й по Р. Х. Церковь очень мала и некрасива, но любопытна какъ образецъ византійской архитектуры той эпохи; она имѣетъ крестообразный видъ, съ короткими боковыми проходами, посрединѣ возвышается некрасивый куполъ съ восьмью узкими окнами, которыя освѣщаютъ сверху церковь, другихъ оконъ нѣтъ, куполъ поддерживается четырьмя мраморными колоннами коринѳскаго стиля. Въ церкви сохранился очень древній образъ св. Іоанна Крестителя; онъ изображенъ въ одеждѣ изъ верблюжьяго волоса съ большими крыльями и съ крестомъ въ лѣвой рукѣ, правая благословляетъ. У подножія образа, два изображенія: Рождества Іоанна Крестителя и Усѣкновенія главы Предтечи; обѣ иконы старинныя и очень замѣчательны полнымъ отсутствіемъ перспективы и незнаніемъ первыхъ правилъ живописи; особенно фигуры спекулатора, *) держащаго главу Іоанна Крестителя, и Иродіады, принимающей ее на блюдѣ, удивительно типичны. Къ этому образу при-

*) Спекулаторъ—темничный сторожъ.

текаютъ съ вѣрою нетолько православные жители Керчи, но и окрестностей и вѣроятно поэтому рука новаторовъ еще не коснулась этой древней святыни. Церковь принадлежитъ теперь грекамъ и, желая вмѣстить въ нее какъ можно болѣе молящихся, они съ удивительнымъ безвкусіемъ, пристроили къ старинной церкви боковой придѣлъ, колокольню и что-то въ родѣ трапезы, такъ что, войдя въ церковь, съ трудомъ можно отыскать настоящую древнюю часть ея. Въ иконостасѣ, поновленномъ, говорятъ, при Екатеринѣ II, очень оригинальны два большіе грифона, *) поддерживающіе корону; они поставлены надъ царскими вратами и никто не могъ мнѣ объяснить какое они могутъ имѣть значеніе въ христіанскомъ храмѣ. Исключая этой древней церкви и Митридатовой горы, на которой указываютъ скалу, съ открытою въ ней нишею, носящую названіе „*кресла Митридата*“, въ самой Керчи нѣтъ ничего замѣчательнаго, но за то на плоской возвышенности около города множество древнихъ могилъ и кургановъ, большей частью уже разрытыхъ, но представляющихъ и теперь громадный интересъ, не только для археологовъ и людей науки, но и для всѣхъ тѣхъ, кто цѣнитъ остатки цивилизаціи древнихъ народовъ. Мы посѣтили эту некрополь, или кладбище древнихъ грековъ и осмотрѣли Царскій курганъ, **) какъ самый замѣчательный. По своей громадности онъ напоминаетъ (конечно въ маломъ видѣ) египетскія пирамиды; къ нему ведетъ

---

*) Грифоны признавались эмблемами древней Пантикапеи.

**) Змѣиный городокъ на мѣстѣ древняго города Мирмикіона; по Аріанову периплу Пелеевъ сынъ Ахиллъ родомъ Скиѳъ изъ этого городка, близъ озера Меотиса.

длинная галлерея, теперь раскрытая; склепъ, гдѣ находились гробницы мужчины и женщины и лошадиныя кости съ древней сбруей и прочими воинскими доспѣхами, очень высокъ и сведенъ остроконечнымъ сводомъ, словно огромная, каменная, опрокинутая воронка; теперь въ галлереѣ и въ склепѣ оставленъ только громадный каменный столъ, нѣсколько древнихъ каменныхъ торсовъ, головъ, статуй разнаго размѣра, большей частью попорченныхъ, но всѣ древняго греческаго типа; есть также и каменные барельефы той же эпохи и два деревянные гроба, вынутые изъ каменныхъ саркофаговъ, которые сохраняются тутъ же. Въ народѣ есть преданіе, что именно въ этомъ курганѣ зарыты большія сокровища; но г. Вербрусовъ, *) который намъ такъ обязательно показывалъ наканунѣ чрезвычайно интересныя, старинныя вещи, хранимыя въ керченскомъ музеѣ, сказалъ мнѣ, что курганы и могильныя насыпи въ окрестностяхъ Керчи большей частью уже всѣ разрыты, но что теперь раскопки производятся на кавказскомъ берегу, въ Кубанской области, близъ Тамани. Онъ въ этотъ вечеръ только что возвратился оттуда и привезъ съ собой много интересныхъ и цѣнныхъ вещей, которыя должны были въ скоромъ времени быть отправлены въ Петербургъ въ Эрмитажъ. Сначала въ керченскомъ музеѣ сохранялись всѣ древности, находимыя въ Керчи и ея окрестностяхъ, но потомъ Высочайше повелѣно было, чтобы въ керченскомъ музеѣ оставались только дублеты и такія вещи, которыя по своему объему не могутъ быть удобно перевозимы, а всѣ архео-

*) Директоръ керченскаго музея.

логическія драгоцѣнности и вообще всѣ единственные экземпляры были пересылаемы въ Петербургъ. Я очень обрадовалась счастливому случаю, давшему мнѣ возможность полюбоваться красивыми и оригинальными предметами, найденными археологической коммиссіей въ могилѣ молодой дѣвушки, погребенной, какъ предполагаютъ, задолго до Р. Х. Вотъ перечень тѣхъ вещей, которыя лежали въ витринѣ и казались по своей свѣжести только что привезенными отъ золотыхъ дѣлъ мастера, а не исторгнутыми изъ нѣдръ земли, гдѣ провели болѣе двухъ тысячъ лѣтъ: 1) золотой вѣнокъ, изображающій вѣтку лавроваго дерева, связанную въ кольцо; листья такъ хорошо и натурально сдѣланы, что еслибы не желтый цвѣтъ золота, можно было бы принять эту вѣтку за только что сорванную вѣтвь лавра; 2) золотое ожерелье; 3) два браслета изъ чистаго золота, каждый по 17 лотовъ вѣсомъ; они изображаютъ двѣ перевитыя веревки и оканчиваются барашками съ большими завитыми рогами; 4) серьги кружечками, величиной въ двугривенный или побольше съ тремя конусообразными трехъугольными подвѣсками, опущенными острыми концами внизъ. Серьги и ожерелье украшены мелкой рельефной рѣзьбой фигуръ людей и животныхъ. Ожерелье найдено не все, такъ какъ будучи вѣроятно нанизано на шелковую нитку, которая отъ времени истлѣла, оно разсыпалось; однако найдено около 50 золотниковъ литыхъ бусъ съ подвѣсками; 5) серебряный браслетъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ камнемъ, кольцо, много издѣлій изъ слоновой кости и также нѣсколько глиняныхъ и бронзовыхъ статуетокъ. Серебряное, круглое зеркало, сильно потерпѣвшее отъ

времени и отъ прикосновенія воздуха при открытіи могилы, было совсѣмъ темное (oxydé); погребальная каменная доска въ видѣ эллипсиса, двѣ части отъ инструмента, похожаго на флейту, нѣсколько лодыжекъ отъ маленькихъ барашковъ, которыми играютъ дѣти и глиняная ваза, украшенная рисунками, изъ которыхъ яснѣе всего виденъ всадникъ, нападающій на стоящую женщину, а съ другой стороны неясный рисунокъ, изображающій что-то въ родѣ погребенія—вотъ почти всѣ предметы, составляющіе загробное приданое этой невѣсты смерти, найденное членами археологической коммисіи 22 іюля нынѣшняго года. Г. Вербрусовъ былъ очень обрадованъ этой находкой; онъ говорилъ, что могила, по устройству склеповъ, заканчивающихся на верху куполами, относится къ разряду весьма древнихъ и рѣдкихъ и что, по крайней мѣрѣ, труды коммиссіи и потраченныя деньги не пропали даромъ и принесли значительную пользу наукѣ. Эта раскопка продолжалась около трехъ мѣсяцевъ и стоила болѣе тысячи рублей. Кромѣ вышеописанныхъ вещей г. Вербрусовъ показалъ намъ много интересныхъ предметовъ, хранящихся въ музеѣ и несмотря на свою усталость (онъ только что вернулся изъ Тамани, гдѣ былъ на раскопкахъ) съ необычайной любезностью объяснялъ намъ все для насъ непонятное, рисуя быструю, но ясную характеристику быта того времени и обращая наше вниманіе на лучшіе экземпляры древне-греческаго искусства: скульптурные и архитектурные обломки мраморовъ, надгробные памятники съ надписями, глиняныя вазы и блюда, похожія на этрусскія, мраморныя, стеклянныя и металличес-

кія древнія вещи. Между ними были *алавастроны* *) съ остроконечнымъ дномъ, слезницы, флакончики, лампады, разные сосуды для домашняго обихода, золотыя монеты, металлическія зеркала, мелкія вещи женскаго туалета, бронзовыя, серебряныя и золотыя бляхи, уздечки, стрѣлы, гробничные орнаменты рѣзной и токарной работы. Когда мы осмотрѣли всѣ эти археологическія драгоцѣнности, г. Вербрусовъ посовѣтовалъ мнѣ съѣздить къ академику г. Гроссу, у котораго находились двѣ замѣчательныя вазы, найденныя лѣтомъ въ одномъ изъ кургановъ г. Кондаковымъ, однимъ изъ членовъ археологической коммиссіи. Я видѣла эти вазы у г. Гросса, онѣ обѣ вышиной вершковъ въ пять, изъ темно-коричневой, почти черной глины, съ выпуклыми фигурами мужчинъ и женщинъ изъ массы, похожей на французскій Sevres; яркость цвѣтовъ и правильность рисунка этихъ маленькихъ фигуръ удивительны, но удивительнѣе всего искусство и терпѣніе г. Гросса при реставраціи этихъ двухъ вазъ. Одна изъ нихъ была уже совершенно готова и сохла на солнцѣ на балконѣ, другая представляла еще груду черепковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были до того мелки, что г. Гроссъ не могъ работать иначе, какъ съ помощью луны; онъ говорилъ мнѣ, что это первыя вазы такого рода, найденныя въ раскопкахъ и что онъ надѣется ихъ собрать, хотя во второй недоставало нѣсколькихъ кусочковъ, которыхъ замѣнить невозможно. Работа эта очень утомительна для глазъ и г. Гроссъ страдалъ сильнымъ воспаленіемъ вѣкъ, благодаря этому кропотливому труду и пыли и

---

*) Сосуды для храненія воды, или другихъ жидкостей.

жару во время раскопокъ, въ которыхъ онъ также принималъ участіе.

Золотой-Курганъ, по татарски *Алтынъ-Оба* и *Мелекъ Чесменскій* я не осматривала по недостатку времени; по той же причинѣ я не останавливалась на развалинахъ греческаго города *Мирмикіона* и не съѣздила въ Еникале и въ Тамань. Въ Еникале, мнѣ сказали, нѣтъ ничего интереснаго, кромѣ нефтяныхъ источниковъ, маяка, крѣпости и мѣста, гдѣ, какъ предполагаютъ, въ древности былъ греческій городъ *Парѳеніонъ*, а напротивъ его на той сторонѣ пролива небольшой городъ *Ахиллеонъ* съ храмомъ, посвященнымъ Ахиллесу. Остатки этого храма видны были, какъ говорятъ, въ водѣ на днѣ моря. Тамань и вообще кавказскій берегъ мнѣ очень хотѣлось посѣтить, но пароходы, перевозившіе туда пассажировъ, такъ неудобны и неопрятны, что я рѣшилась отложить до другаго раза мою поѣздку въ бывшее Тмутараканское княжество, такъ часто упоминаемое въ русскихъ лѣтописяхъ. Въ „*Словѣ о полку Игоревѣ*“ весьма любопытно слѣдующее мѣсто, относящееся также къ Судаку и бывшему Херсону: „Дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ и Поморію, и Посулію „и Сурожу, и Корсуню и Тьмутораканьскій блъванъ“. Извѣстно, что Владиміръ отдаетъ Тмутаракань (полуостровъ Тамань), какъ отчину, своему сыну Мстиславу и что послѣ того до XII вѣка владѣютъ Таманью Олегъ Святославовичъ и Ольговичи. Въ развалинахъ древней крѣпости Тамани былъ найденъ камень съ слѣдующей надписью: „въ 6576 индикта (то есть въ 1068 г. по Р. Х.) князь Глѣбъ мѣрилъ море по льду отъ Тмута-

ракани до Кърчева 8,045 саженей. Но послѣ XII столѣтія слѣды русскаго владѣнія исчезаютъ изъ азовскаго побережья и въ Тамани являются уже Половцы и еще очень загадочное племя, которое лѣтописцы называютъ *бродниками*. Повидимому они были христіане и вступали въ споръ съ русскими; весьма правдоподобно, что это смѣшанное, бродячее племя образовалось изъ древнихъ русскихъ жителей этой мѣстности, при набѣгахъ Комановъ и Половцевъ и стало, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, родоначальникомъ черкасовъ и донскихъ казаковъ. Въ XIV столѣтіи Тмутаракань перешла во владѣніе итальянцевъ, получила названіе *Матрека* отъ греческаго *Таматарха*, имѣла католическаго архіепископа и князя изъ генуэзской фамиліи Guizolfi. Послѣдній изъ князей этой фамиліи *Захарій* извѣстенъ по русскимъ историческимъ документамъ подъ именемъ князя *Гайгургиса*, въ 1487 году онъ желалъ переселиться въ московское княжество и по этому поводу находился въ перепискѣ съ В. Кн. Иваномъ Васильевичемъ, который принималъ его на службу и приглашалъ пріѣхать въ Москву. Въ это время Таманскій полуостровъ вмѣстѣ съ Крымомъ перешелъ во власть мусульманъ и впослѣдствіи былъ присоединенъ къ Россіи, подъ названіемъ кубанской области. Древній же городъ *Тами*, позднѣе Таматарха, сталъ теперь станицей черноморскаго, казачьяго войска и въ настоящую минуту не представляетъ путешественнику большаго интереса, хотя ея окрестности усѣяны развалинами нѣсколькихъ большихъ греческихъ городовъ, существовавшихъ здѣсь въ древности и слѣдами многихъ поселеній, съ которыми соединены разныя историческія вос-

поминанія. Курганы здѣсь также многочисленны какъ и въ Керчи, но еще не всѣ изслѣдованы надлежащимъ образомъ. Большая часть открытій произошла здѣсь случайно; или вслѣдствіе изверженій грязныхъ вулкановъ, или благодаря искателямъ кладовъ, которыми были найдены многія рѣдкія, древнія монеты и другія вещи.

Грязные вулканы представляютъ, по разсказамъ очевидцевъ, очень любопытное явленіе. Это холмы, болѣе или менѣе высокіе съ отверстіями или кратерами, наполненными сѣроватою, кипящею грязью. Эта грязь изливается почти всегда безъ видимыхъ признаковъ дыма или огня, но были случаи что изверженія грязи сопровождались сильнымъ огнемъ и дымомъ. Самый замѣчательный изъ грязныхъ вулкановъ *Куку-Оба*, находящійся на концѣ полуострова противъ Еникале; при одномъ изъ его послѣднихъ изверженій изъ кратера были выброшены мраморные фрагменты какой-то прекрасной античной статуи. Нефтяные источники на Тамани также очень многочисленны и извѣстны съ давнихъ поръ; нѣкоторые изъ нихъ носятъ слѣды сильныхъ изверженій съ огнемъ и дымомъ.

Недалеко отъ нынѣшней Тамани находятся, какъ полагаютъ, развалины мѣстечка *Корокондами* у входа въ нынѣшній Таманскій заливъ, извѣстный Страбону подъ именемъ *Корокондамита*, а далѣе къ востоку, къ устьямъ Кубани около деревни Акденизовки вѣроятно находился очень значительный греческій городъ *Кипосъ*, вблизи развалинъ котораго былъ найденъ памятникъ, состоящій изъ двухъ статуй, представляющихъ мужчину и женщину; онъ былъ воздвигнутъ царицей босфорской

Домосаріей и нѣкоторые археологи предполагаютъ, что *Тмутараканскій болванъ* русской поэмы не что иное, какъ этотъ древній памятникъ. Вотъ все, что мнѣ сообщили въ Керчи о нашей древней Тмутаракани. Есть много спеціальныхъ, очень интересныхъ сочиненій, изъ которыхъ можно познакомиться съ исторіей Босфорскаго царства, мнѣ же только остается, простившись съ этой классической мѣстностью, пожелать Геродотовой Трахеѣ и городамъ, здѣсь процвѣтавшимъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, если не полнаго возрожденія, то, по крайнѣй мѣрѣ, преуспѣнія и всѣхъ благъ цивилизаціи тѣмъ изъ нихъ, которые, подобно нынѣшней Керчи, возродились на исторической почвѣ древняго Киммерикона и Пантикапеи.

Старый Крымъ, древній Солкатъ.

Изъ Керчи мы вернулись въ Θеодосію также моремъ; только въ этотъ день была довольно сильная зыбь и пароходъ *Коцебу*, на которомъ мы ѣхали, вѣроятно вслѣдствіе своего плохаго устройства, качалъ насъ очень порядочно, особенно когда мы огибали мысы и приближались къ θеодосійской бухтѣ. Въ Θеодосіи мы провели ночь и на другой день отправились въ Симферополь на Карасубазаръ, только съ условіемъ свернуть на пути въ Старый Крымъ. Ямщикъ нашъ, на этотъ разъ армянинъ, увѣрялъ меня, что въ этомъ городишкѣ никто не бываетъ, что въ немъ ничего нѣтъ интереснаго и что заѣзжая въ Старый Крымъ, мы потеряемъ много времени и запоздаемъ въ Карасубазаръ. Но мнѣ

непремѣнно хотѣлось побывать въ этомъ нѣкогда славномъ городѣ Крымскихъ хановъ и несмотря на дождливое утро и очень непріятный вѣтеръ, дувшій намъ все время навстрѣчу, не доѣзжая трехъ верстъ до первой станціи Кринички, мы свернули налѣво съ большой дороги въ мѣстность, окруженную со всѣхъ сторонъ лѣсистыми возвышенностями. Дорога здѣсь грунтовая, но очень хорошая, а воздухъ поразительно свѣжъ и пріятенъ; вѣтеръ мгновенно стихъ, какъ только мы стали приближаться къ горѣ, возвышающейся надъ Солкатомъ, тучи стали расходиться и дождь, преслѣдовавшій насъ отъ самой Ѳеодосіи, вдругъ перересталъ. Мы въѣзжали въ *Эски-Крымъ* (Старый Крымъ) и я подумала, что нашъ кучеръ былъ правъ; не стоило своротачивать съ дороги, чтобъ посмотрѣть на эти дрянные домишки, безпорядочно сгрупированные вдоль грязныхъ, немощеныхъ улицъ. Одно примиряло съ этими некрасивыми, бѣдными домишками, съ этими невзрачными лавченками, съ грязью длиннаго полу-раскрытаго караванъ-сарая, растянутаго вдоль торговой площади,—богатая растительность и обиліе воды. Главная улица, по которой мы ѣхали, окаймлена вѣковыми шелковичными деревьями; въ садахъ и по переулкамъ, около самыхъ убогихъ хижинъ эти зеленые великаны ростутъ въ изобиліи, распространяя кругомъ густую, непроницаемую тѣнь; съ ними соперничаютъ красотой и величіемъ громадные орѣховые деревья, пріютившіе подъ своими далеко протянутыми вѣтвями, цѣлую группу маленькихъ хатъ; черешни, сливы, груши, яблони веселятъ глазъ необычной свѣжестью и яркой, зеленой листвой, темно-бурая земля здѣсь очень плодоносна и удивительно

влажна. По улицамъ, по переулкамъ, на площади бѣгутъ съ шумомъ быстрые ручьи; въ плантаціяхъ, въ садахъ, въ огородахъ, въ каждомъ дворикѣ подъ простымъ камнемъ, или подъемной плитой скрывается родникъ, бьетъ струя свѣжей, прозрачной, вкусной воды, и несмотря на этотъ избытокъ влаги, здѣсь климатъ сухой и здоровый, простудныя болѣзни и лихорадки почти неизвѣстны и много больныхъ пріѣзжаетъ въ Старый Крымъ весной лѣчиться не только живительнымъ воздухомъ, но и пользованіемъ ваннами изъ цѣлебныхъ полевыхъ цвѣтовъ, собираемыхъ жителями. По сосѣднимъ горамъ и лѣсистымъ холмамъ растетъ, какъ говорятъ туристы, очень много аптекарскихъ растеній, но ихъ не собираютъ, зная что въ крымскихъ аптекахъ ихъ не купятъ, а выписываютъ всѣ лѣчебныя травы изъ заграницы. Очень жаль также, что здѣсь не поддерживается шелковичное производство; въ концѣ прошлаго столѣтія, по инициативѣ князя Потемкина, здѣсь были устроены большіе питомники тутовыхъ деревьевъ, но послѣ его смерти они были оставлены безъ присмотра и въ настоящее время окончательно заброшены. Когда мы проѣхали всю главную улицу и повернули въ маленькій переулокъ налѣво, *Мэнасъ* (нашъ ямщикъ) подвезъ насъ къ домику своей родственницы, молодой армянки и просилъ меня дать здѣсь его лошадямъ двухъ-часовой отдыхъ. Я согласилась и мы воспользовались этимъ временемъ, чтобъ напиться чаю на дворикѣ подъ орѣховымъ деревомъ около родника, изъ котораго молодая хозяйка черпала воду на чай, и потомъ побродить по базару, гдѣ баснословно дешево продавались прекрасныя груши и откуда открывался

великолѣпный видъ на окрестности. Выше всѣхъ подымалась гора *Агармыш*, на которой въ древности стояла крѣпость и проходила стѣна, окружавшая нѣкогда весь городъ; ближе къ городу виднѣлись холмы, покрытые лѣсомъ, а въ синѣющей дали скрывался, какъ мнѣ сказали татары—торговцы, старый армянскій монастырь св. Георгія; ближе виднѣлись домики болгарской колоніи, называющейся также Старымъ Крымомъ, а съ другой стороны торчали, кой-гдѣ на пригоркахъ, остовы мечетей и гордо возвышались, то отдѣльно, то группами, прямые, высокіе стволы пирамидальныхъ тополей, переживших столько вѣковъ и поколѣній. Теперь отъ древняго Солката остались только мечети, ровъ и кладбище, въ которомъ похоронены воинственные ханы, потомки Чингисъ-Хана, правители этой части Крыма, но извѣстно, что этотъ городъ существовалъ уже въ VI вѣкѣ по Р. Х. и что о немъ упоминаютъ восточные и западные писатели среднихъ вѣковъ. Вотъ что говоритъ о немъ Кеппенъ въ своемъ Крымскомъ Сборникѣ: *) По смерти Батыя, хана Кипчакскаго, около 1258 г. Берке объявилъ себя преемникомъ его. За нимъ воцарился Мангу-Тимуръ и отдалъ своему родственнику Солкатъ, одинъ изъ главнѣйшихъ городовъ Азіи, столь великій и пространный, что всадникъ едва могъ на хорошемъ конѣ объѣхать его въ половину дня. Рожденный въ Кипчакѣ Султанъ Бибарсъ государь Египта, желая увѣковѣчить свое имя, построилъ въ Старомъ Крымѣ великолѣпную мечеть, коей стѣны были покрыты мраморомъ, а верхъ порфи-

---

*) „Крымскій Сборникъ" Кеппена стр. 339-я.

ровъ. Кромѣ того въ этомъ же городѣ находились и другія зданія, достойныя удивленія, особенно высшія училища, въ которыхъ преподавались всѣ науки. Караваны изъ Хаварезміи (Хивы) ходили въ Крымъ безъ малѣйшей опасности, употребляя три мѣсяца на совершеніе пути. При большомъ избыткѣ, господствовавшемъ въ тѣхъ странахъ, не было надобности брать съ собой съѣстные запасы; путешественники находили гостинницы, гдѣ нынѣ встрѣчаются серны и дикія козы. Торговля доставляла жителямъ большія богатства, но они по скупости только запирали золото въ сундуки и ничего не удѣляли бѣднымъ. Эти высокомѣрные Крымцы строили великолѣпныя мечети и другія подобныя зданія не столько для того, чтобы соорудить памятники своего благочестія, какъ для увѣковѣченія своей гордости и богатства (Joseph de Guignes, Histoire générale des Huns, des Turcs et des autres Tartares accident. Paris 1756). Но когда ханы перенесли свою столицу въ Бахчисарай, Солкатъ началъ постепенно упадать и въ 1578 г. Броневскій, описывая Старый Крымъ, говоритъ уже о развалинахъ и слѣдахъ прежняго его величія, прибавляя, что отъ него Татары нынѣ обыкновенно называются Кримскими. *Эски-Крымъ* примѣчателенъ еще какъ мѣсто, въ которомъ постоянно чеканилась монета. Старѣйшія извѣстныя старо-крымскія монеты: Туды Мангу Хана 683 г. т. е. 1284 г., Кипчакскаго Хана Узбека второй половины XIV-го вѣка и монета Магмуда Туктамыша 782 (1380) года. Кутлугъ-Бекъ договоромъ заключеннымъ въ 1387 году съ [illegible] обязался во все время своего управленія [illegible] кратѣ (Солкатѣ) и въ другихъ подвластныхъ

ему земляхъ, или мѣстахъ хорошую монету и въ достаточномъ количествѣ.

Теперь главные обитатели стараго Крыма армяне; есть русскіе, греки, татары и евреи, но армянское населеніе преобладаетъ; жителей всего 1200 душъ, около трехсотъ домовъ и большая, красивая, греческая церковь. Когда мы обошли весь базаръ, останавливаясь у фонтановъ и фруктовыхъ лавочекъ татаръ, мы вернулись къ нашей коляскѣ; лошади отдохнули и мы отправились въ обратный путь, надѣясь пріѣхать засвѣтло въ Карасубазаръ, гдѣ намѣревались ночевать. Миновавъ базарную площадь, городскіе домики и церковь, мы стали приближаться къ почтовой дорогѣ; кругомъ зеленѣли луга и табачныя плантаціи, на горизонтѣ тянулись холмы и пологости невысокихъ горъ, ближе къ намъ возвышались курганы, поросшіе травой и кустарникомъ. *Мэнасъ* указалъ на самый большой и высокій, называя его *ханской*, или *Мамаевой могилой*, по преданію, того самаго *безбожнаго и поганаго Мамая*, *темника Мамая* изъ Золотой орды, разбитаго Дмитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ, а потомъ ханомъ Тохтамышемъ на берегу Азовскаго моря и бѣжавшаго въ Кафу къ генуэзцамъ, которые ему обѣщали у себя безопасное убѣжище, но потомъ предательски умертвили его. (*Карамзинъ И. Г. Р. т. V стр.* 78—79).

Около станціи Криничкы, оставленной нами въ сторонѣ, привлекло наше вниманіе большое имѣніе съ прекраснымъ садомъ и красивымъ господскимъ домомъ. Это *Шахъ-Мамай*, принадлежащее И. К. Айвазовскому, который обыкновенно проводитъ здѣсь все лѣто и пріѣзжаетъ въ Θеодосію только на нѣсколько недѣль для

морскихъ купаній, или поздней осенью на зиму, если онъ не зимуетъ въ Италіи. Ему принадлежатъ также *Бр[illegible]ки* и тѣ, которые бывали тамъ говорятъ, что оба имѣнія отличаются своими богатыми садами и плантаціями, великолѣпными видами и необычайнымъ обиліемъ вкусной воды. Направо отъ большой дороги, верстахъ въ десяти отъ второй почтовой станціи *Бурундука*, видна нѣмецкая колонія *Цюрихталь*; она считается самой значительной и богатой въ этой части Крыма и соперничаетъ съ другой колоніей нѣмцевъ менонитовъ *Таманъ*, имѣющей на рѣчкѣ Карасу, между Бурундукомъ и Карасубазаромъ, 18,000 десятинъ превосходной земли съ заливными лугами, богатыми полями, мельницами и садами. Большая дорога пересѣкаетъ долины обоихъ Ендолей и подымается къ станціи Бурундукъ однообразной, незанимательной степью до самаго Карасубазара. Поэтому я не очень жалѣла, что намъ пришлось проѣхать послѣднія десять верстъ, когда уже смерклось, но нашъ кучеръ былъ этимъ очень недоволенъ, боясь попасть въ канаву или рытвину. Онъ ѣхалъ очень тихо, осторожно спускаясь съ холмовъ въ балки и взбираясь на косогоры. Стало особенно темно когда молодой мѣсяцъ, свѣтившій намъ немного съ вечера, скрылся за густую, черную тучу; вокругъ насъ была такая темь, что намъ не видать было нашихъ лошадей, невидать было и длиннаго деревяннаго моста у въѣзда въ городъ и легко могло случиться, что въ темнотѣ мы попадемъ въ грязную рѣчку, а не на мостъ. Но ямщикъ нашъ, ѳеодосійскій уроженецъ, хорошо зналъ эту мѣстность и довезъ насъ

Очень пріятно было услыхать вдругъ

стукъ лошадиныхъ копытъ по досчатой настилкѣ моста. Вскорѣ замелькали огоньки и выстроились длинными рядами высокіе тополи, окаймляющіе карасубазарскіе сады, потомъ коляска загремѣла по убійственной мостовой главной карасубазарской улицы. Изъ татарскихъ кофеенъ и *хановъ* *) еще лился красноватый свѣтъ, на открытыхъ галлереяхъ домовъ раздавались голоса и мы наконецъ подъѣхали къ Одесской гостинницѣ, гдѣ нашли удобный номеръ и порядочный ужинъ, состоящій главнымъ образомъ изъ мѣстнаго шашлыка.

На другой день рано утромъ мы отправились въ Симферополь, откуда въ тотъ же вечеръ умчались съ скорымъ поѣздомъ въ Москву.

Два мѣсяца проведенные въ Крыму мнѣ казались сномъ и все виденное оставило въ моей душѣ столько различныхъ впечатлѣній, что я могла отдать себѣ отчетъ только въ одномъ: мнѣ было безконечно жаль разстаться съ волшебными картинами южнаго берега, съ моремъ, съ лѣсами, долинами, горами, которыхъ яркость, по мѣрѣ ихъ удаленія, казалась мнѣ еще привлекательнѣе; неизмѣнный Чатыръ-Дагъ, какъ вѣрный другъ, одинъ глядѣлъ на насъ съ высоты своего величія и прощаясь съ нимъ можетъ быть навсегда, я вспоминала Пушкина и Лермонтова и повторяла съ Мицкевичемъ:

„Онъ мачта Крыма, нашъ великій Чатыръ-Дагъ,
„И свѣта минаретъ, и горъ всѣхъ падишахъ!“

---

*) Ханъ, т. е. заѣзжій домъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Краткія свѣдѣнія, полезныя для путешествія по Крымскому полуострову.

Крымскій полуостровъ лежитъ между 44° и 46° сѣверной широты и между 50° и 54° восточной долготы. Береговая или южная часть полуострова, обставленная съ сѣвера горами и омываемая моремъ, отличается мягкою и равномѣрною температурой и пользуется климатомъ южной Франціи и сѣверной Италіи. Обыкновенно *южнымъ берегомъ* привыкли называть береговое пространство отъ мыса Сарачъ, или Форосъ, до Алушты, но береговая полоса и междугорныя пространства отъ вышеозначеннаго мыса до самой Ѳеодосіи обладаютъ тѣми же климатическими условіями и разница только въ томъ, что далѣе Алушты къ востоку уже не могутъ рости лавры, магноліи, кипарисы и прочія южныя растенія.

Для лѣченія признаются самыми удобными мѣстностями: Ялта, Симеизъ, Лимены, Ѳеодосія, Судакъ, Алушта, Севастополь и Евпаторія.

1) **Ялта** и вся ялтинская долина защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ горами, достигающими 5000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря, поэтому весна здѣсь появляется ранѣе, зима бываетъ короче и равномѣрнѣе, чѣмъ въ другихъ цѣлебныхъ мѣстностяхъ Крыма, что

конечно дѣйствуетъ благотворно на людей, ослабѣвшихъ вслѣдствіе тяжкихъ болѣзней и страдающихъ малокровіемъ, катарромъ желудка, легкихъ и проч. и проч. Морскія купанья въ Ялтѣ неудобны, дно очень каменисто и волны бьютъ часто и сильно; температура моря у береговъ самая высокая отъ 20° до 22° по Р.; осенью и зимой отъ 14—9, рѣдко ниже. Въ Ялтѣ можно лѣчиться кумысомъ и виноградомъ, а на высотахъ Яйлы было бы возможно устроить лѣченіе горнымъ климатомъ, ради котораго многіе больные ѣздятъ въ горныя страны западной Европы. Опытъ былъ сдѣланъ въ земляхъ Ливадіи, гдѣ построенъ на склонѣ хребта Яйлы небольшой дворецъ Эрикликъ, вблизи котораго на 3000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря находится защищенное плато, на которомъ было бы весьма удобно устроить климато-лѣчебное мѣсто, для пользованія горнымъ воздухомъ. Въ Ялтѣ пять гостинницъ: 1) *Россія*—100 №, отдѣльныя большія залы, свое газовое освѣщеніе и свой водопроводъ, цѣна за № отъ 1 р. 25 коп. до 15 рублей въ сутки. 2) *Эдинбургская*—65 №. 3) *Ялтинская*—45 №. 4) *Крымская*—24 №. 5) *Мулла-Ассанская*. Цѣна во всѣхъ отъ 1 рубля до 3-хъ, 4-хъ и 5-ти руб. въ сутки. При каждой изъ этихъ гостинницъ существуетъ ресторанъ съ цѣнами, приблизительно за каждую порцію, отъ 40 до 60 коп. Кромѣ гостинницъ въ Ялтѣ много меблированныхъ комнатъ, гдѣ отдается комната со столомъ, смотря по сезону и по многочисленности съѣзда отъ 40 до 80 рублей въ мѣсяцъ.

2) **Симеизъ и Лимены** также признаны спеціалистами весьма пригодными мѣстностями для устройства клима-

тическихъ станцій. Въ Лименахъ въ пансіонѣ г-жи Смѣловой за комнату съ чаемъ, или кофе, обѣдомъ изъ трехъ блюдъ, вечернимъ чаемъ и ужиномъ платятъ лѣтомъ отъ 60—120 рублей въ мѣсяцъ, а зимой отъ 50—100 руб. Въ другихъ пансіонахъ, напримѣръ въ Симеизѣ и Гурзуфѣ цѣны приблизительно тѣ же. Если же кто нанимаетъ помѣщеніе на нѣсколько дней, то платитъ посуточно отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к., смотря по комнатѣ.

3) **Въ Ѳеодосіи** климатъ мягкій, здоровый; морскія купанья отличныя и жизнь не очень дорога, особенно въ сравненіи съ Ялтой; здѣсь также лѣченіе кумысомъ и виноградомъ удобно. Кромѣ двухъ гостинницъ: Крымской и другой на берегу моря вновь открытой, въ городѣ отдаются частныя квартиры на весь лѣтній сезонъ и устроены меблированныя комнаты. Цѣна мѣняется по числу пріѣзжихъ отъ 1 р. 25 коп. до 2 р. 50 к. за комнату въ сутки. Цѣны на порціи всюду одинаковы, отъ 40 до 60 коп.

4) **Въ Судакѣ и Алуштѣ** морскія купанья не такъ удобны какъ въ Ѳеодосіи; купаленъ нѣтъ, дно морское въ Алуштѣ каменисто и море у самаго берега довольно глубоко, но за то климатическія условія превосходны и лѣченіе кумысомъ и виноградомъ, а въ Судакѣ молокомъ и сывороткой, обходится недорого и притомъ кумысъ и сыворотка приготовляются очень хорошо. Въ Алуштѣ три гостинницы: *Приморская* у берега моря, *Русская* и *Базарная* на базарной площади и меблированныя комнаты г-жи Нарбутъ. Во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ за одну комнату въ сутки платятъ отъ 1 руб. до 2 р. 50 к.; столъ отдѣльно по порціямъ, отъ 40 до

14*

50 коп. за порцію. Въ Судакѣ только одна гостинница на берегу моря, но можно нанять одну, или двѣ комнаты у садовладѣльцевъ со столомъ, или безъ стола, по желанію. Цѣна номеровъ приблизительно таже что въ Алуштѣ; порціи въ гостинницѣ отъ 40 до 60 коп.

5) **Севастополь** по своему мѣстоположенію и удобному сообщенію съ центромъ Россіи по Лозово-Севастопольской желѣзной дорогѣ, а съ Одессой крымскими и кавказскими портами посредствомъ пассажирскихъ пароходовъ представляетъ для путешественника много удобствъ, въ томъ числѣ хорошія, морскія купанья и здоровый климатъ, но для больныхъ съ слабыми глазами, или страдающихъ грудью, пребываніе въ этомъ городѣ можетъ быть очень вредно, такъ какъ въ немъ бываетъ постоянно известковая пыль, происходящая отъ известковыхъ скалъ и холмовъ, окружающихъ городъ и вызывающая кашель даже и у людей здоровыхъ. Въ Севастополѣ лучшія гостинницы: *Киста* близъ пристани по Екатерининской площади, *Ветцеля* на Екатерининской улицѣ и Grand Hôtel Завадокаго, противъ гостинницы Ветцеля. За номеръ платится отъ 1 р. 25 коп. до 5-ти руб. по величинѣ комнаты, этажу и выходитъ ли комната окнами на улицу, или на дворъ.

6) **Въ Евпаторіи**, кромѣ морскихъ купаній, которыя превосходны, удобствъ очень мало. Пріѣзжаютъ сюда, большей частью, для купанья жители сосѣднихъ мѣстностей Крыма и больные, окончившіе курсъ лѣченія минеральными грязями въ Сакахъ, послѣ которыхъ обязательно предписываются морскія купанья. О Сакскихъ грязяхъ я говорила очень подробно въ первой части моихъ „*Воспоминаній о Крымѣ*“ и теперь прибавлю

только что есть въ Крыму еще другое грязелѣчебное заведеніе подобное Сакскому, въ 12 верстахъ отъ г. Керчи, въ деревнѣ *Чокракъ*, съ такими же натуральными грязями, нагрѣваемыми солнцемъ до 40° по Реомюру. Въ Евпаторіи двѣ гостинницы плохія и грязныя, но можно нанять комнату за 1 рубль въ сутки у жителей и уговориться съ хозяйкой на счетъ обѣда, также за 1 рубль въ день.

7) **Въ Керчи** нѣсколько гостинницъ. Лучшія—*Центральная* на площади, противъ церкви св. Іоанна Предтечи и *Эрмитажъ* на набережной. За номеръ платятъ лѣтомъ, смотря по комнатѣ, отъ 1 р. 50 коп. до 3-хъ рублей и дороже. То же самое можно сказать о гостинницахъ въ Симферополѣ, изъ которыхъ самая лучшая *Петербургская*. При всѣхъ гостинницахъ есть рестораны, порціи обыкновенно платятся по 40, 50 и 60 копѣекъ.

Во всѣхъ городахъ Крыма экипажи хороши и недороги; покойная коляска парой стоитъ 50 к. въ часъ; если ѣхать за городъ, или кататься по городу нигдѣ не останавливаясь, обыкновенно платятъ 1 рубль за часъ ѣзды; отъ вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ и пристаней до гостинницъ существуютъ на экипажи весьма умѣренныя таксы приблизительно 30, 40 копѣекъ съ сѣдока, за багажъ платятъ особо.

Крымскій полуостровъ, какъ извѣстно, соединенъ съ Россіей Лозово-Севастопольской желѣзной дорогой. Отъ станціи Лозовой считается до Севастополя 570 верстъ т. е. около 24-хъ часовъ ѣзды, что стоитъ на почтовомъ поѣздѣ въ I-мъ классѣ—22 руб., во 2-мъ—16 р., въ 3-мъ—8 р. 20 коп. Первая большая станція на Ло-

зово-Севастопольской желѣзной дорогѣ въ Крыму— Симферополь, губ. городъ Таврической губерніи (отъ Лозовой 497 верстъ.)

Отъ Симферополя идетъ шоссейная дорога, черезъ Алушту на южный берегъ до Севастополя, всего 159 верстъ.

Станціи:	Мамутъ-Султанъ . .	14 верстъ.
	Таушанъ Базаръ .	16 „
	Алушта	19 „
	Буюкъ Ламбатъ . .	14 „
	Ай Даниль	16 „
	Ялта	11 „
	Кикинеизъ	15 „
	Байдарскія ворота.	16½ „
	Четалъ Кая . . .	17½ „
	Севастополь . . .	20 „
		159 верстъ.

Можно ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ, въ открытомъ тарантасѣ или телѣжкѣ по обыкновенной почтовой таксѣ. Если нанять коляску парой, или тройкой, то все путешествіе будетъ стоить рублей 60, съ остановками въ Алуштѣ и Ялтѣ на ночь, или на двѣ, по соглашенію.

Отъ Симферополя по почтовой грунтовой дорогѣ до Керчи 204 версты.

Станціи:	Зуя	22 вер.
	Карасубазаръ.	22 „
	Бурундукъ . .	21 „
	Криничкя . . .	20 „
	Ѳеодосія . . .	22 „
	Чарпачъ . . .	24 „

Станціи: Агибель . . .	14	вер.
Аргинъ . . .	14	„
Султановка . .	22	„
Керчь	23	„
	204	вер.

Ѣзда въ тарантасѣ на почтовыхъ платится по таксѣ за версту, а въ коляскѣ на вольныхъ стоитъ приблизительно отъ 50-ти до 60-ти руб. Почтовая дорога изъ Симферополя въ Судакъ идетъ въ сторону отъ станціи *Бурундукъ* черезъ станцію *Эльбузлы*, всего 41 верста.

Отъ Симферополя по почтовой грунтовой дорогѣ до Евпаторіи 63 версты.

Станціи: Тулатская .	22	вер.
Сакская . .	22	„
Евпаторія .	19	„
	63	версты.

Ѣзда на почтовыхъ въ тарантасѣ по таксѣ; если въ коляскѣ на наемныхъ лошадяхъ, то будетъ стоить отъ 12 до 15 рублей.

Желающимъ проѣхать дешевле къ мѣсту своего назначенія можно изъ Севастополя отправиться моремъ на пароходахъ *Русскаго общества*, (которые останавливаются въ Ялтѣ, Ѳеодосіи и Керчи, кажется три раза въ недѣлю) въ Одессу и въ кавказскіе порты до Батума. Пассажирскій тарифъ изъ Севастополя до Керчи, если не ошибаюсь, для 1-го класса—9 руб. для 2-го—6 руб. и для 3-го—2 руб. Пассажиры перваго и втораго класса пользуются столомъ безплатно.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I.

Часть II.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

